

Я ♥ читать

Дмитрий БЫКОВ

КАК ПУТИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ США

Дмитрий БЫКОВ

КАК ПУТИН СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ США

Я ♥ читать

Современные и классические бестселлеры

Современные и классические бестселлеры

Дмитрий БЫКОВ

КАК
ПУТИН
СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ
США

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
АМФОРА
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б 95

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Быков Д.

Б 95 Как Путин стал президентом США: новые русские сказки / Дмитрий Быков. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2012. – 287 с. – (Современные и классические бестселлеры).

ISBN 978-5-699-37227-0 (общ.)

ISBN 978-5-367-02288-9

В некотором царстве, в некотором государстве (типа давным-давно) Салтыков-Щедрин придумал жанр сатирических сказок. Полвека спустя, в аккурат перед первой массовой экскурсией трудящихся в Зимний дворец, жанр обновил Максим Горький. И тоже очень успешно.

Прошло еще почти сто лет...

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6**

**ISBN 978-5-699-37227-0 (общ.)
ISBN 978-5-367-02288-9**

© Быков Д. Л., 2005
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2012

Жила-была баба, скажем — Матрена...

М. Горький. Русские сказки

Жила-была баба, допустим, опять Матрена. Тем более что с начала века в ней очень мало что изменилось: аршином по-прежнему не понять, умом не измерить, больна всем сразу, лечиться не хочет и не померет, по всей вероятности, никогда. Правда, сказать, что она по-прежнему велика и обильна, было уже никак невозможно: если чего и было у ней в изобилии, так исключительно паразитов, которых ползало по ней видимо-невидимо. Велика она была, что да, то да, хотя некоторые ее конечности уже отсыхали и отпадали понемножку, да и часть волос по окраинам повывлезла, но масштабом Матрена по-прежнему впечатляла, и дети у нее не переводились. Лучших из них Матрена, по своему обыкновению, поедала, некоторых для вкуса предварительно сгноив, либо отправляла на воспитание к соседям, чтобы не смущали ее покоя. Чада ее, выросшие в соседских домах, изобрели там вертолет, телевизор и Второй концерт Рахманинова. Соседи были Матрене очень благодарны и иногда подбрасывали еды.

Любил ли Матрену Борис, сказать затруднительно. Знали только, что масштабами он был отчасти

сходен с Матреной, да еще походил на нее тем, что решительно не знал, для чего он такой большой уродился. Однажды, заскучавши, он возжелал обладать Матреной. И вскоре стал очередным законным мужем нашей героини. Правда, зная свою обоюдную непредсказуемость, герои промеж собою заключили брачный контракт на четыре года: там, говорят, посмотрим.

Первое время они очень веселились, но потом Матрена стала замечать, что детей у нее становится все меньше, пальцы отваливаются все быстрее, волосы и вовсе выпадают дождем, а на теле завелись стружья — то там зачешется, то тут заболит. Когда пришел срок продлевать контракт, Матрена явственно стала склоняться к тому, чтобы Боря каким-то образом сместить, потому что сожительство их потеряло для нее всякую привлекательность. При очередном продлении она твердо решила с Борей завязать.

Боря, однако, тоже был не пальцем сделан, не под забором найден (хотя находили его иногда и там, что греха таить), и лишаться Матрены ему совершенно не хотелось. Как вы думаете, что он сделал? Никто не угадает. Он замесил в колбе гомункулуса.

Чтобы гомункулус уродился пострашнее, смешал он в колбе желчь бюджетника и голодную слюну шахтера. Плеснул еля — для умиротворения крайностей. Влил банный пот аппаратчика, выходящего из сауны порезвиться в бассейне с секретаршей. Добавил слезу охранника-пенсионера, вспомнившего боевую молодость, когда такие, как он, гоняли босиком по колымскому морозу не таких, как он. Пошла в дело и кровавая сопля писателя-патриота. Ну и, ясное дело, сам плюнул в получившийся питательный бульон — что-

бы гомункулус вышел что надо, с волей и даром убеждения. В порядке украшения навесил Боря на свое чадо спереди серп и молот, а сзади — свастику. Чтоб уже совсем было страшно — что спереди, что сзади. Замысел был прост, как все гениальное. Хочет, значит, Матрена сменить мужа. Глядь, а на пороге гомункулус. Вот и весь тебе выбор Матрены. Знамо дело, Боря тут же восстанавливается в правах еще на четыре года. Чтобы сам гомункулус, не дай бог, при всей своей ярости никого не покусал, зубов ему Боря не дал. Все остальное было у него как у человека, только уж очень страшное. И назвал Боря свое изобретение — Замечательно Юркий Гомункулус, Активно Насаждающий Оппозиционные Взгляды. А для краткости стал звать сокращенно, по первым буквам. Это называется аббревиатура.

Гомункулус и впрямь получился юркий да шустрый, возрос стремительно, даром что буквально из грязи, а главное, — тут уж наш Франкенштейн достиг своей цели — был так страшен с виду, что на фоне его и Боря казался подарком судьбы. Правда, о мировоззрении его Боря совершенно не позаботился. Оппозиция — и все тут. В результате гомункулус, которого Боря иногда ласково звал Геною (от латинского *genus* — рожать), был постоянно разрываем на части взаимоисключающими стремлениями. Слеза охранника требовала от него всех расстрелять. Попов в первую очередь, ибо они враги народа. Елей, напротив, вменял Гене в обязанность регулярно прикладываться к поповской ручке. Он же склонял Гену к православию, но кровавая сопля писателя-патриота требовала интереса к черной магии и трудам Александра Дугина. Голодная слюна шахтера хотела все у всех

отобрать, но пот аппаратчика в такие минуты прошибал Гену с небывалой силой, удерживая от непредсказуемых действий. Короче, так бы его и разорвало, но Борин плевок словно цементом сплавивал в одном теле взаимоисключающие крайности.

Дальше все случилось по-Бориному: подходит время продлевать контракт, Матрена ропщет, и тут входит Боря с гомункулусом под руку: а ентого ты не хошь? Глянула Матрена и обмерла: на щеке бородавка, на лбу другая, голос ровно из бочки и говорит как по писаному, но кроме писаного, ничего сказать не может, потому что программа ему в голову заложена очень нехитрая, ровно на год, чтобы Матрену один раз уговорить. Больше двух продлений Боря бы и сам не выдержал. Да и Матрену почти никто еще не выдерживал дольше.

Потому сказать Гена мог очень немногое: все не так, преступная клика, бей ненаших, миру — мир, вставай, страна огромная, всем по куску, власть — народу, красный октябрь, черный октябрь (имелись в виду два пожара в Матренином сердце, разделенных семьюдесятью шестью годами), самодержавие, православие, народность, пролетариат, духовность, гляжу в озера синие, пасть порву — и еще кое-что из репертуара писателя-патриота, в основном по фене.

Глянула Матрена, лицом в Борисову грудь уткнулась, задрожала:

— Не оставь ты меня, — причитает, — друг сердешный, спаси от свово чудища!

— Да чем же он не люб тебе? — подначивает Боря. — Он тебе враз кровопускание сделает — половина паразитов к соседям со страху сбежит! То-то им от нас давно никакого подарка не было!

— Ах нет, сударик, — лепечет Матрена, — ты хоша и крут, и в гневе страшон, и зашибаешь по маленькой, но никакого сравнения! Убери свово Гену, кормилец, а я за то тебя ишо четыре года на широкой своей груди продержу и кормить буду, чем попросишь!

— Ну то-то! — говорит Боря. — Спасибо, Гена, ты послужил мне и можешь убираться.

— Миру — мир, — отвечает Гена, — позорную клику — к ответу!

— Да ты чо, Гена?! — восклицает Борис. — Ну-ка, пошел вон отсюда!

— Вставай, страна огромная, — говорит Гена. — Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла. Мы наш, мы новый мир построим. Кто не работает, тот не ест. Отче наш, иже еси на небеси, будь готов!

Тут-то и вспомнил с ужасом Боря, что забыл вмонтировать своему кадавру кнопку для выключения, чтобы, значит, могла его кукла дать обратный ход, заткнуться, исчезнуть в тумане и не препятствовать больше его с Матреною счастью, — как минимум, до очередного продления контракта. Гомункулус не имел обратного действия! Хорошо хоть не было зубов... Ни к каким действиям Гена способен не был — только и мог твердить как заведенный: долой, мол, преступную клику, смело, товарищи, в бога душу мать, — и наслаждаться семейственным счастьем в его присутствии не было никакой возможности! Ползет Боря на Матрену, на пуховую перину, а Гена тут как тут, стоит у кровати и бухает, как из бочки: «Выведу народ на улицы! У меня философское образование! Владыкой мира будет труд! Смирно!»

К тому же с супружескими обязанностями Боря справлялся все хуже и хуже — его больше привлекала

сначала бутыль, припрятанная у Матрены в погребе, а потом общение с молодежью, которой он отдал Матрену на поругание, сказавши, что реформаторы свое дело знают. Реформаторы с Матреной разобрались по-быстрому — стали кусками рвать ее мясо, расплодили невиданное число паразитов, а сами колесили по Матрене в иномарках, распевая непристойные песни и поговаривая промеж собою, какая у них Матрена дура и как мало ей осталось портить тут воздух. Матрене все это дело, конечно, надоедало помаленьку, и скоро кадавр Гена стал ей казаться не худшим вариантом.

— Пожалей меня, убогую, — плакалась она ему.

— Подыметесь мститель суровый, и будет он нас по сильнее! — гулко восклицал Гена.

— Ить что творят со мной, ироды! — жалилась Матрена.

— Банду к ответу, судью на мыло! — выдавал Гена.

— Раньше-то лучше было, — замечала Матрена.

— Снявши голову, по волосам не плачут, — корил Гена. Он этих пословиц и поговорок знал чрезвычайно много.

— Один ты меня понимаешь, — умилялась Матрена.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать, — некстати вворачивал Гена, но Матрене уже было неважно, кстати он говорит или некстати. К тому же за время, проведенное с Борей, Матрена здорово поглупела — и оттого ей что ни скажи, все было в тему. Тут бы и смениться Бориному режиму, но расплодившиеся по Матрене паразиты быстро додумали, что и с гомункулуса можно кое-что поиметь,

и стали потихоньку его растаскивать. Каждому — что понравится. Один — самый радикальный паразит — утащил слезу охранника. Другой — слюну шахтера. Третий — пот аппаратчика. Расчленили бедного кадра за каких-то пару лет до того, что из всех лозунгов, которые в него заботливо вложил Боря, только один и остался: банду к ответу! — но про эту банду уже так вопили все паразиты, включая и членов банды, что голос Гены в этом хоре совершенно потерялся.

Паразит Вольфыч взял у кадра блатную истерику.

Паразит Михалыч перенял аппаратную солидность, непрошибаемую наглость и пролетарскую лысину.

Паразит Максимыч отхватил лозунг насчет того, что прежде было лучше.

Паразиты Альберт с Александром сперли свастику, а юродивый Виктор по кличке Луженая Глотка прихватил серп и молот. Только и успел выдохнуть Гена, когда его окончательно разбирали на лозунги да обломки: «За победу!» — но выдоха этого никто уже не услышал.

— Где же ты, избавитель? — спросила Матрена — и ахнула.

Три десятка ожиревших, но вечно голодных избавителей лезли на нее, подбираясь к самому горлу. То и точно был ее Гена, но сначала на тридцать поделенный, а потом на сотню умноженный. И у каждого в пасти сверкали острые железные зубы.

Матрена ойкнула и в очередной раз лишилась чувств.

ПЛАМЕННАЯ ЛЕРА, ИЛИ ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

С детства Лера любила играть со спичками. Пря- тать их было бесполезно: пытливый ребенок всюду находил запретный коробок и жадно воспламенял окружающие предметы. На беспокойные родитель- ские расспросы — мол, зачем ты это делаешь и не жалко ли хорошую вещь, Лера, едва научившись гово- рить (а говорить она начала очень рано и сразу очень много), пламенно доказывала, что всякая вещь суще- ствует для того, чтобы гореть, а если она подло спасает свою жизнь, не желая рассеивать окружающую тьму, то это дезертирство. Когда ей возражали, что на улице стоит белый день, Лера презрительно обзывала окружающих слепцами. В мире царила вечная ночь, он был полон несправедливости: кошка ловила мыш- ку, паук питался мухой, лошади кушали овес и сено, Волга впадала в Каспийское море, а бесчеловечные коммунисты угнетали трудящихся. Тот факт, что тру- дящиеся были очень довольны да еще подмахивали, ограничиваясь в смысле недовольства анекдотом за кружкой ларечного пива или брызжанием в кухне за щедро накрытым столом, Леру нимало не смущал. Но на беду, она родилась на болоте, гордо занимавшем

одну шестую часть суши, — так что поджечь здесь что-нибудь без керосина было практически нереально, да и с керосином все быстро гасло со страшным шипением и вонью. В лучшем случае подолгу тлели торфяники.

С раннего детства Лера доставила пожарным немало хлопот. Желая обратить как можно больше живых существ на борьбу с царящей в мире несправедливостью, она пыталась воспламенить своими речами всех окрестных жуков, гусениц, бабочек, а когда подросла — стала обращаться со спичками уже к собакам и кошкам. Сверстники ее побаивались: когда речи не действовали, девочка выхватывала коробок и принималась воспламенять собеседников вполне буквально. Иногда дворник позволял ей поджечь кучу сухих листьев, но от сухих листьев в борьбе за освобождение Родины не было никакого проку. Летом Лера жгла тополиный пух, но он, как кухонный диссидент, легко воспламенялся и так же быстро гас. Тем не менее как-то раз она чуть не спалила целый квартал, и справедливость уже лизала своими огненными языками белье на дворовой веревке, но подкрались злобные соседи, и торжество добродетели отсрочилось на неопределенное время, а Лере в буквальном смысле нагорело по первое число. Однажды Лера изловила бродячего пса и попыталась примотать ему к хвосту фитиль, но он вырвался и умчался — явно не спасать Родину.

— Трус! — кричала Лера ему вслед. — Конформист!

На детских утренниках она громче всех кричала: «Елочка, зажгись!» Ей так хотелось, чтобы елка — христианский символ, который пошел на поводу у большевиков и терпит свое использование в их скверных

празднествах, — взорвалась снопом искр и подпалила и этого Деда Мороза с его фальшивой бородой, и эту разряженную Снегурку с ее слащавой песенкой о счастье советских детей, и весь этот зал, подло украшенный подлой символикой... Но елочка зажигалась в лучшем случае бенгальскими, а в худшем — банальными электрическими огнями, и Лера в ярости выплевывала леденец.

В свободное от поджигательства время она писала листовки. Круглым крупным почерком отличницы на листах школьной тетради в клетку она выводила свои любимые лозунги: «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если он, она, оно гореть не будет, кто тогда рассеет тьму?», «Гори, гори ясно, чтобы не погасло! Гори, гори ярче, небу будет жарче!», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем», «Гори, гори, моя звезда!» (ниже изображалась красная звезда, охваченная синим пламенем), «Взвейтесь кострами, синие ночи!» (это была единственная советская песня, которую Лера любила по-настоящему: только ради нее она и посещала бессмысленные уроки пения в родной школе, — впрочем, нравилась ей и песня о том, как там вдали, за рекой загорались огни), «Догорай, гори, моя лучина, догорю с тобой и я». Естественно, думала она и о самосожжении, но его, как самое приятное, откладывала на десерт: сначала следовало наподжигать как можно больше народу. Излюбленной ее игрой сделались горелки, но дети не любили с ней играть, потому что водить (т. е. «гореть») она никого не пускала. Ее настольными книгами были «Огонь», «Борьба за огонь», «Земля в огне», «Огневушка-поскакушка», «451° по Фаренгейту», журналы «Костер» и «Огонек», а также вся серия «Пламенные революционеры»; из

музыки она предпочитала ВИА «Пламя». Все попытки выучить ее готовить были тщетны — она упорно пережаривала любую еду, не в силах выключить газ. Такой ее и заставляли родные — в дыму, в чадной кухне, мечтательно глядящей на голубой венчик конфорки.

Надо ли говорить, что идеалами Леры были герои и героини, погибшие на костре либо сумевшие поджечь свою Родину так, чтобы тлело еще лет двести. Жанна д'Арк была ее кумиром. Единственное, чего Лера не могла ей простить, так это бездарной траты времени на какое-то там взятие Орлеана, в то время как в назидание будущим героям следовало немедленно влезть на самую высокую точку тогдашней Франции и поджечь себя. Злейшими же врагами Леры были пожарники, тушащие и душащие все живое и прогрессивное. По ночам она била стекла в пожарных машинах, писала на их капотах слово «сатрапы», а иногда не могла отказать себе в удовольствии набрать «01» и крикнуть в трубку: «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья!»

За все эти правонарушения Леру подвергали разнообразным притеснениям вплоть до ссылок и пыток. Надо сказать, что переносила она их с небывалым мужеством, служившим примером для других борцов. Разумеется, расти она при чуть более человеческой власти, ее бы давно оставили в покое или пустили по части пиротехники, поскольку помимо своего огнепоклонничества она не обладала никакими социально опасными чертами, а была, напротив, милейшим человеком, знатоком французского экзистенциализма и большой любительницей котов. Но властям некогда было разбираться в том, какой Лера человек. Они

знали только, что Лера раскидывает листовки и поджигает предметы, к тому не предназначенные.

В ссылках Лера разработала собственную теорию мироздания, согласно которой все вещи делились на правильные и неправильные. Правильные, в свою очередь, могли либо самовоспламеняться (это были высшие вещества в ее иерархии, вроде нитроглицерина, взрывающегося от сотрясения), либо быть поджигаемы. К правильным вещам относились керосин, дрова, спички, спирт и Долорес Ибаррури, более известная под кличкой Пассионария. К неправильным в первую очередь относилась вода, которую Лера называла своим злейшим врагом и истребляла как только могла. Далее шли железо, кирпич, почва и все руководство страны. Социальный аспект Лериной теории сводился к тому, что сначала в мире надо оставить одно горючее, а потом воспламенить его с помощью зажигательной речи (если подействует) или зажигательной смеси (если оратор окажется недостаточно пассионарен). Вследствие всемирного горения должна была высвободиться небывалая творческая энергия, а главное — одним махом прекращались все несправедливости. Птицы переставали клевать беззащитных насекомых, капиталист и рабочий уравнивались в правах, а Волга выпадала из Каспийского моря, которое со всеми своими нефтяными вышками должно было вспыхнуть первым. В таких-то мечтах Лера смотрела в глазок печурки, и в очках ее загорался ответный нехороший огонек. Чтобы во время всеобщего преображения вспыхнуть особенно ярко, она питалась исключительно горючей смесью из пороха и кайенского перца, запивая его Молотов-коктейлем,

но окончательное решение всех вопросов откладывала, ожидая благоприятного момента.

Время, однако, шло, и времена переменялись — пусть не совсем так, как предсказывала Лера. Ее любимое Отечество не загорелось, а напротив — окончательно заболотилось, и вместо примитивного красного мха на нем выросла элегантная трехцветная плесень. Леру вернули из ссылки и даже разрешили выступать публично, но вскоре снова загнали в подполье, ибо на выступления она имела обыкновение приходить с канистрой бензина, из которой щедро поливала толпу. С криком «Пока свободой горим!» она лезла за спичками, но толпа бросалась врассыпную, и Лера разочарованно говорила на пустой площади еще часа полтора. Она создала даже небольшую партию единомышленников «ДС», что расшифровывалось как «Давайте сгорим!», но по степени пламенности партийцам было до нее далеко. На ее фоне все они были в лучшем случае постепеновцы, готовые поджечь власть, торфяное болото, Каспийское море, ну Леру, в конце концов, — но никоим образом не себя.

Тем временем на болоте появился политик, который устал от постепенности и захотел радикализма. Конечно, Лериной пламенности он мог только завидовать, но и сам кое-что из себя представлял по части огневой мощи. Для начала, перебравшись из Свердловска в Москву, он развернул такую бурную деятельность, что Москва чуть было не загорелась в очередной раз. Потом он попытался испепелить своими взглядами тогдашний состав ЦК, но количество воды на партийных пленумах было таково, что наш герой с шипением был разжалован в строители. Там он некоторое время тлел, но поскольку народ от голода и нетерпе-

ния уже порядочно усох, этого тления хватило, чтобы лучшая его часть — передовая интеллигенция — со страшной вонью задымилась. Лера подумала, что пришел ее час.

— Значит, радикально все смести? — спрашивала она опального политика.

— Все к чертям! Чтобы небу жарко! — отвечал свердловский радикал.

— То есть дым коромыслом?

— С треском и искрами!

— Чтобы свобода, равенство и братство? Чтоб никого в живых?! — с замиранием сердца спрашивала Лера.

— Почему нет! — отвечал политик, которого на тот момент устраивал даже конец света — лишь бы вместе со светом наступил конец и его лысому патрону, который так безжалостно низверг бывшего любимца. И Лера доверчиво поддерживала будущего ниспровергателя, горячо привлекая к нему сердца.

А поскольку болото заболачивалось все пуще, а интеллигенция воняла все удушливее, народ натужился и выбрал опального на царство. В ночь выборов Лера нанюхалась пороху, чтобы, когда начнется, рвануть первой, — но, проснувшись наутро, увидела за окном обычный пейзаж без всяких следов пепла, и даже пожарные не были объявлены вне закона. Дело в том, что опальный разрушитель, встав во главе болота, автоматически разлюбил огонь и полюбил воду — таково было магическое свойство власти, о котором Лера и не подозревала: ведь ей никакой власти никогда не предлагали! Она поспешно переориентировалась и тут же сожгла портрет нового главы государства под окнами его резиденции, пыталась

поджечь и самое резиденцию, но та отсырела еще при прежнем руководителе, налившем в родное болото столько воды, что хватило на несколько поколений.

Все, кого Лера поддерживала на пути во власть, поначалу обещали ей в обмен на поддержку поджечь моря и взорвать пороховые склады, но власть тут же преобразовала бывших оппозиционеров, и на Леру с ее неизменными спичками и многочасовыми спичками начинали смотреть с подозрением. При главном опальном политике ей даже попытались пришить разжигание межнациональной розни (поскольку южные, более сухие участки болота затлели давно), но абсурдность обвинения была слишком очевидна: при всей своей пламенности Лера не умела разложить и пионерского костра, а уж поджечь целую республику было тем более не в ее власти. Она продолжала неутомимо проповедовать самоуничтожение, называть всех живых предателями, отказывать себе в спиртном (которое горит и потому должно оберегаться) и пить одну воду (которую надо истреблять елико возможно) — и все напрасно: кроме шапок на крепких хозяйственниках, ничто не горело. Но то ли шапки были несогораемые, то ли пламя какое-то по-набоковски бледное — к нему очень быстро привыкли.

Привыкали, кстати, и к самой Лере — постепенно, не вдруг, но капля камень долбит. Ее появления со спичками были теперь частью почти всех официальных детских мероприятий в стране. Ее канистра с бензином сделалась сначала любимой деталью карикатуристов, а потом известным местным сувениром. Леру стали изображать на спичках, она превратилась в персонажа светской хроники, нефтедобытчики считали за честь заручиться ее рекомендацией. Многие бензо-

колонки украсились лозунгами «Лера пользуется нашим бензином!». На плакате изображалась Лера в нимбе, говорящая к народу из горящего куста. Ее приглашали на телевидение, огнеглотатели посвящали ей цирковые номера, ее книги отлично раскупались — правда, брали их в основном дачники на растопку, потому что горели они замечательно, как всякая хорошая рукопись. Вскоре у Леры установился симбиоз с известным местным предпринимателем Костей, который после нескольких лет бизнеса понял, что при нынешних акульих нравах это занятие не для него. Он обнаружил у себя задатки шоумена и занялся промоушеном Леры. Вместе они снимались в кино, дуэтом исполняли любимое «Взвейтесь кострами!» и участвовали в детских утренниках. Дети кричали «Елочка, зажгись!» — и Костя с Лерой в виде Деда Мороза и Снегурочки на роликовых коньках выезжали к толпе. Лера с наслаждением поджигала бенгальские огни, а Костя под тальянку распевал частушки собственного сочинения. Малышня визжала от восторга.

Выступала Лера и перед молодежью, которая задавала ей чаще всего один и тот же вопрос:

— А ежели народ не захочет освободиться через аутодафе? Ежели так и вознамерится влачить рабское существование?

— Ведьмы в средневековые героические времена тоже не хотели, — решительно отвечала Лера. — Но кто б их спрашивал? И жертвенные факелы разгоняли тьму средневековья!

— То есть... вы предлагаете железной рукой поджечь население ради его окончательного освобождения? — спрашивал какой-нибудь ушлый очкарик.

— Естественно! — высокомерно отвечала Лера. — Но где, скажи, когда была без жертв искуплена свобода?! Если люди сами не хотят возгораться, долг лучшей части общества — просветить их насильно! Тех, кто со мной не согласен, я приглашаю остаться после лекции и причаститься вот этим, — после чего из саквояжа извлекался портативный огнемёт, подаренный Лере одной оружейной фирмой в рекламных целях, и студенческая аудитория принималась восторженно аплодировать, чтобы Лера ни на секунду не заподозрила несогласия.

Дошло до того, что ни одно светское мероприятие уже не обходилось без пассионарной Леры. Поскольку каждый новый этап заблачивания в тех краях сопровождался шумной гулянкой, презентации следовали одна за другой. Фантазия их устроителей не знала предела: на одной Лера поджигала хвосты ракетам из многоцветного фейерверка, на другой подбрасывала дровец в мангал, на третьей ее вывозили на торте с горящим факелом в руке, в виде статуи Свободы, всю в шоколаде. Правда, устроители поначалу предлагали вместо факела взять в руку фунтик с кремом, неотличимый по форме, но тут уж Лера была непреклонна.

Между тем сколь фитильку ни виться, а бомбочка никуда не денется. Болото, давно тлевшее по краям, постепенно занималось и в центре — то Белый дом выгорит до черноты, то какой-нибудь очень уж бурный фейерверк на дне рождения какого-нибудь богача воспламенит пару-тройку сердец из национал-большевистского электората... В один прекрасный для Леры и не особенно прекрасный для остального населения день количество как-то незаметно перешло в качество, и страна взялась вся разом. Крупнейшие

банки и предприятия погорели, народ пылал в жару, охваченный неизвестными болезнями, шапки на всем чиновничестве вспыхнули, уже нимало не стесняясь, и только передовая интеллигенция продолжала еле-еле тлеть, потому что на более сильном огне не смогла бы так вонять, да и для жизни оно опасно. Видя это тотальное воспламенение и полный прогар родного болота, Лера ликовала, подбрасывала в костер щепки и подтаскивала коряги. Кто успел, перебежал со вспыхнувшего торфяника на относительно культурную почву, но счастливые уроженцы окультуренных земель не думали тушить болото: у них был по этой части негативный опыт. Сперва, пытаясь его осушить, они мостили его деньгами, потом отправляли своих наблюдателей заливать окраины, — все было тщетно, поэтому теперь никто из болотных уроженцев не мог выпросить у соседей даже ведра воды, да и беженцев принимали неохотно. Самое трогательное, что часть чиновничества в догоревших шапках, вместо того чтобы спасти свою жизнь или тушить Родину, до последнего момента порывалась таскать из огня каштаны и загребать жар — правда, по большей части чужими руками. Скоро, однако, и чиновничество, и каштаны сделались добычей стихии.

Из всего населения уцелела только Лера, так долго питавшаяся порохом и кайенским перцем, что ее устойчивость к пламени оказалась выше, нежели у прочих. Как всякий истинный пироман, она была нескороаема, и потому все ее попытки поджечь себя ни к чему не привели. Как помесь Феникса с саламандрой, бродила она по пепелищу, громко ликуя: ее вековая мечта сбылась, родное болото было свободно!

Собственно, никакого болота больше не было. Черная запекшаяся корка покрывала шестую часть суши. Ни единого признака жизни не наблюдалось на ней. Это было царство полной и абсолютной свободы, ничем не нарушаемого равенства стартовых возможностей и тотального торжества справедливости. Удушливый дым стлался по руинам. Лера, покрытая копотью, шла по бесконечному ровному пространству и дивилась, как странно выглядит осуществившаяся утопия.

Но объяснить ей, что так получается всегда, было уже некому.

НЕВИННЫЙ ГРИША

Гриша был чист до такой степени, что невинность его вошла в поговорку, в самом буквальном смысле. Так, если юноша долго и безуспешно домогался девушки, тратил уйму средств на походы с нею в ресторан и на провожания до дому, зазывал наконец к себе, поил вином и валил на диван, но она сжимала ноги как безумная и обещала закричать, — незадачливый кавалер обиженно бурчал:

— Ну что ты, честное слово, как Гриша...

Гришина невинность делала его любимым героем старых дев и особо принципиальных подростков, а также всех остальных, у кого по какой-то причине не получалось. Гришин пример отчасти вдохновлял всю страну, потому что благодаря ему в ситуации любого облома можно было гордиться своею невинностью. Случилось так, что все Гришины начинания с какою-то неумолимостью рушились, ему не давали закончить, а чаще и начать, и утешаться в этой ситуации в самом деле оставалось только полною и совершенною чистотой. Впрочем, была у Гриши и другая забава: уединясь с зеркалом, он играл сам с собою в игру —

выбирал прекраснейшего и вручал ему яблоко. Естественно, яблоко чаще всего доставалось ему.

Время от времени Гриша продолжал получать предложения от разных партнеров, но всех отвергал, как та разборчивая невеста, которая рада уж была, что вышла за калеку, — или, вернее, как тот умный мышонок, которому не нравилась ни одна колыбельная, пока не пришла кошка и не успокоила его навеки. Одни были для Гриши слишком красны, другие слишком коричневы, третьи толсты, четвертые художны. Именно эта способность всех ругать с равной убедительностью привлекала к Грише многие сердца. В стране, где Гриша имел несчастье уродиться, особенно ценилось неприятие всего и вся — за это прощали даже обломы. Наш невинный герой, убедительно отшивавший женихов, со временем снискал славу обличителя. Дошло до того, что всякое его появление в общественном месте собирало толпы восторженных горожан.

— Обличитель идет! — кричали зеваки, когда Гриша чинной походкой благовоспитанного юноши входил на местный форум или где они там собирались, чтобы выяснить отношения. Гриша мог даже не призывать к покаянию: при виде его маленьких чистых глаз, бледного, вечно скептического лица и полной, сильной фигуры хотелось тут же в чем-нибудь покаяться. Гриша стал заметной фигурой в парламенте, всеобщим любимцем — общая же любовь, как известно, завоевывается без большого труда. Достаточно оказалось выйти на трибуну и начать, обращаясь к правым:

— Вы скоты.

А потом оборотиться к левым и быстро, пока не стихли их аплодисменты, добавить:

— Но и вы ничуть не лучше.

За такой эстетский, хотя и неконструктивный подход Гришу часто звали на телевидение, где он повторял свои инвективы. Он сделался знаменит, но столь желанные ему властные полномочия доставались тем, кто не брезговал вступать в союзы. Гриша, однако, ждал. Он ждал, что час его наступит.

Но он все не наступал. А репутация невинного Гриши была уже так незыблема, что даже когда он втайне хотел, чтобы к нему кто-нибудь пристал, все уважительно проходили мимо, но глазок не строили и за выпуклости не щипали. Гриша начал догадываться, что так и доживет век в красивых, но безрадостных играх с зеркалом и яблоком, при уважительном, но несколько таки брезгливом отношении большинства. Грише захотелось какого-нибудь — хотя бы и платонического — союза, который позволял бы и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Подчеркивая свою невинность, Гриша любил ходить мимо борделя, в котором, по странному совпадению, размещались власти описываемой страны. Под окнами борделя регулярно собирались демонстрации оппозиционеров. Гриша ловко лавировал между борделем и демонстрантами, поплеывая в обе стороны. Из борделя периодически выгоняли проштрафившихся девиц, которые позволяли себе критиковать бандершу, претендовали на ее место или просто знали больше арифметических действий, чем она и ее ближайшие родственники. Однажды из борделя выпихнули на панель скромненькую круглолицую хохотушку Стешу, которой сочувствовала даже оппозиция,

давно требовавшая прикрыть бордель. Дело в том, что Стеша была к бандерше настолько лояльна, что уж ее-то изгнание было совершенно нечем объяснить. Это и внушило Грише сочувствие к девушке. После двух неудачных попыток он добился от нее твердого обещания по крайней мере до зимы гулять только вместе. Правда, до поцелуев еще не дошло, но рукопожатия и вздохи уже были в разгаре.

— Гриша, — урезонивали кумира поклонники. — Да она же из борделя! Ты же сам говорил, что они там все замаранные! Ты на форуме голосовал, чтобы они ответственность несли! Между прочим, Стешу твою хоть и поперли, но она там была за домоправительницу, правую руку бандерши!

— Да, — потупляясь, отвечал Гриша, — нам пришлось преодолеть новые разногласия, но конструктивный диалог... И потом знаете, что с ней делала бандерша?

— Ну?! — выдыхали падкие на клубничку обыватели.

— Она ей руки выкручивала! — восклицал Гриша, утирая слезы. И поклонники плакали вместе с ним.

Случилось, однако, так, что к власти в тех краях стал подбираться нерушимый блок, включавший в себя кого попало и объединявший этих сомнительных личностей по единому принципу: участникам блока надоел бордель. На его месте они собирались ударными темпами соорудить железобетонный комплекс, в цокольном этаже которого должна была размещаться тюрьма для несогласных, чуть выше — казарма для согласных, еще выше — супермаркет для избранных, на четвертом этаже — казино для посвященных, на пятом — сауна для лучших, а венчалось все это дело православным

куполом в виде позолоченной кепки с крестом, полумесяцем и могоновидом. По фасаду здания планировалось разместить архитектурные излишества в виде двенадцати месяцев, тридцати трех богатырей, семи гномов и трех бочек арестантов.

Строители будущего комплекса перли к своей цели с такой настойчивостью и уверенностью, что жителям тех краев волей-неволей приходилось определяться. А поскольку в большинстве своем они были люди недаленовидные и с короткой памятью, да и бордель им давно надоел, большинство всячески приветствовало новую железобетонную власть. Особенно если учесть, что девиз этой власти был: «Кто не с нами, тот против нас сопля!»

Пришлось задуматься и Грише. Он был хотя и невинен, но себе не враг, и потому решил договориться с партией начальства.

— Ну что ж, — сказала начальство, очень довольное, что такой невинный человек почтил своим присутствием его предвыборный штаб. — Мы и тебе место найдем. Будешь цивилизованная оппозиция.

— А это как? — поинтересовался Гриша.

— А как демонстранты перед борделем, — объяснило начальство. — Системные протесты, понял? Потому что хоть и против системы, но вписываются в систему и паразитируют на ней. При борделе в такой позиции были коммунисты, при нас будешь ты.

— То есть все как обычно? — не поверил своему счастью Гриша. — Только ходить и кобениться?

— Ага, — подтвердило начальство. — И еще за границу ездить. Демонстрировать широту наших взглядов.

— Ой! — обрадовался Гриша. — Так я и Стешу возьму! Славно заживем! — и подарил новой власти яблоко.

Так Гриша стал системной оппозицией к новому режиму. Но что это за режим, он так и не понял. Потому что быть системной оппозицией к нему оказалось очень больно и непросто. Гриша и ахнуть не успел, как его уже употребили по полной программе, даже не дав посопротивляться для порядку, чтобы не так стремительно потерять лицо.

— Что вы делаете? — кричал Гриша.

— Ты же сам хотел дружить, — удивлялось начальство.

— Что обо мне подумает общественное мнение! — верещал Гриша.

— Да ты оглянись вокруг, — ласково пробасило начальство. — Где ты видишь общественное мнение?

Гриша огляделся — и успокоился. Никакого общественного мнения вокруг не было, его позора никто не заметил, а кто заметил — не признался.

Да и потом, страшно сказать, — ему было приятно! Приятно было впервые в жизни слиться с кем-нибудь, хотя и не совсем так, как он себе представлял. И скоро, жалея о потерянном времени, он уже всю подставлял себя суровым, вплоть до мордобития, ласкам нового начальства. Правда, начальство позволяло ему перед каждым сеансом немного покобениться — чтобы толпа старых дев окончательно не разочаровалась в своем герое.

— Больно! — кричал Гриша. — Сатрапы!

Но в его хорошо отрететированных криках слышалось отчетливое:

— Хорошо! Хорошо! Еще!

Так невинный Гриша нашел свое истинное призвание в объятиях нового режима, отличавшегося от старого только тем, что там, где старый пытался усовершенствовать или подкупать, новый употреблял без предупреждения. И Гриша понял, что чего-то подобного ему хотелось с самого начала, но тогда он гнал от себя эти соблазны, пока сам не оказался в позе употребленного без спросу. И именно для этой позы, как выяснилось, лучше всего подходил его выстрадавший скепсис.

Обидно, по сути, было только одно. Гриша не успел вручить новому режиму яблоко — знак своего расположения и привязанности. Новый режим сам его схрустел, без всякого разрешения, чувствуя себя в полном праве.

В необъятном русском поле, где кочки да колдобины, заревой простор и обнаглевшие сорняки, ржавые трактора да неунывающие комбайны, жил-был хомяк, скромный пушистый вредитель с маленькими бегающими глазками над большими защечными мешками.

Кто видел когда-нибудь хомяка или, не дай бог, купал его детям для домашнего умиления, тот знает, что это не самое приятное животное. Хомяк вонюч, хитроват, свободолюбив — и в силу природной гибкости легко вылезает между прутьями клетки, а в силу природного ума быстро нахомячивается открывать дверцу. Наконец, хоть он и ест ваше русское зерно, но приручить хомяка до состояния собачьей преданности не удавалось еще никому. Разумеется, для детей нет большего повода для радостного визгу, как вид домашнего любимца, стреляющего живыми глазками в поисках съестного и непрерывно шевелящего мокрым розовым носом. А щеки, служащие хомяку закромами, а толстые ляжечки, на которых сметливый зверек сидит во время еды, а шустрые лапки, которы-

ми неблагодарная тварь держит печеньеице, хрустя, подлец, на всю квартиру! Хомяк, безусловно, опасен для поля, в особенности русского, где его для того и держат, чтобы было на кого свалить неурожай, — но в малых количествах он забавен и по-своему обаятелен.

Обычай валить на хомяка завелся в русском поле давно. Всем в тех краях была знакома типичная речь председателя колхоза, надсадно выступавшего перед своим народом:

— У прошлом годе, товаришшы, мы засеяли сто га пшеницы. Все пожрал поганый хомяк. У этом годе, товаришшы, мы засеяли двести га пшеницы. Все опять пожрал поганый хомяк. У будущем годе, товаришшы, мы засеем тышшу га пшеницы. Нехай поганый хомяк подавится!

Объективности ради следует заметить, что ни один хомяк, хотя бы и прожорливый джунгарский, сжирающий в день три своих веса, никогда не смог бы до такой степени обкушать русское поле, как то ему инкриминировалось. В природе, по счастью, не существует хомяка с такими защечными мешками. Но если бы нельзя стало валить на хомяков, пришлось бы искать конкретных виновников, а это никому не улыбалось. Так что хомяка не только не истребляли, но в некотором смысле даже лелеяли.

Этот полезный опыт захотелось однажды перенять тогдашнему Царю зверей, заправлявшему русским полем и окружавшим его лесом. Царь был малообразованный, но обладал феноменальной интуицией и все соображал, почти как человек. Для человека же, как мы знаем, главное не установление истины, а обнару-

жение крайнего — особенно если этого крайнего все равно нельзя истребить. В один прекрасный день Царь зверей вызвал хомяка для конкретного разговора.

Надо сказать, что у Царя зверей были серьезные проблемы с самоидентификацией. Никто из подданных не мог толком сказать, что он собою представлял с точки зрения биологической. Одни утверждали, что он лев, другие — что прав, третьи — что медведь, четвертые — что шакал, и черты всех названных животных он умудрялся в себе сочетать равноправно. Было в нем также что-то от лисы, стервятника, слона и дятла, но намешано все было в таких сложных пропорциях, что подчиненные предпочитали называть его просто Царь. Такое-то существо предстало перед хомяком, когда он явился в царственную пещеру.

Пещеру устилал красный ковер, под которым бешено грызлись несколько гиен. Злобный барсук, отвечающий за государственную безопасность, скалился у входа. Где-то в дальних покоях берлоги слышался немолчный, сосредоточенный плеск и пыхтенье: это енот-полоскун отмывал царские деньги. Волк по кличке Сок Овец, прозванный так за любовь к свежатишке, лежал у трона. Попахивало.

— Тебя как звать-то, зверек? — спросил Царь зверей, вглядываясь в круглое существо, не перестававшее шевелить носом и стрелять глазками.

— Борис Абрамыч, — отвечал с достоинством хомяк, стараясь не слишком открывать рот, чтобы не высыпалось зерно. Хомяк знал, что Царь может его упрятать куда угодно и надолго, так что почел за лучшее явиться с запасцем.

— Абрамыч? — переспросил царь. — Из этих, что ль? Хомяк с готовностью кивнул.

— Это дело, — одобрил Царь. — Чем хуже, тем лучше. Что ж, милый, есть у нас тут одна, как это называется, задумка. Хочешь быть во всем виноват?

А надо вам сказать, что хомяк — чрезвычайно сообразительное животное, потому что вся его жизнь есть один непрерывный расчет. Надобно счесть, сколько зерен запасти на зиму, чтобы хватило, но и чтоб не зарваться; надобно обладать навыком быстрого счета, чувством опасности и нюхом на выгоду, — словом, если слона официально считают самым мудрым представителем фауны, то хомяка неофициально числят самым сообразительным. Глазки его забегали, как костяшки на счетах. Хомяк прикидывал. Прошло три минуты.

— Ваши условия, — сказал хомяк.

— Деловой, — уважительно сказал Царь зверей. — Гарантии личной безопасности, свободный вход ко мне и зерен сколько влезет.

Царь тоже был расчетлив и понимал, что ущерб в любом случае будет меньше, чем выгода, тем более что много ли влезет в хомяка? Хомяку в такой сделке был свой резон: гарантии личной безопасности никогда не помешают небольшому зверьку, чьим главным оружием являются щеки, а кроме того, Борис Абрамыч любил славу. Хомяк преисполнялся гордости, когда слышал, как председатель колхоза возлагал на него ответственность за все, вплоть до погоды.

— Что ж, по лапам, — отвечал хомяк, и с этого дня началась его стремительная карьера, о которой впоследствии не говорили в лесу только ленивцы по причине своей патологической лени.

Собственно, внешне не изменилось ничего. Хомяк вел прежнюю тихую жизнь, разве что зерно ему теперь приходилось не добывать, а только прятать: ежемесячно от царя зверей прибывал курьер с пакетиком, в котором лежало много больше, чем может съесть средний грызун. Но поскольку в лесу и поле случалось все больше странностей, хомяк очень скоро оказался в центре общественного внимания. Стоило людям из пещерной администрации намекнуть кое-где кое-кому, что это, мол, все хомяк, как лесные жители охотно верили! Нелишне будет добавить (хотя всякий хомяковод знает это из личного опыта), что прожорливый зверек находится в постоянном движении. В отличие от остальных лесных и полевых жителей, тихо занятых повседневной работой, он с дикой силой бегаёт туда-сюда, создавая энергичным беганьем иллюзию бурной деятельности и не переставая шевелить носом. По ночам же хомяк шуршит. О, как знает этот звук любой, у кого дома жил Борис Абрамыч! Вы легли спать после трудов праведных, и тут в углу клетки раздаётся хищное, неумолчное шуршание. Можно подумать, что он там что-то делает. Уверяю вас, он ничего не делает. Он шуршит. Но это получается у него так громко и сосредоточенно, что возникает впечатление, будто только Абрамыч и занят делом, а вы — так, домашнее животное.

Очень хорошо зная эту свою особенность, Борис Абрамыч бегал и шуршал, мелькая где только можно, и тем добросовестно отработывал зерно. Он учредил специальную премию в несколько зернышек для наиболее одаренных певчих птиц. Он публично и громко высказывался о том, как следует вести себя Царю зве-

рей, и никого не удивляло, что какой-то хомяк дает советы властям. Он сделался своим животным принорах барсука и нескольких волков. Вся его функция заключалась в том, что он приходил и сжирал бутерброды, приготовленные волками для себя. Жрал он, как все хомяки, громко, быстро и неопратно, но никакой другой деятельности за ним ей-богу же не водилось. Однако все лесные жители, видя вездесущего хомяка выбегающим из таких важных нор, полагали, что вся лесная внешняя и внутренняя политика делается с его соизволения. И то сказать — больше в лесу никто не бегал.

— Лапа хомяка! — в один голос восклицали белки и зайцы, видя подбитую охотником утку, ободравшего бок лося или выпотрошенную лисой курицу. — Поразительно, как он все успевает!

Я не говорю уже о том, что любые кучки, оставляемые на своих путях лесными жителями, будь то характерные орешки лося или гигантская «пробка», извергаемая только что проснувшимся медведем, немедленно приписывались хомяку по его неискоренимому свойству гадить русскому народу. Хомяк никогда не отказывался, потому что работал честно и зерно свое в конвертах получал исправно.

— Да это не он! — усомнились некоторые. — Хомяк не может... столько! Пять хомяков не могут столько!

— А я могу, — скромно замечал хомяк. — Главное — мобильность, понимаете? Время требует мобильности...

И некоторые, видя таковые возможности хомяка, стали видеть в нем надежду лесной демократии и по-

левых свобод. Дошло до того, что некоторой части отечественной фауны представилось, будто хомяк незримо управляет вообще всеми процессами, происходящими вокруг. А поскольку процессы происходили главным образом негативные, чтобы не сказать катастрофические, такое представление здорово оттягивало злобу от Царя зверей, персонифицируя мировое зло в образе щекастого шуршавчика.

— Борис Николаевич! — обращались к Царю его многочисленные подданные. — Прогоните хомяка, и держава процветет!

— Борис Николаевич не видит никакого хомяка, он вообще не снисходит до таких мелких грызунов, — поясняло окружение, — но прогонять его никак нельзя. Поймите, хомяк — наименьшее зло. Меньше него — только землеройка. Подумайте: ведь на его месте мог оказаться хорек!

И лесные жители покорно соглашались.

Между тем Царь зверей не только знал о существовании хомяка, но ежедневно справлялся о его здоровье и неуклонно повышал ему зерновое довольствие, а когда удалось свалить на него одну исключительно холодную зиму с последующим голодом, он личным секретным указом присвоил ему звание почетного Хомякадзе, что в переводе с японского означало «отважный смертник, жертвующий собой для блага государства».

Картина будет неполной, если мы не упомянем об одном чрезвычайно опасном лесном овраге, в котором жили черные и рогатые жители того леса, постоянно демонстрировавшие свой воинственный дух. Дух был настолько крепкий, что кого-нибудь из лесных жите-

лей обязательно находили загрызенным, если он прогуливался около оврага, но истинной специальностью чернорогатых были похищения. Они обожали украсть живое существо и потребовать за него выкуп, а в последнее время, зная о слабости Царя зверей и общей загаженности леса, стали предпринимать наглые вылазки на опушки.

До некоторого времени Царь зверей предпочитал не обращать на эти вылазки никакого внимания, потому что для красивого ухода с поста ему необходимо было найти эффектный заключительный аккорд. В принципе чернорогатых можно было разmozжить одной лапой, невзирая на их крепкий дух, но требовалось как-то их промариновать до решающего момента. В это время лесной люд начал испуганно роптать, потому что от похищений не были уже застрахованы даже относительно крупные хищники, парализованные страхом.

— Это хомяк, — авторитетно заявляли животные из ближайшего пещерного окружения.

— Врете! — не верили лесные жители. — Это что же, он с чернорогатыми сталкивался?

— Давно, — скорбно кивали животные из пещерного окружения. — Мы бы уже десять раз с ними справились, но он поставляет им зерно.

— Да откуда же у него столько зерна! — ахала фауна.

— Шуршит, — отвечало ближайшее окружение Царя зверей.

— Так надо его судить! — восклицали лесные жители и уж было стали предъявлять хомяку обвинения (ничуть, впрочем, его не испугавшие, ибо гарантии личной безопасности были у него надежнее всяких

клыков), но всякий раз после объективного расследования хомяк оказывался девственно чист. Он с легкостью доказывал, что в силу своей анатомии неспособен ни наложить такую кучу, ни завалить нескольких инкриминированных ему слонов, ни, наконец, родить медведя, что было главным его грехом в глазах лесного сообщества. С тех пор как в лесу появился крайне опасный медведь-шатун, горевший желанием всех спасти и для этого непрерывно создававший чрезвычайные ситуации, все были уверены, что и медведя породил хомяк.

— Но я, ммм, не могу, — скромно объяснял хомяк следователю. — Я, ммм, не имею детородного органа. Я только шуршать и кушать, шуршать и кушать... и с этого имею маленький гешефт...

— Так я снимаю с вас все обвинения! — восклицал следователь, но так как лесным жителям требовался вечный обвиняемый, вскоре следствие начиналось сызнова. Хомяк уже отмазался от ряда эпизодов, связанных с изнасилованием медведицы, убийством тигра и поджогом сторожки лесника, но связь с чернорогатыми продолжала висеть на нем тяжелой гирей. Однажды он сам явился к Царю зверей и предложил за лишнюю порцию зерна взять на себя роль эмиссара чернорогатых в лесу и поле.

— Можете даже сказать, — скромно добавил он, — что я сам один из них.

— Ну это извини, — сказал Царь зверей. — Внешность у тебя неподходящая.

— Что значит неподходящая? Мы, горцы, всякие бываем... Ну хотите, я от горцев в парламент иберусь?

— Этого быть не может! — воскликнул Царь зверей — и на этот раз ошибся.

Между тем полномочия Царя истекали, и на его роль претендовал один довольно зубастый и самоуверенный Бобер, знатный строитель и неунывающий пловец. Зимой и летом плавал он в родной стихии, неутомимо грызя дерево, и скоро нагрыз его столько, что в сооруженных им хатках стало просто некому жить, да и не всем они были по карману. Речные жители возроптали, ибо река была буквально завалена плодами бурной деятельности бобра. Приходилось менять имидж и среду, выползать на сушу, и бобер не преминул на нее выбраться, заявив попутно, что не откажется от главной пещеры.

Царя зверей это совершенно не устраивало. Он планировал как раз поставить за себя одного молодого грызуна, неясной пока породы, но с явными задатками гиены и тигра в одном лице. Никакие бобры в лесу не планировались, тем более что бобер — животное водное и немедленно начинает любую среду организовывать по своему усмотрению. Переселившись в лес, он затопляет лес, будучи изгнан в пустыню — орошает пустыню до полного заболачивания и вообще категорически неспособен терпеть вещи такими, каковы они есть.

Царь зверей вызвал Бобра, посадил напротив себя и, как бы невзначай поигрывая только что обглоданной костью, доверительно сказал:

— Юра, я все понимаю. Ты мне нравишься. Но я давно ничего не решаю, понимаешь? А он тебя не хочет.

— Кто?! — воскликнул Бобер, не понимая, как его может кто-то не хотеть. — Этот щекастый? С бегающими глазками?

Царь зверей только кивнул.

— Так я его к когтю! — воскликнул Бобер, но Царь покачал тяжелой головой:

— Я бы и сам его давно к когтю, Юра. Но он сильнее меня. Он — дух.

Бобер вышел от Царя шатаясь. Все его существо было потрясено. Долго сидел он на краю запруды, воображая хомяка в разных позициях, раздавленным, раскушенным, а то — напротив — до зубов вооруженным... Хомяк был везде. Хомяк диктовал законы, похищал зайцев, рожал крупных хищников. Все было хомяк. В небе плыло щекастое облачко с двумя глазами дырками и коротким огрызком хвоста. Со всех концов поля доносилось шуршание.

— Дьявол! — воскликнул Бобер, плюхаясь назад в родную стихию. — Отрекаюсь от всего, от президентских амбиций отрекаюсь! Отойди от меня, Сатана! — и, бешено отфыркиваясь, поплыл в одну из своих бесчисленных хаток. Его еще долго там трясло, и всякий дождь и похолодание казались ему мезью хомяка. Дошло до того, что вместо своих любимых слов «правый центр», «здравый смысл», «созидание» он стал произносить «правый хомяк», «здравый хомяк», «хомякование», и только дружный вопль речных жителей «Ты наше все!» вернул ему душевное равновесие.

Хомяк и теперь процветает в том лесу, толстея и хорошея год от года. Лесные жители суеверно крепятся при его появлении. Он исправно получает свою дозу зерна, не превышающую, впрочем, его массы, и на досуге почитывает лесную прессу. Из некоторых газет он с изумлением узнает, что давно является их хозяином. Из других ему становится известно, что поза-

вчера он завалил лося, сегодня оскальпировал лису, а завтра планирует в извращенной форме изнасиловать лесника. Читая все это, хомяк только усмехается в усы, причем его наполненные зерном щеки весело подпрыгивают.

— Надо-таки уметь устроиться, — говорит он маленьким хомячкам, загадочно подмигивая. — И мы так всегда найдем экологическую нишу...

Вечно эти грызуны выгрызут себе место под солнцем!

Никто не знал, что он такое. Всем и поныне памятно, как он, долгое время проживший рептилией среди других рептилий, вдруг расправил крылья и воспарил, дыша огнем, и на собравшихся дождем посыпалась чешуя, и все увидели, что он не дракон, а орел трехглавый, отравивший себе запасную голову за семьдесят лет тирании. Тогда еще никто не знал, зачем ему третья голова. И потом, когда он кровавую пищу клевал под окном, демонстрируя повадки истинного дракона, его многочисленные адепты уверяли народ, что и орлам нужна кровавая пища, а хвост у него остался со времен вынужденной обкомовской мимикрии и непременно отпадет, едва лишь Россия вступит в рынок.

Головы его никогда не жили в ладу. За это его называли истинным символом России, ибо наш орел тоже сам от себя отвернулся, смотря одним глазом в Европу, а другим в рифму. Первая его голова постоянно призывала убить дракона. Вторая утверждала, что если дракон семьдесят лет созидал великую империю, то убивать его — значит идти против исторического

предназначения России. Третья голова старательно стравливала две предыдущие, подливала масла в их огонь, а когда они начинали яростно грызться, откусывала обе. Они немедленно вырастали снова, всегда в количестве двух, и сначала дружили, но третья ловко ссорила их между собой — и головы снова дрались, к удовольствию праздного народа, после чего, к вящей народной радости, падали.

Имена у голов менялись. Неизменно было только имя главной — она как была Борис Николаевич, так и осталась. Было время, когда левую звали Егором Тимуровичем, а правую — Николаем Ивановичем. Они взаимно уничтожились за считанные месяцы, и с тех пор левая и правая постоянно менялись местами. Потом одну звали Русланом Имрановичем, а другую — Пашей-мерседесом, и вторая из танков расстреляла первую. Была голова Александр Васильевич, полупустая, но очень твердая, утверждавшая, что она, и только она, имеет доступ к телу. Была голова Александр Иванович, кричавшая, что крылья принадлежат именно ей, — она улетела в результате дальше других, в самый Красноярск, в котором и увязла навеки. На некоторое время утвердилась голова Юрий Михайлович, заявившая, что другие только жрут, а думает она одна. Но на нее нашлась голова Сергей Кужугетович, которая и была натравлена на Юрия Михайловича — правда, не откусила, а только оттянула к себе большую часть кровавой пищи. Пища сама за это проголосовала.

Вообще голова по имени Сергей Кужугетович защищена была получше остальных — она имела особое предназначение. В силу бурности тамошней поли-

тической жизни обладателю голов постоянно приходилось возрождаться, что и дало некоторым повод считать, что он и не дракон, и не орел двуглавый, а птица Феникс, только очень перепончатая. Сравнение с птицей Фениксом, кстати, высказала одна из временных голов — кучерявая, родом из Сочи. Он действительно возрождался, как Феникс, но условием этих периодических возрождений как раз и была необходимость пепла. Без пепла ничего не получалось.

Чтобы возродиться, он нуждался в огне: ни кровавая пища, ни дальние перелеты, ни головные бои — ничто не заменяло хорошего, доброго пламени, в котором непременно должна была погибнуть часть введенной ему страны. Но страна была большая, не жалко, зато он после каждого такого пожарчика возрождался, хорошенько вывалявшись в пепле, и делался буквально новенький. Случались ситуации, когда бедные граждане уж и не знали толком, жив ли их возлюбленный поглотитель, их единственный поджигатель, президент всей нации и гарант всей свободы. Раскинув поблекшие крылья, он вяло шевелил той самой главной головой, покуда две остальные, совершенно ополумев, уже кусали по очереди собственный хвост. Но тут находился еще неподожженный кусок земли, и герой — откуда силы брались? — дышал на него пламенем. Тут-то и вступала в действие любимая с некоторых пор голова по имени Сергей Кужугетович: ее роль была самая благородная, пеплообразующая. Она тушила все, что поджигала голова Борис Николаевич, потому что обладала счастливой способностью изрыгать воду так же, как Борис Николаевич изрыгал пламень. Они работали в прочном тандеме и спелись как никогда.

Иногда, например, кровавая пища сама требовала какой-нибудь еды, потому что просто голосовать, выбирая, в чью пасть попасть, ей почему-то надоедало. Ропот пищи становился все громче, что серьезно осложняло пищеварительный процесс. Борис Николаевич не на шутку задумывался.

— Сергей Кужугетович, — спрашивал он строго, — где там у нас давно не горело?

— Да вон на Камчатке что-то тлеет... жалуются, что не топят у них давно...

— Полетели, погреем камчадалов!

Слышалось хлопанье крыльев, испуганный писк пищи, огненная струя ударяла в землю, за нею следовала струя ледяной воды, и скоро дракон, спасший народ от очередной чрезвычайной ситуации, которую сам же и создал, радостно кувыркался в пепле и прахе, на глазах обретая былую силу. Похоже, он и впрямь был немного Фениксом, а еще вернее будет сказать, что все Фениксы, нуждавшиеся для поддержки в непрерывных пожарах, были скрытые драконы. И воскресал наш герой, как Феникс из пепла — или, как заметила одна его остроумная современница, как Феликс из пекла.

Случилось так, что после одного из самых неудачных Борисовых самовозгораний, когда и потушить удалось с трудом, и тлело дольше обыкновенного, в местных северокавказских горах образовался очаг, периодически напоминавший о себе довольно чувствительными вспышками. Он и был избран для очередной реинкарнации — Сергей Кужугетович резонно заметил, что заново поджигать дороже выйдет. Лучше уж сразу раздуть тлеющее, а потом и потушить до состояния выжженной земли.

— А огня-то хватит ли у меня? — обеспокоилась главная голова Борис Николаевич.

— Не беспокойтесь, — поддержала Сергея Кужугетовича часть приближенной пищи, оставляемой на самое сладкое. — Они и сами себя в случае чего раскочегарят.

— Ну полетели, — вздохнул Борис Николаевич. Ему плохо верилось и в то, что раздуют, и в то, что потушат, но пожары требовались все чаще, а без пепла воскреснуть не получалось никак. Выбора не было.

Тут надо сказать, что вследствие долгой битвы голов остойчивость нашего героя несколько нарушилась, так что для поддержания равновесия нужен был теперь исключительно длинный и мощный зубчатый хвост, к тому же бронированный. Герой отращивал этот хвост с упорством огородника, колдующего над редким сортом яблони, и рассчитывал, как всякая рептилия, когда-нибудь оставить его в руках преследователей, если придется срочно перелетать на новое место. Так что у хвоста было сразу несколько функций — обеспечивать прикрытие, удерживать героя в равновесии и отпадать, как балласт, ежели до этого дойдет. Правда, отдельные представители пищи не хотели мириться с таким положением вещей. Хвост им не нравился.

— У орлов не бывает хвоста! — отважно кричали некоторые из них, по большей части правозащитники. Правозащитниками назывались сторонники той головы, что справа, но поскольку лево и право при любых драконовских режимах являются понятиями относительными, то и правозащитники постоянно защищали взаимоисключающие вещи.

— А это и не хвост вовсе! — пояснил Борис Николаевич. — Это четвертая голова. Мой преемник на случай, если отпадут первые три.

— Если это голова и преемник, то у нее должно быть имя, — ехидствовали правозащитники.

— А оно и есть, — неожиданно раздалось сзади. — Меня зовут Владимир Владимирович!

Все три головы, а вместе с ними и вся кровавая пища, повернули головы и обмерли: хвост собственной волею приподнялся над землей, и у него уже прорезались небольшие стальные глазки, под которыми шевелился губастый ротик!

— Эх я его, — озадаченно выговорил Борис Николаевич. — Как бы он не начал мною вилять...

— Не беспокойтесь, — отвечало ближайшее окружение. — Пока что все-таки он ваш хвост, а не вы его дракон. Пусть он для начала побьет немного вашу левую голову — ту, что в кепке, — а потом вы разберетесь по обстоятельствам...

Впрочем, и раздумывать-то времени уже не было, ибо пламя в горах, как и предсказано было, разгоралось. Правда, воды у головы по имени Сергей Кужугетович действительно не хватало, и тогда мочить пожарище принялся хвост. Он очень хорошо это делал в силу того, что все соответствующие органы в нем и находились. Он, так сказать, имел долгий опыт контактов с соответствующими органами. И замочил пожарище довольно быстро, да так, что хлопья пепла долго еще носились над горами.

Вывалявшись в свежем пепле, наш перепончатый Феникс почувствовал небывалый прилив сил и сделал несколько победных кругов над своей и чужой территориями. Он приземлился в Турции, где сильно и убедительно бил хвостом, нагоняя ужасу на окружающий мир, и имел большой успех в Китае, который провозгласил своей исторической родиной.

С точки зрения историко-мифологической он был, бесспорно, прав.

— Никто нас не будет бить хвостом! — произнес он, довольный. — Мы сами будем всех бить хвостом!

За разъяснениями потрясенные иноземцы обратились к хвосту.

— Ну не бить, не бить, — ласково объяснил он, шурша чешуей и поблескивая стальными глазками. — Шлепать. Вот так, — и с силой шлепнул о китайскую землю. Поднялась китайская пыль, и журналисты спрятались по представительствам.

Хвост настолько знал свое дело и так изящно с ним справлялся, что голова Борис Николаевич часто спрашивала с некоторым изумлением: и как это она раньше, отращивая себе конкурирующие головы и стравливая их в бесплодной борьбе дурного с отвратительным, не догадалась отрастить себе такого хвоста? Хвост в некоторых обстоятельствах оказывался даже важнее крыльев и уж точно важнее большинства голов. Правда, предыдущие хвосты отрастали какие-то неудачные. Первый хвост, Виктор Степаныч, двух слов связать не мог и постоянно пускал газы, за что и был уволен. Второй, Евгений Максимович, попытался спеться с той головой, что в кепке, и совокупными усилиями избавиться от двух других, и его тоже пришлось оторвать. Удачным получился только третий — видимо, потому, что на его отращивание Борис Николаевич кинул все свои силы, особенно напрягая соответствующие органы. С органов и надо было начинать, но Борис Николаевич понял это поздно.

— Хвост проявляет опасную самостоятельность, — намекали ему отдельные представители пищи, но Борис Николаевич отвечал в своей манере, что никто не

сумеет вбить клина между ним и его хвостом, а то еще цитировал — как всегда к месту — одно из любимых произведений: «Не суйся меж драконом и яростью его!»*

Время, однако, шло. Совершенно забитая хвостом голова в кепке поникла и только иногда бормотала что-то в бреду о грязных технологиях и информационном беспределе. Вскоре она совсем отвалилась. Сергей Кужугетович, напротив, необычайно раздулся и победоносно оглядывал окрестности. Проснувшись однажды, Борис Николаевич почувствовал себя как-то странно. Он ощущал, с одной стороны, необычайную легкость, а с другой — некоторую беспомощность. Оглянувшись, он увидел, что у него нет больше хвоста.

Отделившийся хвост, приподнимаясь над землей, победоносно оглядывал окрестности маленькими стальными глазками, а пасть его, напротив, чрезвычайно увеличилась в размерах. Более того — по бокам у него постепенно прорезались два маленьких отростка, грозивших в самое короткое время развиться в полноценные головы. Можно было даже предположить, что одну из них будут звать... впрочем, не будем забегать вперед.

— Что это? — в ужасе спросил Борис Николаевич, понимая, что теперь, без хвоста, крыльев и двух других голов, он уже не дракон и тем более не птица Феникс, а так, червь земли.

— Как что? — почти нежно, как ребенка, спросил его в ответ Владимир Владимирович. — Размножение. Помнишь, ты же с детства хотел узнать, как размножаются драконы. Вот так они и размножаются.

* «Король Лир», акт I.

— И... и что теперь будет? — спросил Борис Николаевич.

— Ничего нового, — терпеливо объяснил Владимир Владимирович. — Ты будешь ползать, потому что летать не можешь. А я буду летать, поджигать и возрождаться.

— А Сергей Кужугетович? — вспомнил Борис Николаевич.

— Куда он денется, — сказал Владимир Владимирович и поднял хвост. В хвосте Борис Николаевич с удивлением признал своего раскосого друга. Хвост приветственно помахал ему.

— Как же... как же я теперь буду возрождаться? — спросил Борис Николаевич, чувствуя, что прежние возможности для возрождения теперь ему не светят.

— А ты уже возродился, — улыбнулся Владимир Владимирович. — Реинкарнировал, так сказать. Думаешь, ты все еще дракон? Неправда. Дракон теперь я. А ты ползи, ползи...

И Борис Николаевич пополз, с удивлением чувствуя, что ему больше не хочется кровавой пищи. Ему хотелось чего-то простого, вегетарианского. Радостно пополз он по листку, пожирая его (как и всегда пожирал то, по чему ползал), — и мало кто обратил внимание на бездумную зеленую гусеницу, которая ороговевшими челюстями прокладывала себе путь в зеленой гуще.

Впрочем, и гусенице-то, стремительно забывавшей свое имя, не было уже никакого дела до яростного хлопанья крыльев и трескучего гудения пламени, которое все отчетливее раздавалось позади нее.

СКИФЫ И ШМИДТЫ

ПОСВЯЩАЕТСЯ СОВЕТУ ЕВРОПЫ

Шмидты и Кузнецовы жили в двух соседних квартирах: Шмидты — в четырехкомнатной квартире с евроремонтом и двумя туалетами, Кузнецовы — в многонациональной коммуналке с вечной очередью в сортир, который язык не поворачивался назвать гордым словом «туалет». Кузнецовы были многочисленны, бедны и горды. Со Шмидтами они с сорок девятого года пребывали в состоянии холодной войны, настраивали против них жильцов всего дома и делали мелкие пакости. Несколько раз в году они собирались под окнами Шмидтов, разворачивали транспаранты и проводили митинги с осуждением их внутренней жизни. Если же собаке Шмидтов случалось неосторожно забежать по своей надобности на газон, который Кузнецовы считали своей исконной территорией, они собачку арестовывали и отдавали только в обмен на хомяка. Кузнецовские дети очень любили хомяков, но хомяки этой любви долго не выдерживали и дохли, — тогда приходилось опять арестовывать собачку.

Своих детей Кузнецовы не любили. Дети были слишком многочисленны и с определенного возраста

начинали задавать вопросы — «Отчего вода мокрая», «Отчего папка пьет» и «Отчего мы лучше всех». Первый вопрос вызывал у главы семейства снисходительное раздражение, второй провоцировал на крик, а ответом на третий неизменно служила порка, причем кузнецовские дети визжали на весь этаж. Те из них, кто после порки так и не прозревал всего величия родной квартиры, отправлялись в ссылку в сортир или чулан. Сердобольные Шмидты вступались за малюток и требовали прекратить истязания, на что Кузнецовы рявкали, что это вмешательство в их внутренние дела и что пожили бы они сами с таким отродьем. Некоторая часть непрерывно плодившегося отродья в конце концов стала просить у соседей политического убежища. Других — которых Кузнецовы совсем было заморили голодом в тесной кладовке — удавалось выменять на хомяков и тем спасти.

Кузнецов-отец, напившись, любил прохаживаться под шмидтовскими окнами и покрикивать:

— Вас — сколько-то там! Нас — совершенно до фи́га! Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы мы! Да, азиаты мы с раскосыми и жадными, этими, как их!

Шмидты испуганно поеживались под своими одеялами.

У Шмидтов было все и при этом никакой духовности. У Кузнецовых не было ничего, зато от духовности их стонал весь подъезд. Шмидты ели двумя ножами и пятью вилками каждый, ходили отутюженные и главу семьи выбирали голосованием. Правда, в шестьдесят восьмом их дети немного побуянили под электрогитары, повтыкали спички в потолок и даже несколько раз совокупились на лестнице под портретом

Че Гевары, но подозрительно быстро остепенелись и вернулись к нормальной карьере. И вообще все это было сущими игрушками по сравнению с тем, как Кузнецовы в том же шестьдесят восьмом году пустили из кухни газ в одну из коммунальных комнат, где читали журнал «Чешское фото», вместо водки пили пиво и формировали себе перед зеркалом человеческое лицо.

Плюс к тому Кузнецовы непрерывно вооружались. Они были убеждены, что Шмидты хотят на них напасть. В этом страхе они растили своих детей, которые с первых лет жизни жестоко писались по ночам. Кузнецовы беспрестанно готовили детей к отражению возможной атаки, заставляли их маршировать, выполнять ружейные приемы, прицельно стрелять из рогатки по шмидтовским окнам и есть в противогазе. Когда Шмидты в порядке самообороны закупались огнетушителями и духовыми ружьями, а на дверь устанавливали сигнализацию, Кузнецовы называли это гонкой вооружений и забивали почтовый ящик Шмидтов самодельными открытками «Не дадим взорвать дом!», чем практически парализовали работу почты.

В восемьдесят пятом, однако, Кузнецовы на покупке противогазов обнищали окончательно и решили пересмотреть свою позицию в отношении соседей. Для начала они выпустили из чуланов наиболее строптивых детей, перестали лупить остальных и рассказали часть правды о том, что делалось в чулане в пятидесятые годы. У Шмидтов это вызвало припадок необоснованных надежд. Они стали наперебой зазывать Кузнецовых в гости, снабжать их пропагандистской

литературой, за которую каких-то два года назад можно было оказаться в чулане без надежды на выход, и щедро подкармливать всем, что оставалось от их собственных обедов. Справедливости ради заметим, что оставалось у них полно — Шмидты за послевоенные годы страшно разъелись. Старушка Шмидт отдавала кузнецовским детям еще вполне целое белье, пальтишки и платица собственных выросших балбесов, а сами эти балбесы — давно уже респектабельные деловые люди — отдали Кузнецовым все свои пластинки шестьдесят восьмого года и очень бахромчатые, но стильные джинсы примерно тех же времен.

Вскоре Кузнецов-старший встретился с главой клана Шмидтов на нейтральной территории (около их дома выстроили симпатичный пивняк) и попросил займы. У него появились планы по перестройке своей коммуналки, чтобы в ней стало больше света и воздуха, а количество площади на душу населения приблизилось к цивилизованным нормам.

— Пойми, я давно этого хотел, — клялся Кузнецов-старший, обсасывая пролетарские усы. — Но ты сам понимаешь: огромная территория, при этом крошечная жилплощадь и дурная наследственность...

Про наследственность Шмидт очень хорошо все понимал, потому что еще в начале века отец нынешнего Кузнецова у отца нынешнего Шмидта взял в долг что-то очень много в твердой валюте, а после известных беспорядков (в результате которых их приличная когда-то квартира, собственно, и превратилась в коммуналку) этот долг вчистую аннулировал. Но, в конце концов, сын за отца не отвечает — и Шмидт с готовностью полез за бумажником.

С тех пор встречи на высшем уровне стали регулярными. Шмидты приглашали Кузнецовых в лес и на дачу, Кузнецовы затаскивали их в баню, где долго и жестоко хлестали березовыми вениками, и после каждой встречи Шмидт доставал бумажник. Он давал на образование кузнецовских детей и прокорм кузнецовских стариков, на ремонт кухни и остекление балкона, на памперсы для младенцев и дачу для главы семьи, — и хотя аккуратно записывал все кузнецовские долги, но возврата не требовал: перестройка коммуналки — дело долгое, косметическим ремонтом не обойтись. Размякнув после бани, в порыве благодарности Кузнецов-старший декламировал:

— Мы широко по дебрям и лесам перед Европою пригожей раскинемся. Мы обернемся к вам своею азиатской рожей! Слышь, сосед, — обернемся к вам! В смысле конвергенция! Дай я тебя поцалую! — и толстыми мокрыми губами жадно тянулся к холеной щеке Шмидта.

По вторникам Шмидты приглашали Кузнецовых на скромный журфикс, где обсуждали проблемы мирового развития. Шмидты музицировали на клавишине, их дочери пели, сыновья выступали с дрессированными собачками, а Шмидт-старший вслух мечтал о временах, когда агнцы возлягут с волками и квартиры будут строиться без стен, образуя тем самым единый прозрачный дом. Кузнецовы цивилизованно поддакивали, вставляя «оно конешно» и «а как жа».

Разумеется, периодически у Кузнецовых продолжало взрываться и гореть, но уже исключительно в рамках борьбы за свободу. Часть коммунальных комнат объявила себя отдельными квартирами и понастроила

в них собственных кухонь, отчего стоял невыносимый чад. Несколько отделившихся вспомнили территориальные претензии своих родителей и принялись выяснять отношения, да так, что у Шмидтов дребезжали стекла. Но в целом процесс демократизации Кузнецовых шел успешно — так, когда отец семейства надирался по старой памяти, дети уже не прятались в чулан и не задавали вопросов, а тыкали в него пальцем, пели похабные частушки и приглашали соседей полюбоваться расхристанным стариком. Иногда, правда, Шмидта смущало, что деньги, которые он столь щедро выдавал Кузнецовым, исчезают почти бесследно: с потолка по-прежнему капает, в кухне установлена взрывоопасная плита модели 1952 года, а старики питаются сухарями и ходят под себя, вследствие чего стучат клюками и требуют реставрации коммуналки в прежнем составе. Часть денег Кузнецов-старший пропивал, а другую часть откладывал на случай, если выросшие отпрыски выгонят из дому. Сбережения он хранил у дальнего родственника Шмидтов без их ведома: дома немедленно украли бы дети.

Все это время, невзирая на свою корректность и доброжелательность, Шмидты Кузнецовых ужасно боялись. Они опасались, что Кузнецовы ворвутся в их чистенькое, аккуратненькое жилище, перебьют фарфоровые копилочки и горшочки с геранью, затопчут пол, пожрут весь вурст и отберут не только потертое и потрепанное, что Шмидты отдавали им по принципу «лучше в вас, чем в таз», но и вполне еще носибельное, что нужно им самим. Опасаясь вторжения, Шмидты уже не протестовали против отдельных кузнецовских эскапад, спокойно воспринимали пожары на

соседской кухне и старались не лезть со своими советами, когда Кузнецов-старший ломал об жену новые табуретки, купленные на шмидтовские деньги. В конце концов, в их четырехкомнатной квартире был свой чулан, где держали сумасшедшего племянника Слободана, к которому регулярно применяли методы репрессивной психотерапии.

Но тут в одной из кузнецовских комнат, которой Кузнецов-старший сгоряча даровал независимость, стало твориться непонятное. По ночам там пили и дрались, по утрам иногда выволакивали трупы, у соседей стали пропадать невеликие деньги и нехитрые ценности, а главное — из этой темной комнаты со страшной силой поперли клопы и тараканы, которые немедленно заселяли все окрестное пространство. Поначалу Кузнецовы пробовали уговаривать темных жильцов, но те отвечали, что согласно их религии немедленной тараканизации подлежит все жилое пространство, а кто против, того не жалко и чик-чирик. Темные жильцы не ограничивались паразитизацией квартиры. Сами они давно нигде не работали, но в деньгах нуждались остро и потому стали похищать детей. Кузнецовы, как было уже сказано, детей не любили, но положение сверхдержавы обязывало — их приходилось выкупать. А поскольку детей было много, никаких шмидтовских денег уже не хватало.

Кузнецовы оказались перед непростым выбором. Одни их родственники, большие гуманисты, предлагали огородить темную комнату колючей проволокой, лишить ее жильцов права пользования сортиром и закрыть им доступ на кухню. Другие советовали вынуть из коридора паркет и окопать темную комнату

рвом, дабы исключить возможность повторных похищений. Третьи же, составлявшие большинство жильцов и вечно скандалившие между собой, объединились на базе самого жесткого варианта, получившего название «зачистки». Первым этапом зачистки было вбрасывание в пресловутую комнату несколько дутовых шашек с целью уничтожения тараканов, вторым — выжигание жильцов, третьим — побелка. Кузнецов-старший склонился к последнему варианту, который позволял не только побелить темную комнату, но заодно и отмыть шмидтовские кредиты. Схема действий Кузнецова была проста: четверть соседских денег он перечислял на нужды темных жильцов, чтобы иметь возможность другую четверть тратить на дутовые шашки, а половину спокойно прикармливать под предлогом борьбы за целостность квартиры.

Правда, война с темными жильцами, ведшаяся по всем правилам кавалерийской атаки образца 1921 года, стала затягиваться. В темной комнате, как выяснилось, жило не только бандитье, но также старики и дети. Так что после первых дутовых и дымовых шашек в соседние комнаты хлынул нескончаемый и все увеличивающийся поток жильцов (непонятно было, как все они там помещались): беженцы неумолчно голосили и жаловались на тиф. В то же время любые попытки захватить темную комнату были обречены, поскольку не успевал очередной Кузнецов-младший водрузить на шкафу шест со своим национальным флагом, как из-под стола выскакивал притаившийся темный и Кузнецова вместе с флагом похищал. Такая живучесть бандформирований была неудивительна, учитывая регулярно следовавшую им четверть, но

Шмидты обеспокоились продолжительностью войны и стали засылать к Кузнецовым международных наблюдателей.

Взору наблюдателей открылось потрясающее зрелище. По обеим сторонам коридора выли и причитали мирные жители, обнажавшие свои язвы и тянувшие к представителям Шмидтов отощавших, орущих детей. Тут же они и испражнялись, ибо в кузнецовский коммунальный сортир их не пускали — и если заставляли там, то мочили. Прижав к носам надушенные платки, шмидтовские посланники проследовали дальше и, задыхаясь от запаха гари и мертвечины, проникли в темную комнату. Там было темно, только вспышки разрывов рассеивали мрак, и при этих вспышках международные наблюдатели с трудом разглядели, как Кузнецовы стреляют по темным, не забывая, однако, отсыпать им патроны для ответа. Кто-то кого-то резал, но знаки различия терялись в дымной темноте. Шмидтовцы с присущим им гуманизмом немедленно заключили, что режут мирного жителя. В довершение всего в разгар боевых действий Кузнецовы обменяли одного своего непослушного и слишком любопытного сына Андрюшу на двух других, плененных темными, а заодно договорились, чтобы Андрюше в плену мало не показалось. Только протесты международных наблюдателей спасли Андрюшу от неминуемой гибели и способствовали воссоединению семьи, глава которой так стиснул в объятиях новообретенного сына, что тот знай похрустывал.

На этом терпению Шмидтов пришел конец. Они недвусмысленно заявили, что не для того десять лет кормили Кузнецовых остатками со своего стола

и одевали со своего плеча, чтобы теперь их недопестроившиеся соседи нарушали права человека на глазах у всей квартиры, плодя бездомных и распространяя тиф. Если Кузнецовы сию секунду не пустят беженцев в уборную, не перестанут гробить своих детей и тратить все кредиты на дустовые шашки, Шмидты пообещали перестать пускать их в приличное общество, то есть на журфиксы с клавесином и собачками.

Кузнецова-старшего это взорвало. Он выбежал от Шмидтов, оглушительно хлопнув дверью, и долго еще бегал под окнами, восклицая:

— Мы широко по дебрям и лесам перед пригожею Европой раскинемся. Мы обернемся к вам своею азиатской... понятно вам, сволочи?!

Тем не менее на очередной журфикс Кузнецовых пригласили. Следовало выяснить отношения и по возможности договориться. На журфикс Кузнецовы делегировали двух своих наиболее агрессивных родственников: один был хорошо разъевшийся патриот с мордой до того наглой, что его боялся весь двор, другой и вовсе был припадочный, собиравший деньги на местной паперти, но большой хитрец и дипломат, поскольку о нем говорили, что он сын юриста. Сам Кузнецов-старший отказался чтить соседей своим присутствием и в подмогу припадочному с патриотом прислал несколько самых неграмотных своих детей, с детства под порками понявших, что даже пьяный папка все равно лучше всех.

Неграмотные, припадочный и патриот расселись за чайным столом, дружно выложили на него ноги и приготовились слушать хозяйское пение.

— А нельзя ли нам послушать пение Андрюши... того, обмененного? — поинтересовались Шмидты.

— Андрюша находится под следствием и может спеть вам по телефону, — сквозь зубы отвечал патриот и извлек из кармана мобильник, но стоило Андрюше в чулане открыть рот, как неграмотные хором запели: «Провока-ация, провока-ация!» — и совершенно заглушили его скромную арию.

В ответ на вопрос Шмидта-старшего о правах человека патриот плюнул в варенье, в ответ на вопрос о беженцах припадочный помочился в заварку, в ответ на вопрос о возможных сроках окончания антитеррористической операции неграмотные оглушительно пустили ветры и сами расхохотались своей шутке.

— А что до внешних долгов, — сам затронул патриот болезную тему, — так это еще неизвестно, кто кому должен. Да, мы принимали ваши деньги и обноски, которыми вы пытались спасти свою душу за наш счет. Но моральное унижение, которое мы при этом испытывали, значительно превосходит любые суммы. Мы не кто-нибудь, мы скифы! Мы широко по дебрям и лесам пред европейским джентльменом раскинемся. Мы обернемся к вам своим здесь коллективным членом! — и собрался исполнить задуманное, но мамаша Шмидт в ужасе воскликнула: «Ах, молчите, молчите, ради бога!» — и кузнецовская делегация, расценив это как лишение права голоса, гордо удалилась, последним хлопком снеся дверь с петель и подравшись на лестнице.

На следующее утро Шмидты проснулись от митинговых воплей под своим окном. Они успели несколько

отвыкнуть от этих звуков за последние двадцать лет. Почтовый ящик был натуго забит открытками «Не дадим взорвать дом!», кузнецовские дети в шмидтовских джинсах кидались в шмидтовские окна шмидтовскими банками с пивом, а на дверь было аккуратно приклеено заявление о том, что никаких больше наблюдателей, но если Шмидты к вечеру положат под дверь очередной транш, то Кузнецовы, может быть, сохранят им жизнь. Народный энтузиазм за кузнецовской дверью был колоссален. Из-за нее время от времени летели заношенные до полного неприличия шмидтовские гуманитарные штаны, а припадочный под окнами немолчно орал: «Они нам журфикс, а мы им пипифакс! Очень нам нужен ваш жидкий чай с прошлогодним вареньем! И дочки ваши мымры в прыщах, и клавесин ваш расстроенный, и у хозяйки на носу бородавка! Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами, и если не дадите нам займы, то мы вас забросаем кирпичами!»

Шмидты перепугались не на шутку. Поздним вечером, вооружившись очередным траншем, глава семьи вышел на лестницу, чтобы сделать официальное заявление.

— Мы вовсе не имели в виду... — начал он.

— И не надо нам ваших наблюдателей! И вообще не суйтесь, и что хотим, то и воротим! — ответили вразной из-за соседской двери.

— Мы никак не хотели...

— И засуньте себе ваши права человека!

— Мы никоим образом...

— И сами жрите ваше варенье с клавесином и дочками!

— Я принес денег, — быстро сказал Шмидт, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было просунуть конверт. Послышались шуршание и шепот: глава семьи пересчитывал сумму. Через минуту дверь распахнулась, и хмурый Кузнецов предстал перед Шмидтом.

— Да ладно, — сказал он, улыбаясь, как природа после бури. — Все ж таки соседи, единое мировое пространство. Что торчишь, как труба на бане? Заходи, поговорим про многополярный мир без границ.

Теперь, после того что случилось, когда все адепты и поклонники бедного, а в прошлом великого Юрия поднимаются с земли, потирая ушибленное и отряхивая с себя зловонные брызги бывшего величия, потрясенные зрители задают себе мучительный вопрос: что же это все-таки было? Вот это, круглое, приподнятое над местностью, что сначала пухло, пухло, застило солнце, а потом с таким громким звуком... нет, назвать происшедшее его настоящим именем у нас все еще не хватает сил!

Слишком свежо воспоминание о том, как оглушительный, хотя и не совсем приличный треск раскатился по окрестностям, как с граем шарахнулись испуганные птицы, как по одному посыпались в грязь потрясенные коротышки, как долго еще носило ветром сдувающую оболочку, как за триста верст от бывшего Солнечного города нашли кепку... Не сразу свидетели и участники этого Большого Взрыва найдут в себе силы рассказать историю величия и падения Бедного Юрия. Но помнить о ней надо — хотя бы для того, чтобы больше так не было.

А было так.

Для страны коротышек, где произошла эта трагическая история, настали тогда не лучшие времена. Жили на подножном корму, сами ничего не производили, а чтобы создать видимость товарного обмена и не совсем забыть высшие достижения цивилизации, торговали воздухом. Воздуха в стране пока еще было немерено, хоть и не самого свежего, и торговля им служила самым прибыльным бизнесом. Наиболее продвинутые бизнесмены убедили народ в том, что последний воздух скоро кончится и настанет вакуум, а потому надо торопиться скупить все воздушное пространство страны. Народ охотно верил, потому что все в той стране подозрительно быстро кончалось, исчезало в никуда, опровергая закон Ломоносова–Лавуазье и все другие божеские и человеческие законы. Скоро самый большой запас воздуха скопился в столице, где торговля шла особенно бойко. Чтобы обезопасить себя от возможного разоблачения, воздухо-торговцы решили действовать.

Основное население страны составляли те самые коротышки, открытые нашим Носовым независимо от ихнего Толкина, что когда-то строили Солнечный город и летали на Луну, а теперь впали в ничтожество и укоротились окончательно. Коротышки, однако, были по-прежнему хитры и изобретательны, и когда наиболее наглые воздухо-торговцы решили себя обезопасить, мысль им пришла старая, как первая часть «Незнайки»: они решили опять построить воздушный шар.

Сказано — сделано: набрали одуванчикового соку, обмазали им мячик, поставили застывать на солныш-

ко, а в получившуюся пленку закачали ворованный воздух. Ресурсы его в столице были огромны. Шар дрогнул и стал приподниматься — сначала выше уровня бедности, потом выше уровня жизни всей страны, потом выше собственной самооценки, то есть выше облаков... а дальше им и не надо было. Вся столичная элита и шустрая часть населения поместилась в гондole: там гордо сидели коротышки-бандиты, надеявшиеся спрятаться под шаром, коротышки-интеллигенты, которым захотелось воспарить над массой, и коротышки-политологи, которые призваны были придумать шару идеологическое обеспечение. И пока бандиты поддували шар, накачивая его воздухом, политологи нарисовали ему маленькие злобные глазки, большие румяные щечки, нахлобучили сверху чью-то кепочку и имя придумали человеческое: Юра.

Правда, с политической точки зрения к шару было много претензий. Главной из них была роковая неопределенность по части цвета: будучи от природы бесцветен, шар по утрам казался розовым, на закате — красно-коричневым, а теплыми летними вечерами — неприлично голубым. Но такое отсутствие индивидуальной окраски в глазах политологов шло ему на пользу: когда кто-нибудь из недоуменных пассажиров интересовался, отчего шар у них такой хамелеонистый, любопытному популярно объясняли, что время демагогии прошло, а пришло время конкретных дел, которым и надо верить. Ведь он летает? Летает. Бандитов за ним не видно? Не видно, он их целиком покрывает собою. Ну и чего вам еще надо?

— Но ведь он пустой! — восклицал иной горожанин.

— Не пустой, а чистый, — поправляли его.

Беда была еще и в том, что чистого воздуха в стране почти не осталось. Воздух стал грязным, и сколько его ни отмывали, прежняя чистота оставалась недостижимой. Это сказалось и на состоянии шара: Юра сделался непрозрачным, на что кое-кто из пассажиров попытался намекнуть. Но коротышки, приближенные к стропам, тут же осадили недовольных:

— Вы что, хотите, чтобы он сдулся?!

А поскольку на его летательных способностях эта непрозрачность никак не отразилась, большинство столичных жителей перестали обращать на нее внимание. Все-таки благодаря Юриным бандитам им жилось получше, чем там, внизу, среди остального народа. И хотя вся страна кричала, что столица оторвалась от земли, горожанам не привыкать было к провинциальной зависти. Внизу была грязь и разруха, а в гондоле хоть и тесно, но сытно и к солнышку ближе. Горожане приняли специальный закон, чтобы никого не пускать на свое место под солнцем. Закон этот подсказал им сам Юра, у которого чудесным образом прорезался дар речи. Стоило нарисовать ему мордочку и дать кепку, как у Юры обозначилась личность — круглая, мясистая и вовсе не такая воздушная, как было положено по статусу.

Прежде всего Юра установил в гондоле жестокий паспортный режим. Он откуда-то отлично знал (вероятно, эта мысль проникла в его пустую голову вместе с отечественным воздухом), что, если хочешь настоящей любви, надо непременно держать окружающих в страхе. Коротышки и так побаивались высоты, а тут еще и Юра покрикивал: «Ужо сдуюсь!» — и его приходилось не только подкачивать, но и улещивать. Еже-

недельно в гондоле стали проводиться паспортные проверки, и тот, кто не успевал нарисовать или наштамповать должного количества разрешительных бумажек, сбрасывался как балласт, часто без парашюта. Особенно нелегко было бородатым брюнетам — вместе с воздухом в Юру проник местный неискоренимый страх перед черными, бородатыми и носатыми любой породы. Бородатые вылетали из гондолы в первую очередь, а их промыслы — чаще всего торговлишка добытыми с земли фруктами — отходил в ведение лысых и круглых коротышек, которых Юра за сходство с собою особенно любил. Он вообще благоволил к тем, кто был или старался быть на него похож: ближайšie поддувалы и завиралы стремительно пошили себе кепки, обрились налысо, если не были еще лысы, и стали посильно поддувать друг друга через специальную трубочку, вставленную известно куда, чтобы достигнуть должной круглоты. После поддува отверстие затыкалось. Считалось, что это оздоровительная процедура.

Бородатые, кстати, в той стране весьма ценились. Если на шаре они работали балластом, то внизу служили для сходных целей: как только руководители земных коротышек чувствовали, что их популярность падает, они шли бородатых бить. Для этого, чтобы аттракцион был интереснее, они вручали бородатым оружие и давали денег на патроны. Иногда бородатые били их, и тогда приходилось мириться. А иногда били бородатых, и тогда власть получала новый кредит доверия. Так что выкинутые Юрой горбоносые брюнеты на земле немедленно шли в дело.

Выкинув большинство чернобородых, шар захотел жениться. Сколько его ни уговаривали, что воздуш-

ным шарам жены не положены, Юра сам выбрал самую богатую и жадную коротышку, специализировавшуюся на производстве пластмассовых ведерок и лопат. К пластмассе резиновый Юра испытывал генетическую близость. После он озаботился проблемой своей славы. Ему все казалось, что пассажиры гондолы недостаточно восхищаются им. А ведь если бы не он, они бы так и жили, как все остальные. Для начала Юра нанял пресс-секретаря. На эту роль он выбрал жестокого узкоглазого коротышку восточного происхождения. Полное имя коротышки было неприлично, состояло из трех букв и оканчивалось на «й», поэтому подобострастные подчиненные предпочитали называть его «Петрович». Всех, кто отзывался о шаре недостаточно почтительно — например, осмеливался напомнить, что это всего-навсего каучуковый пузырь, надутый бандитами, — немедленно сбрасывали с гондолы как отягощающих наш общий дом. Этак гондола скоро опустела бы вовсе, но параллельно с оттоком пассажиров шел и некоторый приток. Так, любой коротышка с земли, выразивший недовольство тем, как идут дела вне гондолы, тут же подбирался и втаскивался под шар. Среди этих новых гондольеров преобладал откровенный сброд, который попросту устали терпеть на земле. Но Юра горячо радовался новым поступлениям. Гостям тут же вручали кепки и слегка поддували в знак особого благоволения, хотя воздуха в гондоле оставалось уже немного, да и тот грязный. Любимым приобретением Юры сделался старый зобастый коротышка, которого за полную его неспособность к осмысленной деятельности глубоко уважали в народе. «Он хоть не испортит ничего», — уважи-

тельно перешептывались провинциалы. Юра взял его в гондолу и объявил первым вице-шаром, отчего старик немедленно раздулся и вообразил в сердце своем, что может летать самостоятельно. Но пока не решался, хоть и вынашивал план рано или поздно от Юры отделиться и с гроздью верных отправиться в сепаратный полет.

Больше всего на свете Юра любил лесть. Сначала он потребовал, чтобы его именовали не шаром, а монгольфьером. Потом переименовал себя в аэростат и подумывал даже о названии «Союз-5», но узкоглазый Петрович опередил его, торжественно присвоив шару звание Пуп Земли.

— А что это такое? — спросил польщенный Юра.

— Это центр вселенной, — отвечал Петрович, подобострастно согнувшись. — Где центр, там и вы, а где вы, там и центр.

Это немедленно вдохновило Юру на создание партии политического пупизма. Что такое пупизм, не мог объяснить даже зобастый. Вся идеология нового движения исчерпывалась словами «Где мы, там и пуп». Накачивали Юру к тому времени так, что в самой гондоле дышать стало почти нечем: весь воздух ушел в главного пуписта. По бокам гондолы стояло четверо придворных певцов Юры: Захар, Табак, Каляг и Хазан. Они гремели в погремушки, дули в дудочки и тем выражали всенародную любовь. Процессом поддува руководил крутой коротышка по кличке Таран, давно еле передвигавшийся из-за надетого на нем золота, которое далеко превышало его собственный вес. Он для того и надевал золото, чтобы прибавить себе весу. Коротышка Цери, любитель побаловаться с пластили-

ном, заставил все внутреннее пространство гондолы таинственными химерами, общим свойством которых была шарообразность. Коротышки Минштейн и Хинкин, ненавидевшие друг друга из-за конкуренции, дрались за право лично превознести шар и опозорить его врагов.

Эта идиллия могла бы продолжаться весьма долго, если бы в гондоле и вокруг хватало воздуха. Но поскольку кислород производится все-таки на земле вследствие процесса, называемого фотосинтезом, в разреженном пространстве вокруг Юры очень скоро стало трудно дышать, тем более что почти весь воздух шел на подкачку. Шар так раздулся, что практически полностью затмил собою солнце, и его огромная тень в кепке легла на просторы бедной страны коротышек. Правда, был у шара и навязчивый, вполне обоснованный страх. Юра страшно боялся сесть, и все его окружение эту фобию разделяло, поскольку было очевидно, что если сядет Юра — сядут и они. Поэтому путь на землю был им заказан, оставалось только стремиться вверх, и Юрины амбиции вполне такое стремление оправдывали. Дело в том, что в какой-то момент он стал подозрительно долго вглядываться своими нарисованными глазками в солнце. Окружение заметило, что это не к добру, как и многие Юрины инициативы последнего времени, но перечить боялось.

— А что, Петрович, — начал как-то Юра со своими характерными рублеными интонациями, — не напоминает ли тебе вон тот маленький золотистый шарик кое-кого своею формою?

— О мудрейший! — только и мог выдохнуть Петрович, чьи худшие опасения сбывались на глазах.

— А не кажется ли тебе, Петрович, что я-то по-больше буду?

— Так знамо! — воскликнул Петрович, на ходу придумывая изощренный комплимент. — Вы и лучше будете, ваша круглость, потому что тот маленький золотистый шар появляется днем и исчезает ночью, а вы изволите круглосуточно исполнять свои обязанности!

— Соображаешь! — похвалил польщенный Юра. — А еще?

Он уже очень привык к Петровичевой грубой, но витиеватой правде и частенько заставлял читать себе вслух некоторые главы из сочиненной Петровичем (под именем Юры, разумеется) книжки «Я сын твой, небо!». Книжка начиналась описанием полета Юры над столицей: летает Юра — и видит грязные крыши, кучи мусора, клубы дыма от экологически нечистых производств... «Нет, так не пойдет, — думал Юра в книжке Петровича. — Я построю новый Солнечный город, где установлю новый солнечный порядок!» И так далее, можно цитировать всю главу, называвшуюся «Мне сверху видно все».

Петрович подумал еще, пожевал губами и выдал требуемый комплимент:

— Все небесные тела без кепок, а вы в кепке! Только Сатурн от зависти обзавелся какими-то дурацкими кольцами, но хоть ты весь окольцуйся, а краше нашего шара не станешь. Вот и то сомнительное светило — где у него кепка? Не вижу!

— То-то, — сказал шар, поощрив Петровича очередной благожелательной улыбкой. — А как ты думаешь, Петрович, не пора ли нам, исходя из всего этого,

заменить это слабогреющее светило, вечно шатающееся из края в край неба, на что-нибудь более центристское? На что-нибудь, что никуда бы не двигалось, не всходило и не закатывалось, а вечно сияло в центре небосвода, как пуп не только земли, но и всей Вселенной?

Тут только до Петровича дошел весь ужас нового плана. Он мог бы попытаться объяснить Юре, что воздушным шарам не следует подниматься выше муниципального уровня, но тогда его самого тут же сбросили бы, как балласт, благо недостатка в конкурентах не было. Да и перспектива стать спутником Солнца его отчасти радовала, но своим восточным задним умом, который за время пиаровской деятельности очень увеличился от непрерывного поддува, он не мог не понимать: взлетев слишком высоко, шар либо ввергнет их всех в безвоздушное пространство, либо лопнет от солнечных лучей, как некий Икар! Не в силах ничего решить, он трусливо искал ответ, но шар уже расценил его молчание как восхищенное согласие.

— То-то, — изрек он снисходительно. — А у вас разве есть настоящий полет мечты? Тьфу, один я и летаю... пигмеи...

По личному распоряжению шара и под руководством коротышки Вована была тотчас же создана корпорация «Солнечная Система», главной целью которой стало накачать Юру до верхнего предела. Поскольку этого верхнего предела никто не знал, коротышки из «Системы» не жалели сил и дули в Юру так, что воздух в гондоле стали раздавать по карточкам, хоть и кредитным. Для страховки — все-таки мало ли что — одновременно поддували зобастого, который и сам дулся не

по дням, а по часам, невероятно гордясь на старости лет своим положением. На всякий случай Юра уже оповестил население земли, испуганно наблюдавшее за странными манипуляциями наверху, что если народ его вдруг не поддержит, он предложит народу кандидатуру вице-шара, с которым они вместе создали политическую партию «Небо — моя обитель». Часть неблагодарных землян прицелилась в Юру из рогаток, потому что перспектива замены солнца им совершенно не улыбалась, и самый храбрый коротышка по имени Сережа вместе с юным очкариком Знайкой несколько раз даже попали. Пробить шар им, естественно, не удалось, но от злости Юра раздулся немного больше положенного предела, и в скором будущем это сыграло свою роковую роль.

Подталкиваемый рогаточными выстрелами с земли, подкачиваемый окружением и раздуваемый самолюбием, Юра резко рванул вверх, в сторону солнца, — и, очутившись в безвоздушном пространстве, почувствовал избыточное давление изнутри. Он вообще-то всегда страдал от давления, что было естественно при его апоплексической фигуре и полном отсутствии шеи, но тут давление явно превосходило допустимый предел. Еще не поздно было вернуться на прежний уровень, но это означало потерять лицо, а возможно, и кепку. И Юра поднимался выше, выше, выше... Всю гондолу уже тошнило, но Петрович из последних сил запрещал гондольерам блевать под угрозой сброса. Стало холодно. Зобастый, как некий Дедал, попытался урезонить политического партнера, но говорить уже не мог — весь воздух ушел в Юру. Некоторые сообразительные коротышки, заранее сшившие парашюты,

начали катапультироваться. Особенно их привлекало то, что внизу в очередной раз побили бородатых (правда, добивать не стали — пригодятся) и как раз праздновали победу. Пробки так и вылетали из бутылок, грозя пробить Юру.

— Мародеры подкуплены землей! — из последних сил крикнул Петрович, но слушать его было почти некому: попрыгивание с Юры приобрело массовый характер. Первые мародеры с покаянными, но счастливыми улыбками уже приземлялись на родную почву, где коротышка Сережа выдавал каждому из них по десять нарисованных долларов и бутылку шампанского. Это была его концептуальная акция.

Тут-то и произошло то, о чем долго еще вспоминали коротышки: наверху раздался оглушительный треск, хоровой вопль, и на землю хлынули грязные финансовые потоки. Под вой Тарана, Каляга, Хазана, Захара, Табака и Вована клочья Юры планировали среди облаков, как хлопья небывало крупного снега, а коротышки стремительно летели вниз. Последним, пытаясь сохранить достоинство, планировал зобастый.

— Без паники! — кричал он. — Юра не лопнул! Его живым взяли на небо! Теперь он нам светит! Взгляните на солнце — вы видите на нем кепку?

Эту легенду долго еще повторяли коротышки, спасшиеся после приземления. Некоторые из них и теперь еще говорят землянам:

— Посмотрите на солнце! В ясную погоду отчетливо виден козырек!

Кое-кто верит. В тех краях вообще любят сказки.

СТЕПАНЫЧ И МЕДВЕДЬ

Относительно названия деревеньки Черная Мырда версий ходило множество. Сами черномырдинцы гордо рассказывали студентам, приезжавшим к ним по фольклор, что деревню их основал Абрам Ганнибал, Петров любимец, лично перепортивший до половины местных девок, отчего на среднерусских просторах изобильно завелись мулаты. Более прозаические версии соседей гласили, что в деревеньке искони топили по-черному, отчего и ходили вечно в копоти. Впрочем, и эта версия сомнительна, потому что топили в Черной Мырде не дровами, а газом, который сами же в достатке и производили вследствие одной таинственной местной особенности. Дело в том, что больше всего черномырдинцы боялись медведя.

Медведь был злым роком, проклятием деревушки. Старики рассказывали, что будто Абрам Петрович Ганнибал в озорливой юности похаживал с ружьишком по окрестным лесам и отстрелил встречному медведю лапу, после чего обиженный хозяин лесов стал являться в деревню на липовой ноге, приговаривая: «Скирлы, скирлы, скирлы». Так ли было, не так ли,

а только ничего так не боялись юные мырдята, как медвежьего пришествия. Сны их тревожил грозный когтистый хищник, кричавший на них бог весть с чего: «Кто пил из моей чашки? Кто сидел на моем стуле?» — и просыпались детишки в лучшем случае в слезах, а в худшем случае страшно сказать в чем.

От этого-то постоянного страха перед лесным гостем все жители Черной Мырды страдали болезнью, которая так и называлась — медвежьей и заключалась в поразительной способности: в случае опасности каждый черномырдинец, от стара до мала, начинал обильно пускать газ, обладавший недюжинными горючими свойствами. А так как особо успокаиваться жителям деревни не давали — то голод, то война, то сплошная коллективизация, — то и газ у них не переводился и топить завсегда было чем.

Была у черномырдинцев и еще одна особенность: слово «медведь» они произносить боялись, не желая накликать страшного пришельца. Постепенно этот принцип витиеватого обхода неприятных понятий распространился у них на все, и речь черномырдинца сделалась понятна только другому черномырдинцу, и то не сразу. Так, вместо обычного «Год выдался неурожайный, хлеба совсем мало» житель Черной Мырды замечал соседу:

— Если так, как сейчас, пойдет и дальше, то двигать челюстями вовсе не придется, а придется сосать то, что сосет в зимнем сне тот, кого мы не можем поименовать из одного только уважения.

Если же в деревне особенно лютовала продрозверстка и крестьянам не оставляли ни зернышка сверх нормы, черномырдинцы деликатно перешептывались:

— Те, что пришли вслед прежним, делают с нами то же, что делает с липкой тот, кто охоч до меда и чьего истинного имени мы не произносим, не желая лишний раз тревожить святое.

Разумеется, эта счастливый дар черномырдинцев говорить много и причудливо, не сообщая при этом, по сути, ничего, доставил им репутацию больших дипломатов, что в сочетании со способностью производить горючий газ в неограниченных количествах обеспечивало поселянам неизменно высокие государственные посты. Но и на фоне общего черномырдинского преуспеяния ярче всех сияла карьера Степаныча — юного мырдинца, который особенно боялся медведя, вследствие этого сильнее прочих газова, а уж выражался так, что не всякий односельчанин разумел его с первого раза. В самых простых житейских ситуациях он вдруг загибал такое, что речения его становились пословицами: так, именно ему приписываются известные и загадочные русские выражения «В огороде бузина, а в Киеве дядька», «Семь верст до небес и все лесом», «Кому поп, кому попадья, а кому попова дочка», «Что сову об пенек, что пеньком сову», «Ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость» и даже «Хлеб к обеду в меру бери, хлеб — драгоценность, им не сори».

Случилось так, что именно такой человек потребовался на самом вершине власти в период очередного закисания российских реформ, когда народу надо было срочно поддать газу и одновременно приморочить голову. Степаныч был тогда уже крупным поставщиком газа, хватало его и на Европу, но о том, чтобы стать вторым лицом в государстве, он не помышлял. Неожиданно

данно ему выпало сменить на этом посту Тимурыча, который, во-первых, не производил газа, а во-вторых, причмокивал. Это поневоле наводило население на мысль о вампиризме, и Тимурыча отправили причмокивать в научный институт, призванный разобраться в единственном вопросе: как это над страной пять лет подряд ставили самые кровожадные эксперименты, а она до сих пор жива? На место же Тимурыча пришел Степаныч, и населению ни разу не пришлось об этом пожалеть.

Никакой государственной деятельностью Степаныч себя не запятнал: его спокойный, солидный вид сам по себе был призван внушать уверенность. Экспорт газа сделал его человеком состоятельным, и вся страна была уверена, что воровать сверх этих прибылей ему уже необязательно. Выдающаяся же способность изъясняться так, что никто не понимал, однако всем было забавно, превратила его во всенародного любимца. И если при нем не упоминались медведи, более спокойного и радостного человека было поискать.

Один раз Степанычева манера темно выражаться в экстремальных ситуациях попросту спасла страну. Глава государства отбыл в очередной отпуск по причине стойкой неспособности заниматься государственными делами более трех дней кряду: на четвертый у него возникала непобедимая депрессия на почве жалости к Отечеству, а лечиться от тоски он умел только спиртом. Такой мучительной любви к Родине не выдержала бы никакая печень. Степаныч остался на хозяйстве, и в это самое время известный террорист, живший по соседству, беспрепятственно вторгся на территорию Родины, захватив больницу. терро-

рист потребовал, чтобы его соединили непосредственно со Степаньчем.

— Это говорит террорист, — сказал он в сотовый телефон ледяным голосом народного мстителя. — Я хочу, чтобы вы выполнили мои условия.

— Здравствуй, террорист, — сказал Степаньч. — Оно, конечно, с одной стороны так, но ежели посмотреть с другой — так это вон оно как, и я прямо тебе скажу, что ежели ты так, то ведь мы можем и этак, смотря как захотим и как оно вообще повернется... — и прибавил пару прибауток из своих родных мест.

— Тьфу, — выругался террорист. — Ты меня слышал, нет? Или тебе медведь на ухо наступил?

При упоминании медведя Степаньч окончательно перепугался и понес такую уже околесицу, добавив даже пару частушек, до которых был большой охотник, что террорист с горя швырнул в стену мобильный телефон, прихватил с собой в заложники пяток журналистов, чтоб не скучно было возвращаться, и отъехал с нашей территории, отчаявшись добиться толку от премьера. Некоторые полагали, что Степаньч спас страну, ибо любой конкретный ответ — будь то «Мы с террористами не договариваемся» или «Диктуйте ваши условия, я записываю» — неизбежно повлек бы крупные неприятности. Степаньч же выкрутился единственно возможным образом — и эта манера выражаться выручала его неизменно. На заседаниях правительства ему случалось произносить часовые монологи, общего смысла которых не мог уловить даже министр путей сообщения, крупный знаток эзопова языка: дело в том, что других мырдинцев, кроме Степаньча, в правительстве не было,

и потому он и сам себя понимал уже с трудом. Тем не менее лучшие его перлы продолжали пополнять коллекцию народной мудрости: «Хотели так, а вышло вон как», «У кого чешется, а у кого и нет», «У нас в правительстве не так, чтобы тяп-ляп, а так, чтобы тяп! ляп! тяп! ляп!» — и тому подобное.

Эта же способность выручила Степаныча и тогда, когда от него потребовалось создание собственной партии. Глава государства вызвал его лично и сказал, что желательно было бы выстроить какое-нибудь объединение с простой и патриотичной идеологией — вот хоть на базе идеи общего дома. Степаныч как следует обмозговал это предложение и с полной отчетливостью понял, что никакой общей идеи, тем более на базе дома, у его современников не было и быть не могло — хотя бы потому, что три процента населения жили в хоромах, а остальные девяносто семь ютились в хибарах, и общего у всех этих домов только и было что крыша. Эту крышу Степаныч и продемонстрировал на презентации своего движения. Журналисты нацелили на него фотокамеры, и премьер сложил руки домиком.

— Вот, — сказал он. — Чтоб крыша.

Это так умилило всех присутствующих, что никакой другой идеологии новому движению не потребовалось. Изображениями Степаныча с ручками домиком обвешали все троллейбусы, а его историческое изречение «Красна изба углами, а дом — крышей» сделалось своего рода девизом нового движения.

Но народная любовь переменчива, и кто чего боится — то с тем и случится, как говорят все те же мудрые мырдинцы. Степаныч, вечно боящийся медведя,

однажды-таки на него напоролся. Произошло это отчасти из-за избыточного рвения обслуги, отчасти же из-за вечно присущей ему неспособности внятно выразиться. Ему предложили организовать охоту. Степаныч одобрил инициативу, но, боясь назвать нежелательного зверя вслух, сформулировал, по обыкновению, витиевато:

— Только было бы желательно, чтобы во время, тово-этово, увеселительной пальбы не встретиться бы нам и не пересечься с тем могучим, этово-тово, существом, которого один вид вызывает у меня неконтролируемое газоиспускание...

Разумеется, обслуга немедленно решила, что речь идет о главе государства, и клятвенно заверила Степаныча, что просьба его будет исполнена. Были заготовлены три медведя со связанными лапами и подпиленными когтями, и Степаныч в бронированном джипе, боязливо оглядываясь, поехал в леса. Он был человек от природы кроткий и дружелюбный и рассчитывал подстрелить в крайнем случае зайца. Каково же было его изумление, переходящее в ужас, когда из кустов на него один за другим пошли три медведя, показавшиеся ему в тот момент ужаснее любого террориста! Премьер выхватил ружье и принялся истерически палить в несчастных, пока не расстрелял весь боезапас. Ключья шерсти так и летели по всему лесу, покамест от хищников не остались три изрешеченные шкуры, а природным газом в лесу пахло так, что пороховая гарь совершенно растворилась в его аромате. Охрана попряталась в кусты.

Расстреляв все патроны, Степаныч схватился за голову и рухнул в мох. «Ооо, во мху я, во мху я!» — горько приговаривал он, катаясь по прелым листьям.

— Что с вами, ваше превосходительство? Вы не ранены? — в ужасе спрашивала его охрана.

— Да лучше б меня всего ранило! — восклицал премьер. — Теперь ведь я проклят, проклят! Страшное проклятье Черной Мырды настигло меня, и тот, кого ужасные лапы и грозные зубы пугают наших жителей вот уже три века, будет теперь преследовать меня, то-во-этово, повсюду! Сожрет, беспрерменно сожрет!

И точно: история с убийством трех медведей попала в газеты, популярность Степаныча в народе пошатнулась, и сколько несчастный ни утверждал, что убил медведей в силу неконтролируемых особенностей своей психики, это не придавало убедительности его жалкому лепету. Премьера прозвали убийцей медведей, и сколько бы благодеяний ни оказал он с тех пор Отчеству, клеймо это осталось несмываемо. Некоторые пылкие защитники дикой природы покинули ряды Степанычевой партии, а вскоре и глава государства во время очередного загула решил сместить бывшего любимца. «Несмываемых правительств не бывает», — сказал глава Степанычу, вручил ему букет алых роз и отправил на покой. Правда, потом, когда от власти снова потребовались невнятные прибаутки, он пробовал было его вернуть, но Степаныча никто уже не хотел.

Тут-то роковой медведь и подкараулил главного газопускателя страны. Перед очередными выборами в парламент дряхлеющий глава государства распорядился создать партию «Мишка — вашему терему крышка». Медведь был избран символом новой партии власти как олицетворение мощи, выносливости и неприхотливости. Всем, кто присягал на верность

партии «Мишка», предписывалось в обязательном порядке поцеловать медведя в нос. Медведь, специально отловленный для этой цели, находился в офисе министра по чрезвычайным ситуациям, который лично удерживал его на стальном тросе и время от времени скармливал новую порцию парного мяса. Длинная очередь губернаторов хвостом изгибалась вокруг Чрезвычайного министерства. Глава призвал Степаныча.

— Степаныч, — сказал глава сдержанно. — Ты политический тяжеловес, и я тебя уважаю. Но если ты верен нашей дружбе, ты поцелуешь медведя.

— Ваше величество! — простонал Степаныч. — Я бессилен сделать то, о чем вы просите. Я не могу подойти к косолапому, я страшусь медознатца, я не вынесу близости хозяина тайги! Если хотите, я вас поцелую в любое место, но не заставляйте меня приближаться к м... м... нет, не могу!

Голос его дрожал столь жалобно, а слезы были так убедительны, что глава государства в последний раз пожалел своего любимца и избавил от необходимости присягать на верность новой партии. Газопускатель вместе с соратниками тихо прошел в парламент с легкой руки благодарных народов Севера, отапливавших жилища его газом, а партия его была позабыта в полном соответствии с девизом «Мишка — терему крышка». Убедившись в сохранении преемственности, глава сам себя отправил в отставку, и его эпоха в истории русской государственности закончилась. Степаныч первым почувствовал смену власти, когда новый глава вызвал его к себе.

— Вы поддержите меня на выборах? — без долгих предисловий спросил преемник.

— Охотно, — отвечал Степаныч, быстро сообразив, что витиеватая речь теперь не требуется, ибо пришло время четких реакций и лаконических ответов.

— В таком случае потребуется присяга на верность. Ритуал ее вам известен, — сказал преемник, щелкая пальцами. В тот же миг открылись двери, и трое дюжих охранников ввели раскормленного медведя. За последние три месяца зверь страшно разросся и еле помещался в кабинете. Степаныч дал газу.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул преемник. — Газ нам понадобится. Но присягнуть установленным порядком все равно придется. В свое время вы отказались поцеловать нашего медведя в нос и заплатились за это. Согласно новым правилам любой, кто поддержит меня теперь, должен поцеловать его под хвост.

Повисла тягостная пауза.

— А если... я... не смогу? — помертвев, выговорил Степаныч, не отводящий взгляда от зверя.

— Сожрет, — кратко сформулировал преемник. — Ну же, смелее! Геннадий Андреевич на что боялся, а и то себя пересилил. А Григорий Алексеич не захотел — и где теперь Григорий Алексеич? — преемник красноречиво кивнул на небольшой ржавый огрызок, украшавший его письменный стол.

— Это... все, что осталось? — с дрожью в голосе спросил Степаныч.

Преемник сдержанно кивнул.

Степаныч рухнул на четвереньки и медленно пополз к хищнику. Под его коротким, жестким хвостом он увидел несколько до боли знакомых отпечатков губ — когда-то эти же губы прикасались к Степаны-

чевой лысине и оставляли на ней свои жирные следы. Страшное зловоние доносилось из-под хвоста.

— Чем это так пахнет? — прошептал Степаныч.

— Это будущее, — кратко ответил преемник. — Ну же! Как убивать беззащитного зверя — это мы всегда пожалуиста, а как присягнуть на преданность законной власти — будем кобениться?

Медвежья задница придвинулась к лицу Степаныча вплотную, и он ощутил страшную засасывающую силу, исходившую оттуда. Инстинктивно он отшатнулся, но было поздно. В следующий момент мишка решительно втянул его в свои недра, и Степаныч пополнил собою ряды партии власти. В медвежьем чреве его уже поджидал любимый друг и соратник Ушастик, давний знакомец Геннадий Андреевич, а сзади уже просовывалась очкастая голова молодого технократа, который в свое время сменил Степаныча на премьерском посту. Несмотря на зловоние, изнутри медведь был уютен и во всяком случае более надежен, чем когдатошняя Степанычева крыша. Всем хватало места, шум не беспокоил, кормили три раза в день.

— И чего я, собственно, боялся? — подумал Степаныч, поуютнее устраиваясь в безразмерном брюхе и обмениваясь дружескими рукопожатиями с товарищами по медведю. — Все одно все здесь будем...

И это была самая справедливая мысль, когда-либо приходившая в его голову.

КОЛОБОК

Жили-были дед и БАБа, ели кашу с молоком. Деда звали Владимиром Александровичем, а БАБу, почему она так и называлась, — Борисом Абрамовичем. Старик ловил неводом рыбу в мутных водах отечественных СМИ, старуха пряла свою пряжу интриг и прочих хитроумных комбинаций в недрах Кремля.

Жили они не сказать чтобы вовсе мирно — все-таки сколько лет вместе, — но кое-как уживались и даже совместно нажили кое-какое имущество. У БАБы была курочка Ряба, которая несла золотые яйца и обитала в телевизоре, у деда — золотая рыбка, тоже телевизионная и говорящая человеческим голосом всю как есть правду, включая такую, которой никогда и не было. С помощью рыбки можно было выманить у властей то теремок, то деньжат, то на худой конец новое корыто. Так что было кое-что, было. Не было только наследничка.

То есть нельзя сказать, чтобы они не старались. Они старались, и даже очень. Для начала слепили Снегурочку, назвали Таня, но Снегурочка увлеклась

строительством замков в теплых краях и пиаром своего отца Деда Мороза, а про деда с БАБой забыла напрочь. Они ей то шубку, то брульянт в косу — а она знай себе виллы прикупает да рассказывает всем, какой у нее Дед Мороз отличный: мол, и душевный-то он, и теплый, и нос-то у него не красный... Мороз при таком пиаре забрал всю власть и стоял двенадцать месяцев в году — всю как есть политическую жизнь вокруг себя приморозил, мелкая живность передохла, крупная впала в спячку, птицы поумнее потянулись в теплые страны, а бедные дед с БАБой сидели в своей избушке ни живы ни мертвы и уж не рады были, что привели на Отчизну такую напасть. Правда, их Дед Мороз не трогал — так, пощипывал только по мелочи: то денюжат попросит, то золотое яичко от Рябы. Старики и тому рады — несут на серебряном блюдечке подношеньице, приговаривают:

— Что хочешь бери, голубчик, только не троны!

— Ладно, — урчит Мороз, — живите покуда... олигархи нехорошие...

— Слышь, дед, — БАБа говорит, — давай-ка мы другого наследничка исделаем, чтоб по крайней мере было кому при дворе за нас постоять?

Сказано — сделано: отрубили БАБе мизинчик, завернули в тряпочку, пошептали, попели — вырос у них Липунюшка, мальчик-с-пальчик, любимый сынок. Назвали Роман Аркадьевич, ходят вокруг — не нарадуются. «Уж ты Ромушка наш Аркадьевич, свет ненаглядный, последнее утешение!» Наследничек, однако, оказался с таким аппетитом, что, представляя за деда и БАБу при дворе, вскоре начисто оттер их от Кремля, оттяпал у каждого по половине

имущества и по три четверти влияния, жажду свою заливал потоками нефти, а под конец обнаружил способность есть землю. В последний раз его видели на Чукотке, в которую он вгрызся было со всей силы да так и примерз.

— Что ж за незадача такая, — плачут дед и БАБа, — все у нас есть, и курочка исправно несется, и каша с молоком не переводится, и рыбка ловится, и мосты строятся, — а с наследничком никак не выгорает!

— Думайте, думайте! — свищет за окном Дед Мороз. — Вот выйдет мое время — с кем останетесь? Придет Кощей Бессмертный Евгений Максимыч, только на вас посмотрит — мигом позеленеете! Конец вам выйдет с курочкой и со всеми яичками!

Думали, думали дед и баба — и надумали. Наскребли по сусекам муки, дунули, плюнули, замесили и слепили колобок.

Правда, тут у них не обошлось без ссоры. БАБа очень уж хотела военного, а деду больше нравились гражданские, строительных специальностей.

— Нехай будет в кепочке, — дед говорит.

— Нет, в фуражечке! — БАБа настаивает.

— В кепочке!

— В фуражечке!

Разозлился дед на БАБу, трах по пузу кулаком — все, как в фольклоре ведется. Он ее, понятное дело, киселем полил — водился у него в особой банке такой ядовитый кисель, — она его курочкой, курочкой... В общем, подрались — как за все годы совместной жизни не случалось. Аж разговаривать перестали. Колобок, однако, и сам был смышленный: глянул на них глазками-изюминками, подкатился к фуражечке и тем решил свой выбор.

— Ладно уж, — дед кряхтит, — будь по-твоему... сатрапка кровавого режима! Все одно мы его киселем замочим. Веню Диктова напущу! — Это, стало быть, такой домовой у них водился: сам из себя мохнатый, в бороде, кулачонками машет и словами обзывается.

— Да чего ты, — миролюбиво БАБа отвечает. — Какая тебе разница, что у этого колобка на голове и что внутри? Сусеки-то у нас с тобой общие, мука народная, а главное не то, что на ем надето, а то, куда он покатится! А покатится он направо, это я тебе верно говорю. Потому налево сидят ужасные волки, и они нашего колобка съедят — пикнуть не успеет.

Колобок, однако ж, оказался не прост: он покати́лся туда, куда дед с БАБой отнюдь его не направляли. Не в чистое поле европейского сообщества, а в темный лес родного имперского сознания. Катится себе — а настречу зайчик-интеллигент, ушки дрожат, и хочет есть, а боится.

— К-к-к-колобок-колобок, я т-т-тебя...

— Съешь, что ли? — догадался колобок. — Да у тебя ж всего четыре зуба, и те зуб на зуб не попадают!

— А-а-а все-таки хотелось бы знать твою программу...

— Ты чего так дрожишь-то, бедный? — колобок сочувственно спрашивает.

— А к-к-как же! Чеченцы же кругом...

— Ну уж на этот счет ты будь спокоен, — колобок отвечает. — Я их живо — одного в глаз, другого в нос. Видал?! — и самодовольно закружился вокруг своей оси.

— Это очень х-х-хорошо! — пропищал зайчик. — А свободу слова-то не отберешь у меня?

— Очень мне нужна твоя свобода слова, — презрительно отвечает колобок. — Пищи что хочешь, а я буду делать что хочу. Договорились!

— Договорились! — зайчик прыгает. — Мне главное — чтоб свобода пиццати!

— Да хоть обпищись, — снисходительно колобок ему говорит. И дальше покатился. А зайчик побежал по лесным тропкам, нахваливая сильную государственность.

Долго ли, коротко ли катился колобок, а навстречу ему серый волк.

— Колобок, колобок, я тебя съем! — рычит волчара, глаза красным горят, в левой руке серп, в правой молот.

— А ты не ешь меня, серый волк, — говорит колобок без тени страха и очень даже миролюбиво. — Я тебе...

— Что, песенку споешь? — волк глумится. — Так знаю я все твои песенки! «Я от дедушки ушел, я от БАБушки ушел...» Не верю я, чтобы ты от них ушел! Ты вылеплен из их сионистской антинародной муки, маца ты замаскированная!

— Вовсе нет, — говорит ему колобок, поправляя фуражечку. — Очень мне надо петь тебе какие-то дурацкие песенки. Я тебе, если хочешь, объективку на тебя прочитаю. Интересно?

— Ну валяй, — говорит волчара, а у самого зубы начинают потихоньку дробь выбивать.

Ну тут колобок ему и прочти — про все злоупотребления, да про всякие коррупции, да про договоры и компромиссы с кровавым режимом, да про всякие прочие дела партии большевиков... Волк на задние лапы присел, хвостом по земле метет.

— Понял? — весело колобок говорит. — Я колобок особый, везде катаюсь, все вижу! У меня и песенки соответствующие. Теперь давай дружить. Ежели тебя, мил человек, устраивает направление моего движения, так уж ты поддержи меня, дружок. А за это я тебе дедушку скормлю.

— Дело! — щелкнул зубами волк и поскакал по всем лесным тропинкам, призывая лесной народ повсеместно голосовать за колобка.

А колобок катился себе, катился да и докатился до медведя.

— Колобок-колобок, я тебя съем! — заревел хищник, голодный после зимней спячки.

— Дудки, — невозмутимо колобок отвечает.

— Да посмотри ты на меня, какой я худой да голодный! — медведь плачет.

— Меня этим не разжалобишь, я черствый, — колобок отвечает. — А вот ежели хочешь, БАБушку мою скормлю тебе охотно.

— Идет! — взревел медведь и понесся по лесным тропам, прославляя колобка и агитируя за него всякую мелкую мелочь.

А колобок катился все дальше и дальше, забирая в своем движении уж настолько влево, что всполошились не только дед и БАБа, но и часть лесных жителей.

— Колобок-колобок, — обратилась к нему рыжая хитрая лиса, отвечавшая в лесу за всю энергетику. — Если ты и дальше будешь забирать в сторону от запада, то я тебя, извини, немного того!

— Зубки коротки, — ровным голосом колобок отвечает. — За меня волк — зубами щелк и медведь, оли-

цветворение пробудившегося народного самосознания. Ну куда ты супротив них? А вот ежели ты будешь за меня, так я тебе гарантирую... ну не сразу, конечно, а со временем... пост первого моего заместителя!

— Это по какому же заместителя? — лиса ехидничает. — И с какой же это радости? Уж не думаешь ли ты стать царем зверей?

— А чего тут думать-то? — колобок отвечает. — Объективки на всех есть — раз. Фуражечка на мне — два. Круглый я? Круглый, для всех удобный. Дзюдо знаю, — и колобок, бойко подпрыгнув, так ударил лису в нос, что она впервые за всю политическую жизнь несколько полиняла, поменяв рыжий на бурый. — Народный герой, поняла? И вообще, — колобок попрыгал, позвякивая, — денег в меня много вложено. Понимаешь? Это, я тебе скажу, не последнее дело!

Катился, катился колобок таким манером и доказал до самого дворца царя зверей, который ему тут же освободили. Народ в лице медведя ликует, волки зубами клацают в ожидании обещанных расправ, ежи и зайцы водят хороводы, радуясь, что к власти в лесу пришел истинно русский персонаж.

Да и дед с БАБой в своей избушке шампанское пьют:

— Ну, таперича заживем! Наш ведь!

Наш, однако, оказался крутенок. Только чуть огляделся во дворце — мигом замесил вокруг себя семь штук князей из грязи, все семеро в фуражечках; поделил лес на семь регионов да и направил в каждый по представителю. Раскатились колобки, а сами на пути каждую шишку, каждую ягодку подсчитывают, на всякую встречную зверушку объективку составляют

и налоги взимают. С кого — шишечка, с кого — ягодка, а у кого нет ни шишечки, ни ягодки — с того шкурка. Ну не все семь, понятно, а так — пять, шесть...

— Однако, — поежились дед и БАБа. Вызвали зайчика:

— Слышь, ушастый! Не слышим писка!

— П-п-произвол! — пронзительно запищал зайчик, но тут волк с медведем так на него клацнули, что он прижал ушки и стремглав понесся в нору.

— А, — обернулся колобок к деду и БАБе. — Я вижу, тут кто-то собирается ставить палки в колеса стремительно катящейся российской государственности?

— Да ты на кого покатылся-то! — стыдят его дед и БАБа. — Ведь ты же наших рук дело! Ведь это мы ж тебя вылепили!

— Дело? Вылепили? — колобок усмехается. — Хорошая мысль! Ну-ка, ребята, — и хлопнул в ладошки (когда и ручки-то отросли?!), — быстро слепите-ка на них по делу!

— Ты что, ты что! — только и успел крикнуть дед, а на него уж набежали с двух сторон, схватили под белы руки и препроводили в подпол. Он там, понятное дело, бьется, лаптями сучит:

— Изменщик коварный! БАБское отродье! Говорил ведь я ей, дуре, — слишком крутое тесто ставит! Надо было песочное...

— А будешь буянить — вообще дубиной дам, — колобок ему в подпол говорит. — Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силою и будет мочить олигархов до тех пор, пока нам не покажется достаточно! Вопросы есть?

— Нет вопросов, — стонет дед. — Но ведь ты ж мой отпрыск, моя кровь! Тебя и Владимировичем зовут в мою честь! Выпусти ты меня, Христа ради!

— А долги отдашь? — улыбается колобок.

— Да что ж я тебе должен-то? — дед в ужасе спрашивает.

— А золотую рыбку отдашь — тогда и выпущу. А то что-то разговорилась она у тебя.

— Да как же я без рыбки! — дед воет. — Я же без нее у разбитого корыта останусь! Ведь она, голубушка моя, мне все как есть богатство доставила — и избу, и кафтан, и место председателя еврейского конгресса!

— Ничего не знаю, — пожимает плечами колобок, — рыбка государственная и должна выражать государственные интересы. Ежели каждый дед заведет себе рыбку, это что же получится? И вообще, ежели хочешь знать, говорящая рыба — это нонсенс. Рыба должна что делать?

— Молчать! — покорно сказала золотая рыбка. — То есть буль-буль...

— Черт с тобой, БАБское отродье, — орет дед из подпола, — бери мою рыбку, отпусти меня только на волю!

— Изволь! — согласился колобок, рыбку заныкал в кладовую, на всякий случай вынув из воды, а деда выпустил на все четыре стороны, только чтоб в окрестностях духу его не было. Три дня и три ночи бежал дед, пока не очнулся в Лондоне и не заблажил на весь свет:

— Православные! То есть леди и джентльмены, я хотел сказать! Рыбку мою незаконно отняли! Сам я колобка вылепил, своими руками создал предпосылки!

— Это чтой-то? — сказал колобок, прислушиваясь. — Никак опять наш старый приятель забеспокоился? Эй, стража, объявите-ка его в розыск!

— Да чего его разыскивать, вот же он, в телевизоре! — недоумевает стража. — Киселем поливается!

— Ничего, ничего, -- спокойненько говорит колобок, поправляя фуражечку. — Он в телевизоре, а вы все равно объявите. Они народ нервный — как узнает, что он в розыске, так сразу станет шелковый...

— Ай-яй-яй! — БАБа колобка корит. — Это что же получается! Ты обещал нам свободу и все такое, а сам вона что в родном лесу устраиваешь?! При тебе ж хуже стало, чем при Морозе!

— Ничем не могу помочь, — колобок отвечает. -- Народная воля. Народ видит во мне исполнителя своих заветных чаяний. И ты, БАБка, в мои дела не лезь, а то у меня тут волк похаживает и медведь порывивает — на всякий случай.

БАБа в первый момент от такой наглости просто обалдела:

— Да ты что несешь-то! Да ты вспомни, чей ты есть!

— Русский, народный, — колобок говорит.

— А мука в тебе чья? Моя ведь мука-то!

— И мука народная. Она тебе досталась в результате незаконного передела собственности.

— А яйца! Яйца в тебе чьи!

— А-а-а, -- колобок говорит. — То-то мне давно казалось, что у тебя нетрудовые доходы. Надоел мне твой треп: беги, мышка, посмотри, что там за яйца!

Мышка побежала, хвостиком махнула, все золотые яйца побились, а курочка Ряба в испуге закудах-

тала на весь лес: «Произвол! Произвол!» — и убежала из телевизора.

— Ну вот что, — колобок говорит. — Вызываю тебя на допрос. Либо ты сдаешь все яйца и курочку вместе с телевизором, и тогда я тебя, может быть, отпускаю. Либо ты занимаешь антинародную позицию, и тогда я действую по усмотрению...

— Что-то эти яйца тебя вполне устраивали, когда я тебя из них лепила! — БАБа ехидничает.

— Да нешто ты меня лепила? — простодушно колобок удивляется. — А по-моему, я был всегда! Давай хоть медведя спросим. Медведь, ты, кажется, есть хотел? Так вот, скажи: всегда я был или нет?

— Всегда, всегда! — зарычал медведь. — Как сейчас помню: меня еще не было, а ты уже был!

— Был, был! — волк вторит. — Не может быть, чтоб ты его лепила, старая карга! Ты только кровь народную можешь пить, а не колобков лепить!

Поняла старуха, что осталась она у разбитого корыта, собрала вещички, сделала заявление для прессы и побежала за тридевять земель. «Докатился, — думает. — Да и мы, старые дураки, хороши».

Сидят дед и БАБа в Лондоне у разбитого корыта, плетут свою пряжу, забрасывают дырявый невод и ведут меж собою грустный разговор:

— Дед! А дед!

— Ну чего тебе, дура?

— Дед! А давай еще одного наследничка слепим! Чтоб он колобка-то прогнал, слышь-ка!

— Да из чего ж мы его слепим?

— Да вот хоть из корыта! Дунем, плюнем — вдруг чего получится?

— Получилось уж три раза, спасибо тебе большое...

— Да ладно, давай! Делать-то все одно нечего! Лондон же кругом — телевизор отобрали, рыбку тоже...

— Ну давай, — кряхтит дед. — Раз-два... взяли!

Дуют, плюют в корыто, кругом бегают... Рядом курочка носится общипанная, квохчет, старается... Кричат заклинания, призывают духов, скребут по сусекам — делают нового наследничка.

И невдомек им, старым, что наследничек на то и наследничек, чтобы уродиться в них — добра не помнить, зло преувеличивать, зверей пугать, о будущем не думать... Невдомек им, бедным, сидящим у разбитого корыта, у самого синего моря, что для пользы дела наследничек должен быть не ихний.

Но этого они, старые и глупые, не поймут никогда.

ТЕРЕМОК

Стоял терем-теремок, не низок, не высок, и где он находился — толком никому не было известно, поскольку из него осуществлялось партийное руководство Родиной. Родиной называлось пространство вокруг теремка — чрезвычайно просторное болото, раскинувшееся на восемь климатических поясов и полное полезных ископаемых. Ископаемые добывались из болота вручную и свозились в теремок, а взамен оттуда поступали руководящие указания. Правда, отмечался некоторый диссонанс между посылаемым ископаемым и получаемым исходящим: никогда нельзя было угадать, что ответят из теремка в следующий раз.

К примеру, посылают туда уродившуюся на болоте курицу, а оттуда раздается:

— Крепите!

Шлют им золотой самородок, а они:

— Соединяйтесь!

Поэтому не только местоположение теремка, но и мотивы действий его обитателей были принципиально непонятны совершенно дезориентированным лесным жителям.

Особенность теремка заключалась в том, что обитало там одно-единственное существо, и в этом-то и заключалась высшая демократическая мудрость болотоустройства. Во всех прочих теремках, руководивших разными странами на так называемом гнилом Западе, обитателей было либо очень много, на выбор, либо по два. Так, в заокеанском теремке жили слон и осел. В последнее время они сделались совершенно неотличимы — оба были серые, оба большеухие, оба трубили, — но символическое разделение тем не менее сохранялось: слон и осел правили по очереди. Например, поруководит лет восемь слон, граждане задумаются, почешут в заокеанских своих затылках и скажут:

- Чегой-то, братцы, давно осляти не было?
- Валяй, осел! Правь, ишачина!

В островном теремке тоже обитали двое и тоже правили по очереди: одни назывались консерваторами (видать, консерву делают, укупорку, закатку, догадывались жители Родины). Вторых звали так замыслова-то, что никто на Родине выговорить не мог: эти, видимо, предпочитали живой продукт. Между ними иногда бывали кровавые стычки, но потом надолго воцарилась какая-то железная баба (самая главная консерваторша), и политическая жизнь в островном теремке надолго затихла.

Иногда, конечно, на болоте вспыхивали голубоватые болотные огни всякого рода прений и дискуссий: хорошо ли, что у нас в теремке обитает всего одна сущность? Но, покалякав промеж себя, жители Родины приходили к естественному выводу, что какое-никакое разделение в их жизни все же существует, а

именно — на теремок и болото; и таковая двухпартийность вполне способна заменить любую оппозицию. Тем более что с каждого дуба, еще не прогнившего на том болоте, свисал гордый лозунг «Теремок и болото — едины!».

О сущности, обитавшей в теремке, никто ничего достоверно не знал. Поговаривали только, что живет там красный, но кто красный — было таинственно. На деле же владел теремком о ту пору красный петух, бывший некогда очень огнеопасным, но теперь присмивший и вошедший во вкус мирной жизни. В нынешнем виде теремка, однако, ему становилось тесно. Хотелось вытащить из погреба всякого рода подпольные богатства, накопленные за годы власти (куры, самородки, колбаса — все шло в погреб, поскольку внешне теремок должен был сохранять аскетический вид, хотя его все равно никто не видел). Чтобы легализовать накопленное, разложить его вокруг себя, ходить и любоваться, петух задумал перестройку теремка: в его надземную часть подземные богатства не влезали.

Он не учел, однако, того, что в ходе перестройки надземная эта часть станет видна и — более того — широко обсуждаема. На болоте возникла даже видимость общественной жизни, шакалам разрешили твякать, болотные огни кухонных дискуссий запыльхали во всю мочь, и скоро в воздухе зародился естественный вопрос:

— А пошто у нас до сих пор в теремке нет альтернативы?

Петух, защищая монополию, первым почувал необходимость перемен. Он выкликнул давнюю обитатель-

ницу теремка — мышку-наружку, называвшуюся так потому, что она осуществляла наружное наблюдение; народ этого не знал и в простоте своей звал ее норушкой, от слова «норка».

— Слышь, мышка-наружка, — заговорщицки прошептал петух. — Создай мне партию, да быстро! Чтоб видимость была!

— Что за партию, касатик? — спросила проворная наружка.

— Ну не знаю, какую хочешь! Чтоб орала погромче! И, само собой, чтоб на теремок не посягала!

— Сделаем, — кивнула мышка, которой от щедрот петуха регулярно перепало, и на свет появилась партия Жириновского, состоявшая из одной говорливой мышки и нескольких десятков молчаливых, которые даже если б и хотели — все равно не могли говорить, потому что все время жевали. Говорливая мышь пищала на всех углах, создавая видимость партийной жизни, и яростно обличала всех вокруг, кроме петуха. Послушать ее — выходило, что она и есть истинный хозяин теремка.

При виде буйной мыши подпольного происхождения в болоте зашевелились демократические силы. Большая пучеглазая лягушка ультрадемократических убеждений, сопровождаемая десятком таких же отважных квакуш, постучалась в дверь теремка, по швам трещавшего от перестройки:

— Тук-тук, кто в тереме живет?

— Я, петушок — золотой гребешок!

— И я, мышка-наружка!

— А я лягушка-квакушка, — сказала лягушка. — Лидер партии «Демократический союз». Хочу у вас жить.

— Да нам самим не хватает! — в один голос фальшиво воскликнули петух и мышь.

— Мне вашего награбленного добра не надобно, — гордо отказалась квакушка. — Я квакать хочу!

— Ну черт с тобой, полезай, — махнул крылом петух. — В другое время я бы тебя, конечно... но раз таперича демократия...

Следующим прилетел комар-пискун с партией «Выбор болота» — на болоте комаров водилось немерено — и принялся за структурные реформы экономики; в результате этих структурных реформ бойкая команда жучков-древоточцев довела теремок до такого состояния, что перестраивать его было уже безнадежно, а новый строить не из чего. — так и стали жить в развороченном. Партия «Выбор болота» была большая — у комаров же, как известно, очень много всяких членов и сочленений; у мышки-наружки, например, член был всего один, хоть и очень заметный, у лягушки вообще никакого, зато комары имели полное право гордиться массовостью. Пищали же они так, что на гнилом Западе слушали да радовались. «Ишь, гласность в России прорезалась!» — умилялись меж собою слон и осел. Впрочем, когда запасы в подполе были уже основательно подъедены, партия «Выбор болота» фактически самораспустилась, а из остатков ее собрали таинственный «Союз правых», хотя где право, где лево — никто уже толком не знал.

Дальше повалили валом: петух пытался было протестовать, намекая, что он — ум, честь и совесть теремка, но когда он стал очень уж громко подавать голос, его вообще предложили запретить, чтоб не кукарекал.

и он заткнулся, для порядку из петуха переименовавшись в курицу. Это, впрочем, вполне соответствовало духу времени: ПЕТУХ ведь в революционные времена расшифровывалось как Партия, Эти Твою, Ужасно Храбрых, а КУРИЦА — в демократические времена — была Комитетом Униженных Режимом Истинно Центристских Аппаратчиков.

От партий в теремке скоро стало нечем дышать: любая болотная тварь, собравшись по двое, организовывалась в партию, перекатывала по фразе из программ всех соседних партий, шла регистрироваться и ломилась в теремок. В результате все программы состояли из одних и тех же фраз, но в разных комбинациях: в одних, либеральных, — «Свобода, Держава, Отечество и всем поровну еды», в других, консервативного толка, — «Отечество, Держава, Еда и всем поровну свободы», а в третьих, национально-окраинных, — «Свобода, Держава, Еда и всем поровну Отечества».

— Кто там! — не успевал кудахтать петух, переименованный в курицу. — Кто там! Кто там!

— Это мы, партия согласия!

— Согласия уже есть! Опоздали!

— Ну хорошо, единства!

— Черт с вами, входите, только учтите — есть уже нечего!

— Ничего, ничего, мы будем питаться неприкосновенностью...

— Кого еще там несет?!

— Это мы, партия друзей народа!

— Друзья народа уже есть, воюют против социал-демократов!

— Ладно, ладно, тогда мы будем партия политического центра!

— И центра уже есть, не может же у одного теремка быть несколько центров!

— Господи, ну ладно вам к словам-то придирайтесь! Это зажим демократии! Давайте мы будем партия цветущего процветания!

Болото между тем окончательно заросло всяким сорняком и действительно процвело так, как никогда прежде. Над ним жужжали насекомые, болотные огни по окраинам уже разрастались в небольшие локальные пожары, со страшной силой перла наружу всякая нечисть — словом, шла настоящая политическая жизнь. В теремке постепенно не осталось еды, и обитатели его лихорадочно ели друг друга. В результате уцелели лишь самые крупные партийные образования: петушок — золотой гребешок, конспиративно прикинувшийся курицей и гордо несший по жизни свои яйца; мышка-наружка, проводившая во всех спорных случаях линию петушка; зайчик-побегайчик по фамилии Рогозин, перебежавший к тем, кто побеждал; рыжая лисичка-сестричка, прибравшая к рукам партию правых сил; а также одинокое яблоко, которое все равно никто не ел, потому что оно было с одного боку кислое, с другого гнилое, но все равно ужасно гордилось своей независимостью.

— Никто-то меня не съел! — гордилось оно, катаясь по серебряному блюдечку, и пять процентов жителей болота стабильно видели в нем оплот правды.

Между тем царем болота задумал стать один чрезвычайно агрессивный и хозяйственный волчок — серенький бочок, рассеявшийся в самом центре болота

и контролировавший все шедшие через него товарные потоки; оно хоть и болото, а кое-что в нем еще водилось. Как водится, перед окончательным захватом власти волчок сначала перекушал всю вяло попискивавшую вокруг оппозицию в виде разнообразных мелких кроликов, а потом, поглаживая сытое пузо, озабочился созданием партии власти.

— Как бы мне назваться? — спрашивал он верного хорька, советника по пиару.

— Центристом, — докладывал хорек. — Самое надежное. Вы же в центре сидите.

— Да уж полно центристов-то!

— Ничего не знаем, наша хата в центре.

— Ну ладно. А название партии?

— Вы же будущий отец болота! Назовитесь «Отечеством».

— И то верно!

Поглотив энное число сторонников, волк раздулся неимоверно. Теперь для окончательного успеха оставалось съесть авторитетного суслика Максимыча, который премьерствовал на болоте и стяжал себе колоссальный авторитет тем, что почти ничего не делал и очень мало говорил.

— Не хотите ли в меня, ммм, вступить, — подъезжал к нему волчок, вертясь волчком.

— Да я уж вступил, — с горечью говорил суслик, оглядывая свои лапки, выпачканные в болоте. Он с каждым часом все яснее понимал, что забрел не в свою степь.

— Да нет, в меня! — уточнял волчок. — Во мне уютно. Все вас будут уважать...

— А не переваришь? — косился суслик.

— Как можно-с, никакого пищеварения, одно только консультативное членство и полное согласие!

— Ну давай, что ли, — решился наконец суслик и, зажав нос, полез в пасть волчка. На первых порах его там действительно не переваривали — он даже подавал голос из волчка, доказывая, что тоже участвует в политической жизни.

Почувствовав себя достаточно солидным, волчок, трещащий по швам, тяжело пополз к теремку.

— Кто там! — привычно прокудахтал петух, он же курица.

— Я волчок — цыц и молчок! — прикрикнул на перепуганную прессу новый обитатель. — Я ваш общий отец, пришел вам... как бы это выразиться... период небывалого благосостояния! Смог в болоте — смогу и в теремке!

— Ахти, какая ужась! — хором воскликнуло население теремка и попряталось кто куда. Только лисичка что-то такое потявкивала из-под лавки да яблоко радостно подкатилось к волчку, надеясь, что им не побрезгует хоть он; и волчок действительно не побрезговал — он для массовости привык глотать любую дрянь.

— Господи, господи, что же делать! — метался в подполе укрывшийся туда побегайчик. Петух-курица бочком подходил к волчку с предложением дружбы и коллективного членства. Из волчка уже доносилось хоровое пение партийного гимна «Мое Отечество», но тут земля зашаталась, дверь затряслась и что-то огромное засопело за нею.

— К-кто это? — спросил волчок, не успевший испугаться, поскольку пугаться ему, по его твердому убеждению, на этом болоте было больше некого.

— Я Мишка — вашему терему крышка, — мощно донеслось снаружи. В следующую секунду на теремок властно начала усаживаться чья-то огромная мохнатая политическая платформа с коротким хвостиком на самой серединке. Болотным властям надоела многопартийность.

От страха волка вырвало сначала сусликом, а затем и всеми прочими его приобретениями, которые радостно разбежались из партии «Отечество» и присоединялись к Медведю. Медведь их брезгливо подбирал и все сильнее наседавал на теремок. Зайчик-побегайчик с ликующим визгом «Давно пора!» выскочил из погреба и носился вокруг, мышка-наружка предлагала свои услуги, лягушка-квакушка яростно квакала, но никто ее не слышал, а лисичка-сестричка с союзом правых сил почесывала хвост и думала, что это еще не худший вариант. Одно яблоко, так и не успевшее вступить в волчка, изо всех сил пахло в середине теремка, но на него уже не обращали внимания. Теремок трещал и шатался, медведь усаживался на него все основательнее и наконец сел совсем. Болотная многопартийность прекратилась, щепки от теремка долго еще носились в воздухе, а медведь все сидел посреди болота, потирая платформу, и недоуменно оглядывался.

— Што ж я таперича делать буду? — спрашивал он у присутствующих.

— Ты таперича партия власти, — поясняли ему.

— То ись как? Один я, что ли?

— Нет, нет! Мы все твои коллективные члены! — кричали комар-пискун, мышка-наружка, зайчик-побегайчик и даже лисичка-сестричка.

— А как же многопартийность? — вспомнил медведь знакомое слово.

— Да зачем нам теперь многопартийность! Болото одно, ну и Медведь должен быть один! Медведь и болото едины!

— А мне хоть как, — сказал Медведь, очень утомившийся от их шума. — Мне спать пора, — и завалился на бок в тяжелую зимнюю спячку.

И такие уютные сонные волны шли от него по всему болоту, что тут же закрыли глазки и улеглись спать и лисичка-сестричка, и зайчик-побегайчик, и комар-пискун, и даже волчок — серенький бочок, похудевший, сдувшийся и решивший начать новую жизнь. Политическая жизнь болота прекратилась, как не была.

— Чтой-то там на гнилом Востоке давно ничего не слышать? — спросил осел у слона.

— Тебя волнует? — ответил слон. — Давай лучше голоса во Флориде посчитаем.

— И то дело, — согласился осел. — Болото за океаном, а Флорида — вон она.

И углубились во Флориду.

По Кремлю пошел слух, что Дед пишет мемуары.

Сначала никто не поверил. После того как он тяжело сошел с кремлевского крыльца, с сипением выдохнул Путину «Берегите Россию» и скрылся в Барвихе, свита с облегчением вздохнула. Непредсказуемый период российской истории кончился. Все стойко надеялись, что Дед погрузился в тяжелую русскую спячку и перешел в разряд реликвий.

Первые намеки прошелестели весной.

— Пишет?

— Каждый день по три-четыре страницы. Собственноручно.

— Может, Вальке диктует?

— Да он Вальку и близко не подпускает!

Пошли к Вальке. Тот, как обычно, сидел в своем теневом кабинете со спущенными шторами и объяснялся жестами.

— Валентин Борисович, — робко кашляя, интересовалась чиновная шушера. — Правда ли, что в ско-

ром времени... ваш, то есть наш, бывший, то есть первый, патрон, то есть президент... изумит человечество новым шедевром?

Валентин в своей манере загадочно пошевелил бровями, дернул плечом и пожевал губами.

— Плохо дело, — смекнула челядь и затаилась по норам.

Ближе к осени стало достоверно известно, что первый президент России практически не встает, но не потому, что лежит, а потому, что пишет. Каждую ночь он просовывал под дверь барвихинского кабинета несколько страниц, мелко и плотно исписанных его неповторимым почерком. Дочь бесшумно собирала листочки и относила проверенной машинистке, тут же набиравшей текст на компьютере. Сенсационность ожидалась такая, что издавать книгу Дед намеревался за рубежом. Правда, по-русски, чтобы там никто ничего не понял. Вслед за этим предполагалось издание в России, но по-немецки. Видимо, чтобы понял только Путин.

Путин понял и срочно поехал в Барвиху. О тайне этого августовского визита говорили всякое, но подлинной его подоплеки не знал никто.

— Ну что, Борис Николаевич? — осторожно спросил второй президент России тоном неистового Виссарионыча, заехавшего в Горки навестить хворого Ильича. — Как творческие успехи?

— Тяжело, — покачал головой президент. — Серьезная проза — она, знаете, требует... всего человека... Гораздо более ответственное дело, чем государственная власть.

— Да-да, — кивнул Путин. — А о чем пишете?

— Намерен подвести некоторые итоги, — тяжело вздохнул Дед. — Раздать, что называется, сестрам по серьгам... Объяснить свои действия... В общем, прочтете.

— А... не намерены ли вы осветить отдельные события прошлого года? — осторожно спросил преемник. — Историю моего назначения, все дела?

— Да знаете, — уклончиво отмахнулся Дед, — я как-то все больше о своей внутренней жизни.

— А-а, — протянул второй президент с характерным для него непроницаемым выражением лица. — Я тут, знаете, тоже пописываю... Написал вот в марте месяце один указ о неприкосновенности... Теперь вот думаю: может, мне еще какой-нибудь указ написать? Несколько, так сказать, подкорректировав предыдущий?

— Это уж ваши творческие планы, — развел руками Дед. — Сами знаете, у нас, писателей, не принято вмешиваться в чужие замыслы... Главное — берегите Россию.

— Это уж будьте благонадежны, — рассеянно ответил второй президент России и мрачно вылетел куда-то. Он все время куда-то вылетал. Челядь, заметившая помрачение черт первого лица, окончательно притихла и перепугалась.

— Всем как есть врежет, — шушукались по Кремлю.

— Про кого хоть пишет?

— Говорят, отдельные главы про Лужкова, Коржакова, Чубайса... Про олигархов всех...

— И что, вся правда?

— Вся как есть! Чего ему бояться? Он же неприкосновенный теперь.

— Что... и полковнику влетит?

— А то!

— Господи, чего ж тогда ждать-то...

Первым, как всегда, опомнился Коржаков. С трудом выучившись ставить подпись, писать он умел неважно, а потому созвал прессу и приступил к диктовке.

— Ну чего, ребята, — сказал он, удобно располагаясь в кресле. — Приступим к сочинению второй части. Действия врага надо что? — предупреждать. Он бабахнет свою пачкотню, а мы — свой бестселлер. Сегодня я намерен раскрыть все кремлевские тайны. Все, что держал в заглавнике. Во-первых, — Коржаков закатил глаза и задумчиво почесался, — пил он страшно.

— Зна-аем, — разочарованно протянула пресса.

— Да не знаете! — торопливо продолжал Коржаков. — Вы думаете, он водку пил? Ему водки-то уже не давали, так он засасывал вообще все, что горело! Почему он в Шенноне-то выйти не смог? Потому что это и не планировалось, там посадка-то аварийная была! Горючего не хватило! Он приноровился из двигателя керосин отсасывать, шланг у него такой был специальный. Подзаправились — и дальше полетели.

— Да ну? — недоверчиво пронеслось по рядам. Диктофоны, однако, включились.

— А то! — неудержимо понесся Коржаков. — Еще... это... в туалет он ходил.

— А вы не ходите? — съехидничал кто-то.

— Кто сказал?! — взорвался Коржаков. — Вывести! Ну да, — продолжал он, остывая, — хожу иногда... Но разве ж я так хожу? Я понемногу, размеренно... А он — он вообще не вылезал! Вы думаете, почему он в Шенноне-то не вылез? Он в сортире сидел!

— Вы же говорили, что он керосина наглотался! — не выдержал кто-то.

— Ну правильно, — не растерялся Коржаков, — керосину-то наглотался и сидел в сортире. Так до самой Москвы и просидел. Он и в октябре девяносто третьего там сидел, и в декабре девяносто четвертого, и в июле девяносто шестого... Он и на инаугурации второй знаете почему так торопился? Он опять туда хотел!

Диктофоны невозмутимо подмигивали и шуршали.

— А еще, — не останавливаясь нес телохранитель, оседлав волну вдохновения, — он — представляете? — всех употреблял! Ни одной не пропускал! А когда поблизости официанток либо машинисток не было, он кидался на кого попало! Вплоть до офицеров охраны!

— Что вы говорите? — хихикнул кто-то, не выключая, однако, диктофона. — Что ж, и на вас покушался?

— Нет, — отрубил Коржаков. — Меня — нет. Никогда в жизни. Я так ему и сказал: это, говорю, не входит в мои должностные обязанности. Ну и погорел через свою несговорчивость. Он за это и выгнал меня. Не хочешь, говорит, царской любви? Так вот же тебе!

— А Барсукова с Тарпищевым? А Гайдара? А Черномырдина? — Пресса наперебой вспоминала громкие отставки.

— Ну! — радовался Коржаков находке, объясняющей все. — Конечно! За это самое! Вы думаете почему он всех гнал? Да не выдерживали они больше такой жизни!

Через месяц продолжение супербестселлера «От рассвета до заката» — с сенсационным названием

«От забора до обеда» — было отпечатано в подпольной типографии на территории Белоруссии и ввезено в Москву под видом помидоров. В первую же неделю было продано более ста тысяч экземпляров.

— Ну, теперь пусть издает что хочет, — лоснился Коржаков. — Энтото не переплюнешь. Мы таперича защищены. Я, конечно, еще много чего знаю... но это приберегу на потом.

Тем временем не дремал и Черномырдин. Ему донесли, что БН подготовил к выходу скандальные мемуары о последних пяти годах своего правления, где любимому экс-премьеру был якобы уделен целый раздел.

— Это как же, — бормотал Черномырдин. — Это что же, что он так... Разве я ему когда что? Разве я когда поперек, когда он говорил — вдоль? Разве между нами это... корова пробежала, или овца, или кошка? Надо же, когда мне совсем не надо! Ведь ежели он так, то я могу и этак, что, нет? Ну, зовите кого-нибудь, переводчиков зовите... да...

Переводчики из издательства «Виагрус» стремительно прибежали писать биографию Черномырдина для серии «Его XX век».

— Значит, так, — диктовал Черномырдин. — Все было не так. Все было так, что я сейчас скажу как. С одной стороны, конечно, ежели так поглядеть, то выйдет совсем другое. Но вы не подумайте, что я оспариваю. Еще чего! Я только хочу сказать, что в каждом случае нужен подход. Мы же не можем это. Как эти. Мы не можем так огульно. Мы не должны огульно себе позволять. Мы должны не так, а с пониманием, с твердым осознанием того, что если это так, то иначе не бывает. Не могло быть иначе, даже если бы хотелось.

«За годы, проведенные в совместной работе с Борисом Николаевичем Ельциным, — писали дешифраторы, — мы много узнали друг о друге. Конечно, бывало всякое, случались и отдельные несогласия. Хочу подчеркнуть, что я всегда в своей работе прежде всего преследовал интересы России, свободного и демократического общества, гордой и независимой державы. Что же касается отдельных несогласий, так ведь при решении исторических задач такого масштаба издержки неизбежны...»

— Хорошо, хорошо, гладко, — приговаривал Черномырдин. — Дай бог здоровья... Вы, главное, напишите, что я никогда ни сном ни духом! Ни уха ни рыла! Ни пуха ни пера!

«В то время как отдельные воротилы разворовывали Россию, — неумолимо строчили дешифраторы, — я никогда не путал свой карман с государственным...»

— Во! — восклицал экс-премьер. — В самую точку! В белый свет как в копеечку! В бога душу мать...

Тем временем в московской мэрии царила тихая паника. Мэр вызывал приближенных под предлогом производственного совещания и упавшим голосом спрашивал:

— Ну... есть новости?

— Готовит к изданию.

— Обо мне точно есть?

— Отдельная глава.

— Текста получить не удалось?

— Все строго засекречено. Даже Вале читать не дает.

— Господи! — стонал мэр. — Ну что меня понесло на этот федеральный уровень! Ведь если он ВСЕ напишет... вы понимаете?

— Да может, обойдется, — утешали клеветы, клеветки и левретки.

— Да? — негодовал градоначальник. — А если он напишет, как мы все его на Дне города целовали?

— Так и что ж тут такого, — пожимали плечами советники.

— Да? А если он напишет, куда мы его целовали?!

В конце концов пресс-служба в полном составе уселась у подножия трона и приготовилась записывать лучшими перьями на веленовой бумаге текст мемуарной книги «Московская правда». Градоначальник приступил к диктовке.

— Еще в начале девяностых, — характерными рублеными фразами начал он. — Когда ничто ничего не предвещало. Что-то мне уже сильно не понравилось. Сначала чуть-чуть. Потом все больше и больше. И наконец я понял, что кремлевская власть. Заботится не о стране и не обо мне. А о семье и себе.

— Начало девяностых — это недостаточно сильно, — подсказал пресс-секретарь. — Я убежден, что при вашей прозорливости вы гораздо раньше заметили неблагополучие...

— А, ну да, — легко согласился мэр. — Конечно. Еще во второй половине восьмидесятых. Когда вся страна, опьяненная демократией, разворачивалась и растаскивалась. Я начал замечать неблагополучное. Мое внимание привлек митинговый герой. Площадной оратор. Спекулировавший на наших проблемах. И хотя я вынужден был скрывать свои чувства...

— Все-таки во второй половине восьмидесятых он был уже на виду, — подсказал пресс-секретарь. — Вы же не могли еще раньше не распознать в нем коррупционера, диктатора...

— Да, конечно! — воскликнул градоначальник. — Еще в начале восьмидесятых годов. Когда в Свердловске работал тоталитарный и жесткий секретарь обкома. А я начинал свой трудовой путь крепкого хозяйственника. Читая его выступление на XXVI съезде КПСС, я заподозрил неладное...

— Но когда он выступал на съезде, — подсказал градоначальник, — его слышала вся страна. А вы ведь, конечно, обо всем догадывались и раньше?

— Ну само собой! — удовлетворенно кивнул мэр. — Помню, еще ребенком... Увидел как-то на улице клочок газеты. Сами понимаете, тогда в нашем городе еще можно было увидеть мусор на улицах. Газеты там валялись совершенно запросто или окурки... Это теперь я навел порядок, а тогда — просто завалено все было газетами! Так и летали по улицам! Ну и вот, с присущей мне тягой к чтению открыл я, малец, газету... и читаю: «От нашего екатеринбургского корреспондента».

— Свердловского, — поправил пресс-секретарь.

— Ну да, да! Отлично трудится на коммунистической стройке прораб Ельцин Борис Николаевич. Ой, подумалось мне, это что-то не к добру. Нехорошо как-то. Большие беды будут стране от этого человека. Не иначе как я рожден остановить его, выступить противовесом ему! Спасти от него Отечество, всю Россию!

Перья послушно бегали по бумаге. Книга ударными темпами версталась во всех московских типографиях и вскоре появилась во всех московских ларьках. Продавцы, реализовавшие за день менее ста экземпляров, лишались лицензии.

Купил книгу и Путин, проезжавший по Кутузовскому проспекту и увидевший толпу продавцов, умолявших прохожих взять книгу с приплатой.

— Что дают? — спросил он водителя.

— Мэра нашего мемуары, — с готовностью пояснил тот. — В опровержение «Полночных записок» бывшего президента.

— Да? — переспросил Путин. — Ну-ну, — и по мобильному набрал номер Волошина:

— Стальевич? Это я. Назавтра вызови мне, пожалуйста, Колесникова и Геворкян. Что значит — в Париже? Что я к ней — в Париж полечу? Скажи, если не приедет, я ей вместо акций Березовского вручу векселя Гусинского...

Ранним утром следующего дня спецкоры «Коммерсанта» стояли перед президентом как лист перед травой.

— Здравствуйте, — сухо бросил Путин. — Я тут подумал — одну очень своевременную книгу вы уже написали. Называлась она «От первого лица». Сегодня приступаем к написанию еще одной, не менее своевременной книги — «По первое число». Я намерен там более широко объяснить свое отношение к предшествующей эпохе. Конечно, много было хорошего, много завоеваний. Но наряду с этим, вы сами знаете, имелись и серьезные упущения. Развал спецслужб, так? Забвение отдельными товарищами моральных норм, так? Разворовывание страны, приближение к престолу небезупречных, скажем так, личностей... опять же, согласно данным оперативного наблюдения, элементы бытового разложения... Вы это развейте, а потом к Патрушеву зайдите. Он вам даст некото-

рые стенограммы, переговоры телефонные. — я ведь тоже, как говорится, не зря хлебушек кушал. Не под забором найден, хо-хо. Вольно, разойдись. И помните: если эта книга выйдет менее убедительной, чем та... чем то... которой мы все ожидаем... то следующая часть моих воспоминаний будет называться «До первой крови».

...За первый месяц осени на книжный рынок страны в порядке упреждения было выброшено несколько десятков мемуарных бестселлеров. Александр Лебедь выпустил сборник очерков «Мудрость казармы, или Дедушка спекся». Григорий Явлинский подготовил к печати толстый том «Новая Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели». Геннадий Зюганов издал пятитомник «Несгибаемым курсом» в обработке Александра Проханова: «Кровавый октябрь», «Свет над Русью», «Космическая битва», «Конспирологическая геополитика» и «Верю в колоски будущего!». Чубайс и Кох, объединившись по старой памяти, приступили к написанию совместных мемуаров «Россия во мгле». Иногда они до крови схватывались из-за эпитетов: Кох после драки с Гусинским стал распускать руки. Гусинский за границей издал подарочным тиражом в сто нумерованных экземпляров роскошный сборник «Песни в изгнании», где горько сетовал на свою недалёковидность летом 1996 года. Писать мемуаров не стал один Березовский. Он поручил своим акционерам подготовить сборник «Березовский в воспоминаниях современников».

Между тем Дед корпел и корпел над своими мемуарами. Напряжение в обществе достигло крайней точки.

— Папа, — сказала Таня как-то вечером, с улыбкой забирая у отца очередную пачку листов. — Эти-то все там знаешь как переполошились? Даже Бурбулис написал — помнишь Бурбулиса? «О некоторых неизбежных аспектах исторической эпохи последнего десятилетия, сопряженных с имманентными проблемами политической самоидентификации демократов первой волны в условиях нарастающей социальной энтропии...»

— Не забивай себе голову, дочка, — улыбнулся первый президент. — Пусть себе пишут. Наше с тобой дело — свою душу спасти...

И снова склонился над бумагой. Перо его неумолимо покрывало вот уже пятьсот тридцать четвертый лист одними и теми же словами: «Простите меня. Простите меня. Простите меня»...

КАК ПУТИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ США

Помощник тexasского губернатора Дж. Буша-младшего ворвался в кабинет шефа, разбрызгивая пот и слюну. Вокруг его красного лица играла маленькая радуга.

— Шеф! — обреченно воскликнул помощник. — Они обошли нас! Они сделали нас, шеф!

— Не понял, — с некоторой медлительностью отвечал Буш, который действительно не понял. Он никогда не схватывал с первого раза — разве что очень короткие сообщения вроде «Горим!». — Повтори и объясни толком.

— Теперь они точно выиграют, — повторил помощник. — Они взяли еврея.

— Куда взяли? Где взяли? — расспрашивал Буш, во всем ценивший основательность.

— В вице-президенты, в Сенате, — ответил помощник по порядку. — Они хотят идти на выборы с евреем, и мы пропали, шеф, мы про...

— Не части, — оборвал Буш. — Какой еврей? Я имею в виду, насколько он еврей?

— Совсем, совсем, хуже не бывает! То есть я хотел сказать — дальше невозможно, — политкорректно поправился помощник, оглядевшись на случай жучка. — Либерман. Такой ортодокс, что караул. Ест только кошерное, спит только с женой, причем наверняка через занавеску... Требовал, чтобы запретили короткие юбки...

— Короткие юбки? — переспросил Буш. — Это ничего, это вполне в духе здорового консерватизма. Слушай, а почему его взяли они, а не мы?

— Не знаю! — выдохнул помощник.

— Не знаешь? — с садической лаской передразнил его Буш. — А я знаю! Потому что вы все идиоты! — И с силой опустил на стол загорелый кулак фирменным губернаторским жестом. — Немедленно весь штаб ко мне. Соберешь людей, потом соберешь вещи и можешь считать себя уволенным.

Через час дрожащая команда Буша сидела перед боссом, как лист перед травой — или даже как листья травы перед Уолтом Уитменом.

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить неприятное известие, — хмуро прочел Буш по бумажке, ибо с трудом запоминал длинные фразы. — У них еврей. Чем мы можем ответить?

— Только негр, — подала голос помощница губернатора по связям с общественностью. — Прошу прощения, я хотела сказать — афроамериканец. — Она огляделась в поисках жучков. — То есть я имела в виду — американец с цветом кожи, отличным от белого.

— Это невозможно, — рявкнул Буш. — Мой вице уже утвержден. Меня не поймет штат. Меня не поймет Юг. Меня не поймет папа!

— Согласитесь, дорогая моя, — подал голос уже утвержденный вице, панически боявшийся утратить перспективный пост, — что, если наш Джорджи сметит меня на нег... я хотел сказать, на небелого американца, это будет выглядеть как следование политической конъюнктуре!

— Тогда я вижу единственный вариант, — пожала плечами вторая советница, по имиджу. — Вы должны оказаться гомосексуалистом. О боже, нет! Я хотела сказать — принадлежащим к числу нестандартно ориентированных граждан Америки.

«Черт возьми, — подумал Буш. — Голубой — все-таки не черный».

— Боже мой! — сказал он вслух. — Нестандартно ориентированный американец — все-таки проще, чем небелый американец.

— Босс! — завопил обреченный вице. — У меня жена и дети!

— У всех жена и дети, — назидательно сказала советница по имиджу. У нее действительно были жена и пара усыновленных детей — именно благодаря своей нестандартной ориентации она и стала самым модным политологом в стране, завоевав славу даже на консервативном Юге.

— Ну про вас-то все знают, — язвительно сказал вице. — Но у меня репутация! За все время политической деятельности — ни одного случая взгляда на сторону! Все окурки кидал в урны, пока вообще не бросил курить! Сто граммов красного вина по праздникам! И все это — псу под хвост?

— Вы же хотите, чтобы Джорджи победил? — вкрадчиво спросила советница по связям с общественностью.

— Но какой оттенок в глазах общественности получит наша многолетняя дружба с Джорджи! — взвыл вице, прибегая к последнему аргументу.

— А что! — мечтательно проговорила советница по имиджу. — В каком-то смысле это даже неплохо...

Вечером следующего дня при огромном стечении народа Буш-младший торжественно вывел на авансцену концертного зала своего предполагаемого заместителя.

— Дамы и господа! — произнес он со сдержанной страстью. — Мой напарник по выборам хочет сделать важное политическое заявление!

Вице-президент побелел.

— Друзья! — начал он дрожащим голосом. — Соотечественники! Нация! Я хочу сделать нелегкое для меня признание. Все эти годы я целомудренно скрывал главный факт своей биографии. Но теперь, перед выборами, я не имею права ничего скрывать от страны. Я го... я горячо люблю Родину, господа!

— Решайся, — прошептал губернатор.

— Я го... Господи, как трудна большая политика! — выдохнул вице.

— Ну же! — прошипел Буш.

— Я го... Я Гора очень уважаю... — совершенно уже не в кассу выкручивался заместитель.

— Уволю к чертовой матери! — проскрежетал Буш.

— Я живу со своей женой как друг, а на самом деле я... люблю мужчин! — пискнул будущий вице.

Зал замер, словно подавился новостью, но через секунду взорвался аплодисментами. Все встали.

— А дети?! — заорал кто-то из прессы.

— Они усыновлены, — скорбно ответил герой дня. Его жена со слезами на глазах обняла отважного политика.

— Я все понимаю, — прошептала она. — Надо пройти через это, милый! Впереди у нас — сияющая дорога! Дети поймут, дети все поймут...

При упоминании о детях будущий вице-президент разрыдался. В порыве чувств он припал к боссу подозрительно долгим поцелуем и даже слегка укусил его.

— Но-но! — осадил шеф. — Ты не слишком-то входи в роль!

Вице плотоядно оскалился.

— Не прощу, — прошептал он. — Никогда не прощу...

На следующий день опросы общественного мнения показали, что Буш вырвался вперед, причем победа его была особенно очевидна в северных, традиционно либеральных штатах. Гор снова оказался далеко позади.

— Ну что, господа? — спросил Гор, собрав свой штаб и нервно бегая пальцами по лацканам непривычного твидового пиджака. Ему сказали, что твид будет способствовать имиджу стабильного политика. — Еврей не сработал. То есть он сработал так, как мы не ждали. Чем мы можем ответить на этого... ихнего... нестандартного?

— Кто бы мог подумать! — развел руками советник по имиджу. — Я столько раз оказывался с ним рядом на предвыборных мероприятиях, и никогда ничего...

— Вы что, считаете себя настолько неотразимым? — скривился Гор. — Вы думаете, они западают

на всех? Подумайте лучше о нашем симметричном ответе!

— Инвалид, — твердо сказал советник. — Только инвалид.

— Вы имеете в виду меня? — испуганно спросил Гор.

— Нет, пока не надо... Тяжелая артиллерия вводится в действие последней. Но, может быть, согласится Либерман?

— Смотря на что, — задумался кандидат от демократической партии. — Вы же не хотите отпилить ему ногу?

— Нет, ногу оставим на крайний случай, — успокоил советник по связям с общественностью, оттеснив советника по имиджу. — Но косоглазие... или плоскостолие...

— На это я его уговорю, — заверил Гор.

Вечером следующего дня он вывел к толпе Либермана, в кипе и пейзах, слегка опирающегося на палку.

— И дамы и господа! — начал Либерман. — И что же я хочу вам сказать? И я хочу вам сказать, что все это время я таки скрывал, но теперь врать уже нет возможности. Я инвалид, я страдаю косоглазием и плоскостопием, и у меня радикулит.

Некоторое время зал потрясенно молчал, но вскоре взорвался приветственными криками. Значки и футболки с надписью «Держись, Либби» и «Лучше больной, чем консервативный!» продавались в тот вечер по двадцати долларов штука. Рейтинг Гора вырос на десять пунктов, и Буш снова оказался в арьергарде. Ярости его не было границ.

— Отрезать мне ногу я не дам, — заранее предупредил будущий вице-президент.

— Да ну тебя с твоей ногой! — огрызнулся тexasский губернатор. — Тут нужно что-нибудь глобальное!

— Вам следует последовательно разрушать имидж непримиримого консерватора, — назидательно произнесла советница по имиджу. — В этом смысле не лишне было бы отменить ближайшую смертную казнь.

— Ты что! — заорал Буш-младший. — Смертная казнь — гордость штата Техас! Зло должно быть наказано! За время губернаторства я казнил пятерых и до конца выборов успею казнить еще пару!

— Тогда можете попрощаться с президентством, — пожалала плечами советница по связям с общественностью, и Буш-младший обхватил голову руками.

— Кто там у нас дожидается очереди? — спросил он обреченно, словно сам дожидался очереди.

— Серийный убийца, — с готовностью доложил прокурор штата. — Замочил десятерых, изнасиловал двадцать человек. Любимец дам, ведет обширную переписку. Что вы хотите — гримасы демократии.

— Сколько времени дожидается казни? — спросил Буш.

— Пятнадцать лет. Адвокаты добились очередного пересмотра, утверждая, что однажды в детстве он спас кошку.

— Кошку, — вздохнул Буш. — Кошку — это хорошо. Выпускаем.

На следующий день огромная толпа, собравшаяся у стен главной тюрьмы штата, приветствовала серийного убийцу, выходящего из железных ворот. Старик шериф, в свое время задержавший маньяка, со слезами на честных голубых глазах вручил ему букет роз.

— Моя бы воля, сынок, — сказал он шепотом, — я положил бы этот букет тебе в гроб. Моли Бога за нашего губернатора, за его президентство и за долбаную американскую демократию, вот что я тебе скажу на прощанье, сукин ты сын!

Маньяк радостно кивнул. Еще несколько букетов вылетело из толпы и шлепнулось к его ногам. Группа домохозяйек подняла плакат «Спасший киску не потерял для Господа!». К спасшему киску широкими шагами подходил президент Буш. Улыбка его не предвещала ничего хорошего.

— Поздравляю, — громко сказал он, стискивая руку освобожденного железным пожатием. — Подожди, дай мне только стать президентом, и я найду тебя в любой мексиканской вонючей дыре, — добавил он так, что его услышал только маньяк. Толпа ликовала. Рейтинг Буша поднялся на двадцать пунктов, и Гор полчаса рвал на себе волосы.

— Это уже серьезно, — нахмурился советник по имиджу. — Я пока не вижу адекватного ответа... Разве что девочка?

— Девочка? — взвился Гор. — Девочка уже была у Билла, и все знают, чем это кончилось!

— Вы не поняли, — советник прижал руку к груди. — Клянусь вам, я имел в виду нечто совершенно иное! Вы должны спасти девочку из проруби или горящего дома!

— Я не умею плавать, — огрызнулся Гор.

— Да и не нужно! Вы же будете ползти к ней по льду!

— Где я найду вам лед в середине сентября! — взорвался кандидат от демократов. — Или она тонет на Северном полюсе? Но какого черта она и я там делаем в это время?!

— Вы слышали ее крики и прилетели!

— Из Вашингтона?

— Да, пожалуй, я несколько того... — растерянно кивнул советник. — Оторвался от жизни. Но остается пожар!

— Лучше убейте меня сразу, — сказал Гор.

Тем не менее выхода не было, и на следующий день на окраине Вашингтона запылала давно предназначенная на снос постройка, тщательно отобранная после многочисленных консультаций с пожарной службой и Гринписом. Правда, один из гринписовцев приковал себя к батарее, утверждая, что ломать здания бесчеловечно, но его оторвали вместе с батареей. Политика — грязное и жестокое дело. Вскоре дом пылал с четырех сторон. Внутри, в непроницаемой и отлично изолированной капсуле, сидели заготовленная девочка и советник по имиджу.

Гор уже третий раз разбежался, но все никак не мог броситься в огонь.

— Эл, ты сделаешь это! — шептала его жена, стоявшая рядом. — Ты сделаешь это, Эл, и мы въедем в Белый дом победителями! Вспомни, как Билл повинулся перед всей страной! Вспомни, как Эйб Линкольн выиграл сражение на Потомаке! Вспомни, как Джордж Вашингтон признался, что срубил вишневое деревце! Давай, Эл! Ты сможешь, я знаю, ты сможешь!

— Ааааа! — завопил Гор, зажмурился, зажал руками уши и нос и с разбегу бросился в пламя. Через секунду он выскочил оттуда, в одной руке сжимая девочку, а в другой — советника по имиджу. Вокруг стрекотали телекамеры.

Рейтинг демократического кандидата поднялся вдвое, и Буш ушел в трехдневный запой. По счастью, об этом никто не узнал.

На четвертый день он мрачно собрал штаб. Штаб притих, как Моби Дик перед Ахавом.

— Что будем делать? — спросил тexasский губернатор.

— Кажется, я знаю, босс, — подал голос пресс-секретарь, доселе ни во что не вмешивавшийся. — Я знаю имидж демократов, босс. Я берусь доказать, что он там, в огне, тискал эту девчонку.

На следующий день все газеты штата вышли с сенсационной историей о том, как Гор в дыму и пламени хватал девочку за коленки, а кое-где проскальзывал намек, что она вообще вбежала в горящий дом, спасаясь от домогательств демократа. В качестве доказательства репортеры ссылались на фотографию, на которой было отчетливо видно пятно на девочкином платье. «Демократы пытаются выдать его за копоть, — неистовствовали разоблачители, — но мы догадываемся о происхождении этого пятна! Наш губернатор никогда не пятнает девичьих платьев и своей чести!» Зашевелился Кеннет Старр. Рейтинг Буша взлетел на двадцать процентов.

— Что нам теперь делать! — орал Гор. — Что нам делать, я вас спрашиваю!

Проклятая девчонка наслаждалась славой, раздавала интервью и продала свои мемуары издательству «Харпер и Купер» за двадцать миллионов.

— Скажите, — спрашивали репортеры в присутствии и под надзором орды детских психологов, —

мистер Эл хватал вас за что-нибудь, когда выносил из горящего дома?

— Не припомню, — кокетничала девочка. — Я была так взволнована... Но помню, что он был сильно возбужден. Все кричал: «Спасите!»

— Был сильно возбужден! — орали газеты на разные лады. Футболки и значки с надписью «Гумберт Гор» и «Лучше консервативный, чем возбужденный!» продавались по сорок долларов.

— Ответ может быть один, — горько вздыхал советник по имиджу. — Аборты, только аборт!

На следующий день Гор произнес речь о неприкосновенности свободы выбора и лично принял участие в аборте. Буш ответил ему личным участием в зачатии — разумеется, пробирочном. Футболки с надписями «Пробирочник!» и «Чадоубийца!» продавались по шестьдесят долларов.

Тогда Гор призвал бомбить Милошевича.

Тогда Буш предложил Милошевичу политическое убежище в Техасе.

Гор лично раздал хот-доги голодающим детям Африки.

Буш поехал к голодающим детям Африки и отнял хот-доги, доказав, что они экологически нечисты.

Гор подарил Путину три тысячи на благотворительность.

Буш подарил Путину шесть тысяч просто так.

Гор начал бегать, Буш — прыгать. Гор перестал есть мясо, Буш — рыбу. Гор перешел на джинсы, Буш — на х/б б/у. Рейтинги шли вровень.

К моменту начала дебатов Америка совершенно обалдела от политкорректности, разврата и взаимных обвинений. Настал долгожданный день первого публичного спора демократа и консерватора.

На съемочную площадку выехал Гор в инвалидной коляске. Ему намекнули, что небольшой предвыборный паралич будет напоминанием о президенте Рузвельте и гарантирует ему поддержку всех американских инвалидов. Он был одет в джинсы и футболку с надписью «Пробирочник». На коленях у него сидела спасенная девочка в том самом платье. В руке он сжимал бомбу с надписью «Милошевич должен уйти».

Навстречу ему, хромя на обе ноги и тяжело опираясь на костыль, вышел Буш-младший. Техасский губернатор слегка косил и вываливал язык, что, по утверждению советников, гарантировало ему поддержку миллионов американских даунов. Он был в форме американского солдата, в руке сжимал пучок петрушки, составлявшей теперь его основную пищу, а в зубах держал плакат «Коштуница, гоу хоум!». Оба кандидата сверлили друг друга ненавидящими взглядами. Следом на сцену вышли их предполагаемые заместители — Либерман согнулся от радикулита, бушевского вице несли на руках двое симпатичных юношей.

Американский народ посмотрел на все это и задал себе вопрос: «Господи, до чего мы дошли? Из кого мы выбираем? То ли дело в России, где преемник назначается волевым актом...»

Взоры американского народа обратились на великую холодную страну, где царствовал таинственный

и неотразимый Ху-Из-Мистер-Путин, каратист, разведчик и вообще порядочный человек.

Так Путин стал президентом Америки. С его приходом в стране воцарился здравый смысл, несколько хуже стало с продуктами, зато жизнь пошла очень интересная. И главное — политкорректность была похоронена навеки.

Впрочем, это уже совсем другая история.

ТОЧКА ДЖИ

Жила-была одна страна, не так чтобы молоденькая, не то чтобы вовсе дряхлая, порядочно-таки затрепанная своею нелегкой долей, но на понимающий взгляд, особенно если отмыть и дать отоспаться, — очень даже ягодка.

Была у этой страны одна печальная биографическая особенность: ужасно ей не везло на мужиков. Один бил смертным боем, другой опыты ставил со злаками, третий был староват для таких забав и просто забыл про нее, полеживая на печи. С остальными тоже не лучше получалось, хотя все они удерживались в рамках обозначенной парадигмы: битье — опыты — сон на печи.

И вот однажды под Новый год страна думала-думала и решила попросить женишка у Деда Мороза.

«Милый Дедушка Мороз, — коряво написала она натруженной рукой и чуть было не вставила «возьми меня отсюда», однако вовремя вспомнила, что забирать ее неоткуда, поскольку сдвинуть ее с занимаемой территории многие пытались, но в силу чрезмерных масштабов никто не преуспел. — Очень я со сво-

им благоверным замучилась и прошу тебя забрать его на заслуженный мною отдых. А взамен принеси мне, пожалуйста, на праздник хорошего женишка, а то сватаются все какие-то... — страна задумалась, с трудом подыскивая синоним для того слова, написанием которого не хотела огорчать дедушку, — ...прости господи».

Отправила письмо и стала ждать у окошка, заодно сердито затыкая ватой свистящие холодом щели, что по-хорошему надо было сделать еще осенью.

И пришел Дед Мороз с большим мешком, и стал, как зайцев, поочередно доставать из мешка женишков, а страна их — в той же последовательности отвергать.

— Этот чем тебе не хорош?

— Противный он. Как с утра выгонит на физзарядку, так и ломайся потом весь день. Убери его с глаз моих.

— А этот?

— И этот гадкий. Сам плешивый, а глаза хитрючие. Эдак он у меня сундук с приданным сопрет, да меня же и засудит!

— Ну вот тебе... от сердца отрываю!

— Тьфу, пропасть! Бойкий, потный, языком блабла-бла, руками машет — чисто черт из кина! Сувай его обратно!

— Разборчива ты больно, матушка. Глянь, вот тебе мужчинка отменный.

— Да ну ты на фиг, дед. Я ж ни слова не пойму, чего он плетет: волос кучерявый, и сам весь кудреватый. С ним скандалить никакого моего удовольствия: всегда в виноватых останусь.

— А этот?

— Смуглый сильно, да еще в белых портах. А старого ты себе оставь, мне он не нужен. От него на печи только тесно станет.

— Так возьми молодого.

— Ну ё-моё, дед! Ты мне еще грудного предложи, чтоб писался!

— Да ты сама-то знаешь, чего хочешь? Сядь вот да подумай, чем гонять старика: принеси, мол, то, не знаю что! А надумаешь — позови.

Дед Мороз сердито дохнул на страну холодом, так что у нее аж все зауралье свело, и исчез.

И стала страна думать и список составлять. «Во-первых, чтоб был не молод, не стар, а в самом расцвете сил. Чтоб не плешив, не кудлат, а в меру причесан. Чтобы водки не пьянствовал и безобразия не нарушал. Чтобы деньги в дом приносил, из дома не уносил, в долг не просил и вообще экономил. Только не за мой счет. Чтоб обеспечил процветание, а пахать в три пота не гонял. Чтобы с соседями дружил, но тувалет свой чтоб от нашего забора перенесли и впредь на нас хвоста не подымали! Да еще в амбаре у нас шершни живут, он бы их как-нибудь оттедова... вывел бы напрочь. Со всей строгостью, но погуманнее как-нибудь. Чтобы оркестром не дирижировал и горшков не бил. Но чтоб на печи не лежал, как дырявый валенок, а был, как это, мобильный! Говорит пусть складно, но без выкрутасов. Скромный, но решительный. Главное, дисциплинированный чтоб. И пусть все его слушаются». Тут страна вспомнила, как она еще молодой была, и решительно приписала: «Лучше военный». Потом ясно представила, какво быть офицер-

ской женой, и добавила: «Но не совсем». Посообразав еще немного, вписала существенное: «Чтоб супружеского долга не забывал. Но только никакого садо-мазо, прости господи».

Наверно, надо бы еще про внешность написать. Умные глазки, чувственные губки, а усов, бород, бровей или, того хуже, бакенбардов не надо. Нет, решила она, это как-то уж очень по-рыночному выходит. И написала: «Обеспечу любовь и поддержку состоятельному нестарому мужчине с серьезными намерениями без вредных привычек. Желателен жесткий, немногословный и мобильный».

— Это я запросто, — сказал Дед Мороз и вынул из мешка мобильный телефон.

— Это что? — в ужасе спросила страна.

— Ну ты ж просила! Жесткий, — в доказательство Дед Мороз постучал телефоном себе по лбу. — Немногословный — за такие деньги не разговоришься. И мобильный. Чего тебе еще надобно?

— Я живого просила, состоятельного... — робко прошептала страна.

— В каком смысле состоятельного? — ехидно спросил Дед Мороз.

— Ну в этом... как это... — растерялась страна.

— Типичное То, Не Знаю Что, — вздохнул Дед Мороз, ознакомившись со списком. — Ладно, попробую. Только учти: рекламации не принимаются. Восемь лет с ним париться будешь.

И снова пропал, на прощанье приморозив ей томскую область.

В Новый год страна сготовила салат, купила в магазине торт «Мечта», нарядила елочку и села ожи-

дать, когда Дед Мороз принесет женишка в подарок. Вместо Деда пришел старый муж и сказал, что решил исполнить ее самое заветное желание («Неужто двухнедельный тур на Гавайи?» — не успела обрадоваться она), а потому подает в отставку и уезжает в Святую землю замаливать первородный грех. Пожелал ей счастья в личной жизни и умчался, прихватив из заветного сундучка дачу и три четверти оклада — от иконы «Президент Всея Руси во славе своей».

И тут под елочкой что-то зашевелилось.глянула туда страна — а там сидит небольшой мужичок, причесанный на проборчик, и смотрит умными глазками.

— Ты кто? — удивилась она.

— Я твой суженый-ряженный, — просто отвечал он. — Я твое счастье, твой избранник, твое То, Не Знаю Что, прибыл для исполнения обязанностей законного мужа согласно распоряжения от тридцать первого декабря сего года!

— Дед, а Дед! — воззвала страна. — А чегой-то он такой невзрачный?

— Получите согласно перечня! — сказал Дед Мороз, выражая лицом злорадство.

— Сговорились вы, что ли? — возмутилась страна и неожиданно заметила, что избранник давно вылез из-под елки и приступил к осмотру печи.

— Не низок, не высок, не лыс, не кучеряв, скромный, но решительный, на печи не лежит, горшков не бьет, дирижированью не обучен, вредных привычек не имеет... пока...

— А чего говорит так странно? — спросила она, с опаской поглядывая на избранника, выходящего из чулана.

— Как просила, так и говорит. Все строго по списку: военный, но не совсем, намерения серьезней некуда, безобразия твоего не нарушит. Усов нет.

Суженый тем временем скрылся за дверью, и вскоре раздались его быстрые шаги — по кровле и в подполе одновременно.

— А чего он все время шастает? — растерялась страна.

— Мобильный, — состроил рожу Дед Мороз.

Снаружи раздался непонятный шум. Страна выглянула за дверь и увидела, как избранник с грустной сосредоточенностью откручивает хвосты соседям, истошно вопящим о правах человека. На месте амбара с шершнями чернела горка выжженной земли.

Две недели, вплоть до старого Нового года, разборчивая невеста вопрошала Деда, что это за подарочек он ей преподнес. Дает ей, например, суженый денег («Как просила», — замечает Дед) — и тут же забирает их («Обеспечивает процветание», — комментирует вредный старик). Сажает детишек играть в монопольку («Укрепляет госсектор», — говорит Дед), а потом отнимает все фишки («Не допускает передела собственности», — гордо извещает Мороз). То скажет ей, что так ее правая рука хотела, то голова, то сердце. То левая нога.

— Да что же это он делает такое непонятное? — удивилась страна, глядя, как суженый продолжает ежедневно ходить к соседям, приглашая их в гости, глядя по головам и попутно пребольно ущипывая за бока.

— Соответствует твоим чаяньям! — пояснил Дед с ухмылкой. — Говорил же, сперва сообрази, чего ты

хочешь. Хотела Не-Знаю-Что — получила Не-Знаю-Что. Теперь сама разбирайся, а мое время вышло.

Чихнув напоследок гриппом, отчего у страны тут же заложило весь екатеринбург, Дед Мороз исчез окончательно.

Стоило ему пропасть из поля зрения страны, как ее прежние женихи заметно активизировались и принялись выстраиваться под суженого: некоторые подлаживались, иные прогибались, а иные и просто ложились под него.

— Э, э! — осадила их страна. — Вы, кажись, посягаете на мои супружеские права!

— Что делать, матушка! — пояснил один из женихов, самый бойкий. — Сначала он нас, а потом, даст бог, с его милостивого соизволения и мы тебя понемножку!

— Не подражалась я так-то, чтоб вы сперва друг с другом, как нехристи, а потом меня всемером! — роптала страна, глядя на эти игрища.

— Да не сладить ему одному-то, — говорили женихи, а сами знай побряхтывали. — Ты ж хотела консолидации? Вот тебе и консолидация: вишь, какую мы летку-енку танцуем!

И впрямь, вся компания выстроилась в колонну, сзади встал суженый — и колонна мигом подравнялась, как бы насаженная на шампур. В стороне остался только кудреватый, мудреватый, который кричал, что один главный суженый на страну — это недемократично.

— А ты бы как хотел? — спрашивала страна с недоверием.

— Демократично — это когда правоцентристская коалиция во главе со мною, — с достоинством пояснил кудреватый.

— Это что ж за коалиция? — изумилась страна.

— Я, лысый и писающийся.

— Ну, милай, — отвернулась от него страна, — сам давай совокупляйся со своими правоцентристами. Я ж тебе не Штирлиц, чтоб любить только стариков и детей.

Суженый тем временем выполнял супружеские обязанности все активнее, но понимал их довольно своеобразно. Во-первых, он неутомимо лазил по всей стране, заставляя ее непрерывно почесываться и хихикать от щекотки. Во-вторых, он непрерывно и очень сильно хлопал ее по разным местам, утверждая, что обнаружил в складках затаившегося шершня. Главное же, своими прозрачными бесцветными глазками он успел до такой степени обворожить всех чад и домочадцев страны, что они дружным хором жужжали ей в оба уха: «Дайся ему, дайся ему!»

— Подождите, я еще не выбрала! — оправдывалась страна.

— Выбери досрочно, не то у него рейтинг упадет!

— Что упадет?

— Что, что! Будто не знаешь! На что он тебе нужен с упавшим рейтингом, ты ж хотела состоятельного! Может, тебе этих хочется? Так у них рейтинги давно висят, по три процента осталось, а у него пятьдесят пять с копейками!

— Столько не бывает! — ужасалась страна. — Мамочки, как же я с ним буду!

— Ничего, милая, — утешали родственники, — усатого тридцать лет терпела, а у него за сто зашкаливал, до сих пор, чай, все болит...

— Так ведь я ж при нем в сплошную дыру превратилась! — с ужасом вспоминала страна.

— Зато боялись тебя все!

— Ну ладно, ладно... Но он мог бы хоть программу свою изложить!

— Обломись! — скомандовал в эту самую секунду суженый, и хотя команда относилась к очередному шершню, страна ее сочла за экономическую программу.

«Ну-к что ж, ничаво, — подумавши, рассудила она. — Не хужей всякой другой. Коротко, ясно, непонятно — что еще нужно от экономической программы?» Тем более что у предшествующего суженого программа была почти такая же лаконичная, но менее приятная: «Перебьесся!» Так и перебивалась восемь лет с хлеба на квас, с петли на удавку.

Между тем приближался день свадьбы, когда страна должна была заявить об окончательном выборе. Со дня помолвки прошло три месяца, за какое время суженый успел обползать ее всю, в особенно горячих точках побывав даже не по одному разу, но к главным обязанностям не приступал, блюдя законы. Только рейтинг показывал издали — то ли обнадеживал, то ли грозился.

— Ты бы хоть, голубчик, порассказал мне, что делать-то будешь со мной, — спрашивала страна, с трудом отыскивая суженого в своих складках. Он уже помнил все ее трещинки.

— Я, мать, борьбой занимался, — отвечал суженый. — Все как есть важные точки на теле знаю, и даже точку джи. Слыхала про точку джи?

— От нее, говорят, самый кайф, — мечтательно вздыхала страна. — А где ж она?

— Вот и увидишь, — немногословно отвечал суженый и снова нырял в очередную складку, где об-

вораживал холодными глазками недоверчивых поначалу жителей.

Свадьбу справили пышно, суженый, ставший наконец новобрачным, поблагодарил гостей, свернул обед («Не люблю церемоний»), мягко выпроводил иностранных гостей и пояснил, что ему не терпится остаться с молодой женой.

— Диктатура, — в один голос, но на всякий случай не очень громко сказали кудреватый, писающийся и лысый.

Но новобрачный расслышал.

— О диктатуре, — сказал он очень ровным голосом, — больше всего говорят те, кто на самом деле мечтает о собственной диктатуре. Усвоили? Не слышу!

Впрочем, и слышать особо было нечего, потому что из правоцентристской коалиции донеслось характерное журчание, а это означало, что они все поняли. Новобрачные удалились в покои.

...31 декабря того же года Дед Мороз, как водится, прибыл на территорию страны.

— Ну что скажешь, матушка, как тебе с новым мужем? — спросил Дед, удивляясь, что его никто не встречает.

Холод стоял в стране, над которой голубело ледянистое небо цвета глазок суженого. Народишко шевелился вяло, и даже пылкая оппозиция помалкивала. Все было как-то замедленно и ровно, словно погрузилось в ледянистый кисель.

— Хорошо ль тебе, спрашиваю?! — воскликнул Дед, поражаясь такому равнодушию.

— Что воля... что неволя... все одно, — донеслось из алькова.

Это в полусне бормотала страна.

— Ахти, да как же он это сделал?! — спросил Мороз. — Такая всегда оживленная была, до буйства доходило!

— Точка джи, — отвечала страна из полузабытья. — И так мне, дедушка, хорошо стало... прямо как никогда...

— Что за точка? — недоверчиво осведомился Дед.

— А вот я тебе сейчас покажу, — услышался ровный голос, и Дед Мороз почувствовал не очень сильное, но уверенное нажатие не совсем даже понятно куда.

Как бы то ни было, он ощутил небывалое спокойствие и безразличие, стойкое нежелание шевелиться и жажду покоряться. Вся его прежняя суетливая жизнь, полная раздачи подарков и беготни по бедным семьям, лазанья по каминным трубам и исполнения идиотских желаний, представилась ему напрасной и утомительной. Ему захотелось лежать в сугробе, с полной инертностью относясь к тому, что с ним сейчас сделают. Он почувствовал даже некоторое сокращение своих мыслительных способностей, да и зачем ему было думать в этом необычайно приятном состоянии? Сила воли у него тоже начисто атрофировалась, и он начал было заученно произносить: «Что воля... что неволя... все одно...» — но вспомнил о миллионах ожидающих его малюток, стряхнул с себя оцепенение и трезвым взглядом оглядел страну. Он еще много кому и много чего был должен, а она, кроме денег, никому и ничего.

— Понравилось? — спросил суженый.

— Ничего, приятно, — рассеянно отвечал Дед Мороз. — И надолго с ней такое?

— Как получится, — пожал плечами суженый.

— Есть-пить не просит?

— Да зачем ей теперь есть. Она видит, что я бегаю, ну и сыта. Ты ступай, дед, ступай. Тебе же меньше беспокойства. Она тебя теперь в ближайшие восемь лет ни о чем не попросит.

— А... ну-ну, — не очень уверенно сказал Дед Мороз и сначала медленно, а потом все быстрее понесся в свою Лапландию, где долго еще отогревался горячим чаем.

А страна в своем полусне почти ничего и не заметила:

— Энто ктой-то приходил?

— Новый год приходил, спи, — отвечал муж.

— А чего ему надо?

— Ничего не надо, пришел и ушел. Нечего ему тут делать.

— Энто правильно, — сонно сказала страна. — Как у нас там, все в порядке?

— Все штатно, — лаконично ответил муж.

— Ну и хорошо, — с трудом проговорила страна. — Теперь вообще все хорошо, давно бы так. И чего я, дура, страдала?

Сходила под себя, повернулась на другой бок и продолжила поступательное движение по своему особому пути.

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

После того как Владимир Красное Солнышко благополучно окрестил Русь, ему понадобилась опора в виде передовой части народа. Срочно созвал он трех богатырей и предложил объединиться на почве лояльности.

— Да мы же разные, — степенно произнес Алеша Попович как человек наиболее продвинутый. — Я все больше хитростью беру, Добрыня по чрезвычайным ситуациям, Илюша вообще не очень умеет разговаривать...

— Оно, гм, конечно, — вздохнул Муромец. — Ежели, допустим, кого через бедро, по-нашему, по-грекоримски... это мы завсегда. Но ежели партия власти... то это не того...

— Как князь скажет, так и будет, — лояльно заметил Добрыня Никитич, прозванный Добрынею за то, что по широте своей природы вечно лез выручать всех из чрезвычайных ситуаций: то коня на скаку остановит, то избу подожжет, да сам же в нее и войдет.

— Золотые твои слова, Добрынюшка, — кивнул Владимир Красное Солнышко. — Без партии власти я кто? А с партией власти я гоп-гоп-гоп!

Поначалу, конечно, объединение Добрыни, Алеши и Ильи в политическую организацию центристского толка было встречено в Киевской Руси с понятным недоверием. Известное дело, неразвитость. Кто острил про лебедя, рака и щуку, кто собирался в альтернативные партии. Змей Горыныч, аффилировав к себе еще две головы, смачно шипел что-то насчет политической незрелости. Он совершенно иначе представлял себе судьбу Отечества и не прочь был покняжить. Соловей-разбойник свистел в два пальца. Партия власти совершенно не представляла, что ей делать. По личному княжескому заказу для дворца была срочно изготовлена копия известной картины Васнецова «Три богатыря», на которой Илья, специалист по греко-римской борьбе, тупо глядел вперед, словно выглядывая супостата, а чрезвычайщик Никитич купно с хитрецом Поповичем картинно хватались за мечи. В таких позах богатыри и проводили большую часть своего времени, практически не двигаясь с места.

Покуда они так определялись со своим политическим лицом, Красное Солнышко восходило все увереннее и вскоре залило своими лучами всю Киевскую Русь. Поначалу, конечно, кое-кто еще попискивал, что солнышко подозрительно красное и обладает имперскими амбициями, но вскоре эти разговоры прекратились, потому что припекало все основательнее. С остатками язычества расправлялись беспощадно, усобицы пресекались на корню, семь княжеских

наместников усердно доносили в Киев обо всех беспорядках на местах, и даже среди дятлов в киевских лесах полно набралось добровольных осведомителей. Впервые за время существования древнерусской государственности древляне, вятичи, кривичи и прочие представители народа почувствовали на себе железную руку мобильного лидера. Нечисть, затаившаяся по лесным углам, капищам и урочищам, оказалась перед вполне конкретным выбором «служить или не быть».

Первым неладное почуял Змей Горыныч. Он всегда считал себя политическим тяжеловесом, и не без оснований. Хотя при воцарении Красного Солнышка он уже получил как следует по всем трем шеям за неумеренные амбиции, на своей территории он все еще был царем, богом и воинским начальником, и земледельцы, проживавшие под его властью и обираемые до последнего поросенка, все еще считали себя привилегированной частью населения. Терпеть такого двоевластия, однако, Красное Солнышко отнюдь не собиралось. Для начала был законодательно ограничен пищевой рацион Горыныча: согласно новым правилам корму ему полагалось уже не на троих, как в языческие времена, а на одного, хотя бы и трехглавого. После князь несколько раз тактично намекнул, что время политических динозавров прошло. Голов у змея как-никак было три, и оттого он раньше прочей нечисти смекнул, что период переговоров на этом закончился, а дальше надо либо громко клясться в вечной верности, либо прощаться с головами.

Однажды, ясным апрельским утром, мирно дремавшие на своих конях богатыри были разбужены жалобным шипением.

— Чтой-то серой понесло, — протирая глаза, заметил Добрыня.

— Супостат, что ли? — обнадежился Муромец, привычно делая ладонь козырьком: этот жест позволял одновременно отдавать честь и присматриваться.

— Рептилию чую! — догадался Алеша и первым схватился за меч.

— Ну, чего приполз? — спросил Муромец, разминая затекшие члены. — Биться хочешь? Давно что-то я не бился...

— Какое биться, Илюша! — замотал всеми тремя головами Змей Горыныч. — Нешто можно биться во времена формирования новой национальной идеологии! Ты народный герой, я народный герой... чего нам делить-то!

— А обзывался! — вспомнил злопамятный Попович. — Говорил, мол, политические младенцы! под себя ходим! Я, говорил, дуну, плюну — и нету никакого единства! То ли дело я — три головы, одна пищеварительная система!

— Господи! — набожно воскликнул Горыныч, проникшийся новой верой. — Кто старое помянет, тому глаз вон! Ну хотите — зуб! Поймите, истина не всегда сразу пробивает себе дорогу: нужно привыкнуть, посмотреть, как оно будет... Но теперь я проникся, совершенно проникся и прошусь к вам. В конце концов, у меня огромный опыт управления, и вообще, шесть голов лучше, чем три.

Богатыри переглянулись.

— Оно бы можно, — кротко предложил незлобивый Муромец. — Будем на ём чайник кипятить... как-леты...

В доказательство его слов Горыныч несильно пыхнул пламенем. Добрыня прикурил.

— Да, но платформа? — спросил рассудительный Алеша. — На какой платформе мы объединимся? Слышь, чудо-юдо, есть ли у тебя убеждения?

— А как же! — хором воскликнули три головы. — Центристы мы!

— Неправда, — покачал головой Добрыня, — это мы центристы.

— Ну так и мы по тому же принципу устроены! — заорали головы. — Вас трое, и нас трое! В центре центр, а по бокам солидарные левые и правые! Вы сами-то за что?

— Мы за добро, — уверенно сказал Добрыня. — За все хорошее мы.

— Ну и мы за добро! — крикнул Горыныч. — Кто же против добра-то? Я очень люблю стариков и детей! Стариков, конечно, меньше, потому они жестче. Но с голодухи, бывало, что и стариками не брезговал. А дети — это вообще милое дело! Дети, хорошо я к вам отношусь?

— Отлично, батюшка! очень вами довольны! — хором запищали дети из Горынычева брюха.

У него там была своя небольшая пионерская организация.

— Да ладно, — не очень уверенно сказал Добрыня. — Чего там, Леш. Нам князь еще спасибо скажет. Он сам же говорил: чем больше, тем лучше. Ну и бу-

дет у него большая партия власти, поголовье сразу вдвое увеличится. Он что, против?

— Ну давайте, — решил Муромец. — Ты же, змеюшка, не будешь больше бесчинств творить?

— Никогда! — замотал головами Горыныч. — То есть буду, но исключительно в рамках партии власти!

— А, — махнул рукой Попович, — валяй. Будем большой партией политического центра. А что это там свищет?

Свист и шелест крыльев неумоимо приближались. Вскоре на поляну, где новоявленный член партии власти лакомился кровавой пищей, а три богатыря привычно бдели на выносливых конях, осторожно спланировал Соловей-разбойник.

— Здорово, ребята, — отдуваясь, приветствовал он носителей державной идеологии. — Предложение имею. Свистуны нужны?

— Да мы сами с усами, — добродушно усмехнулся Муромец, заложил в рот два пальца и пронзительным свистом обрушил несколько вековых сосен.

— Свистнуто, свистнуто, — снисходительно заметил Соловей-разбойник, — но свистнуто очень средне. Вот гляди!

В ту же секунду у Ильи Муромца свистнули шлем, у Поповича — кольчугу, у Никитича — удостоверение, а лес кругом полег в радиусе пятнадцати верст.

— Н-да, — задумчиво произнес Алеша. — И ты полагаешь, что эти твои способности могут пригодиться в партии власти?

— Да конечно ж! — отозвался Разбойник. — Да совершенно ж естественно! Я как об чем свистну — тотчас все об этом заговорят. Никакой медиа-империи

не надо. Вы мне только скажите, про кого свистеть, — и в ту же секунду я ка-ак...

Он уже набрал новую порцию воздуха, но Илья решительным жестом остановил его:

— Довольно, довольно. Берем.

Довольный Разбойник разлегся у конских копыт и, насвистывая народную песню «Милая моя, чудище лесное», принялся почесывать себя под перьями.

— Однако земля дрожит, — поделился наблюдением Горыныч. — Кто это там еще в наш нерушимый монолит?

В ту же секунду вместо ответа на его вопрос на поляну гулко рухнула ступа. Ступа передвигалась скачками, чем и объяснялась дрожь земли. Из летательного аппарата, ковыляя на костяной ноге, тяжело вышла Баба Яга.

— Женщины Киевской Руси к вам с поклоном, — проскрежетала отвратительная старуха.

— Чего тебе надобно? — грозно спросил Добрыня. — Мы благотворительностью не занимаемся. То есть занимаемся, но ровно в тех пределах, которые определены властью...

— Да какая мне благотворительность, милоч! — замахала руками Яга. — Мне бы в партию, партийной быть хочу на старости лет... Чтоб хоть помереть с членским билетом, э-хе-хе...

— Да куда ж тебе в собственную княжескую партию?! — возгласил Добрыня. — На себя посмотри, ты ж нам все представительство попортишь! Из рта тухлятиной несет, на щеке бородавка, на лбу другая! Нечисть болотная, скольких ты богатырей себе на завтраки ухомячила, ненасытная ты утроба, пережиток язычества!

— Именно, именно что пережиток язычества, — закивала старуха. — Фольклорным персонажам, сказывают, один конец хотят сделать. Водяные, лешие, кикиморы болотные третий день слезами умываются: нет, говорят, нам места в стране победившего христианства! Но ты пойми, милок, и наши резоны: новая национальная идеология — оно, конечно, хорошо. Но ведь и мы все — вот они, имеемся в наличности! Нас-то ты куда денешь? Пока последний леший вымрет, не один век пройдет, а князю власть укреплять надобно немедленно. Вот мы и предлагаем... в виде разумного как бы компромисса... Опять же мною не брезгуй, я кадр ценный: жабьей слизью привораживаю электорат. Или ты думаешь, князь престол получил без нашей помощи? Да я и свидетелей приведу, что ворожила ему, вот глянь-ка! — И мерзкая старуха пустилась в непристойную пляску, высоко задирая костяную ногу.

Тотчас со всего леса слетелись вороны, гулко грая: «Владимира Кра-Кра-Красное Солнышко в князья! Он сделает нашу родину кра-кра-краше!»

— Видал пиар? — прищелкнула языком бабка. — Для Горыныча берегла, да раз уж не сложилось у него — берите. Выборы-то, чай, не последние...

— Какие выборы, бабка?! — осадил старуху Добрыня. — У нас тут, чай, не Новгород!

— Оставь ее, Никитич, — прошептал Попович, — мало ли... Все-таки она народ...

— Народ, хлопчики, — закивала бабка, — как есть народ! Ну как, берете в партию? А то, сами знаете, беспартийным ноне на болоте беспокойно...

— Транспорт зарегистрирован? — сурово спросил Добрыня.

— А как жа! — воскликнула бабка, плюнула на ступу и протерла рваным рукавом своей кацавейки.

На ступе проступил регистрационный номер скифских времен.

— Да бог с ней, пушай вступает, — разрешил Илья. — Все ж таки женщина, у нас пока ни одной не было. Еще бы нам представителя славного поколения отцов...

Словно откликаясь на его призыв, из леса валко приковылял леший с густо-зеленой бородой из мхов и лишайников, со свитой из бледных поганок и румяных мухоморов. Следом за ним визгливой толпой, приплясывая и брызгаясь болотной жижей, тянулись кикиморы.

— Это еще что за нечисть? — брезгливо повел носом Попович.

— В партию вла-а-асти! — нестройно пропели кикиморы.

— Да разделяете ли вы нашу идеологию?! — рявкнул Горыныч на правах партийца со стажем.

— Как есть разделяем! — рапортовали добровольцы.

— А в чем же ваша идеология? — хитро прищурился Попович.

— Любовь к родным лесам, — начал леший.

— И болотам! — вякнула старшая кикимора.

— Властная вертикаль...

— Опять же добро...

— Побольше добра! — заухал филин на плече у лешего.

— Владимир — наш князь! — импровизировал Соловей-разбойник, входя во вкус. — Всех побьем! За-

океанских воротил к ногтю! Тридевятое царство с его кредитами — на хрен!

Слыша эти крики, Владимир Красное Солнышко в своем дворце заметно приободрился.

— Эк народ поддерживает мои инициативы! — заметил он.

— Так точно-с, — рапортовал стряпчий.

— Поразительно, как быстро я всех построил! — изумлялся князь. — Что значит монотеизм! Теперь я всех идеологических противников... буквально одним махом! Моно-махом, по-заморски говоря! Может, мне и впрямь стоит назваться Владимиром Мономахом?!

— Никак нельзя-с, еще рано-с, — робко напомнил стряпчий. — Еще сто лет, не менее!

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать, невымытое рыло! — прикрикнул князь. — Читай академик Фоменко! Ежели его почитать, то мы все одно и то же лицо: и Владимир Красное Солнышко, креститель Руси, и Владимир Мономах, объединитель Руси, и Владимир Ульянов, модернизатор Руси, и Владимир Путин, унификатор Руси!

Стряпчий почтительно умолк. Восторженные крики за стенами дворца усиливались.

— Пойти, что ли, поприветствовать подданных, — заметил князь, слез с трона и вышел на балкон.

Взору его открылось неопишное зрелище. Посреди главной киевской площади восседали три богатыря, а вокруг них ликовало море разлитое всякой нечисти: залиvisto свистал Соловей-разбойник, да и свистал-то что-то препохабное — попури из «Прощания славянки», «Степь да степь кругом» и «Марша

коммунистических бригад»; притопывала костяной ногою Баба Яга; кикиморы и русалки, распутив зеленые мокрые волосы, ритмично щелкали хвостами. Горыныч пыхал пламенем, делая салют. Вся лесная, речная и пустынная нечисть, которая только водилась в обширных владениях князя, от домовых до водяных, от ведьм до колдунов, сошлась непосредственно под балкон верховной власти с намерением засвидетельствовать свою лояльность.

— Что это, Бэрримор? — выругался по-заморски киевский князь. По-русски это примерно означало «Что за фигня?!».

— Партия власти, сэр, — бодро рапортовал Илья, накушавшийся по случаю праздника хмельной браги, которую в изобилии приволокли ведьмы. — Народ дружно вступает в центристскую организацию, которую мы уже назвали Партией Интеграции — За Демократию, Единство, Центризм! И аббревиатура получается удобная, привычная русскому слуху.

Князь пожевал губами, составил аббревиатуру и позеленел.

— Ну, — сказал он грозно, — а какая у вас оппозиция?

— Нету у нас оппозиции! — радостно заорал Горыныч. — Какая ж у нас, у таких, оппозиция! Всех огнем пожжем, слизью задушим! Айда к нам, Володюшка, трын-траву курить!

— Ну раз так, — проскрежетал князь, — я буду ваша оппозиция...

Но этого зубовного скрежета никто уже не расслышал. Страна, уставшая от распрей, наслаждалась единством. Скоморохи гудели в дудки.

— Я об одном только думаю, — тихо склонился Никитич к Поповичу. — Об чем же теперь сказки-то будут складывать? Все же за добро, кто же против-то? Ведь об нас теперь ни одной сказки, ни одной былины не будет!

— А тебе оно надо? — тяжелым, хмельным голосом спросил Попович.

— Да нет, в общем-то... Так, интересно...

— Ну и не задавай глупых вопросов, — отвернулся Попович и отхлебнул еще медовухи, изготовленной кикиморами из болотных кувшинок. — Слышь, Соловушка! Грянь-ка еще раз нашу, русскую: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»!

МИША ЕСТЬ

Его стремительная карьера началась в Советской армии. Еще на медкомиссии стройный и рослый призывник так поразил врачей статями, а в особенности командным голосом, которым отвечал на вопросы, что главный военврач, сам непроизвольно подобравшись, вынес решительный вердикт:

— Этого — в роту почетного караула.

И действительно: из такого, как Миша, танкист не мог получиться в силу роста, связист — в силу интеллекта, а в десант такого представительного красавца упекать было жалко, да и парашютов уже не хватало. И потом, десантнику злость нужна. А на круглом Мишином лице читалась такая добродушная покладистость, что рота почетного караула, давно ставшая символом государства Российского, представлялась для него идеальным местом.

И действительно — служба у Миши заладилась, а больше всего удавалось ему лихое, молодецкое «есть!». То есть он, конечно, и прочие солдатские реплики в великом воинском спектакле подавал исправно — «так точно», «никак нет», «не могу знать»...

С появлением на погонах двух лычек его лексикон вынужденно расширился до сержантского уровня — «стройся», «разойдись» и «за время моего дежурства происшествий не произошло». Но и двулычный Миша лучше всего произносил все те же заветные буквы:

— Й-есть!

А поскольку служба его проходила не просто в Москве, а главным образом в историческом ее центре, вблизи Кремля, в соседстве Госплана СССР, который еще и не подозревал, что скоро будет называться Думой, — паренька, как в песне поется, заметили. Обходит однажды старенький генсек роту почетного караула:

— А что, хлопцы, тушенка у вас есть?

— Есть! — рапортует Миша своим волшебным голосом.

Генсек медово улыбается:

— Так-так... А свободное время для переписки с родителями?

— Й-есть!

— А подшивка «Красной звезды» в Ленинской комнате?

— Ййй-есть!

Да где же видано, чтобы человек с таким талантом пропадал? И Миша оказался в Госплане.

Это ведь только так называлось — министерства, ведомства... На самом деле вся советская система была насквозь военизирована, и настоящая карьера в ней начиналась со службы в Советской армии. Кто особенно удачно припахивал молодняк — того бросали руководить производством, кто оформлял Ленинскую комнату или играл на барабанах — отправлялся

в Минкульт или Минпрос, кто лучше других стучал, но уже без барабана, — шел в особисты. Кто зычно командовал или четко ходил строевым — составлял элиту нашей командной экономики. Одному замполиту повезло дослужиться до генсека, на каком-то посту он тут же вручил сам себе орден Победы. Наследовал ему особист. Рота почетного караула традиционно пополняла собой ряды управленцев, если не считать одного самого ограниченного, по кличке Коржик, который в конце концов подался в писатели. А уж те, кто совсем ни на что не годился, оставались в Министерстве обороны — оборонять то, что еще осталось в результате деятельности других ведомств.

Первым делом, понятно, Мишу отправили на курсы иностранного языка, потому что в те времена иностранцы уже существовали и в Россию изредка наезжали. Их тоже интересовали вопросы, есть ли у нас свобода слова и колбаса, и надо было отвечать по-иностранному. Впрочем, переподготовка была несложная: «есть» звучит по-английски почти так же, как и по-русски, поскольку, говорят, и команда-то эта пришла к нам от английского «yes, sir!». И вообще, английский — язык довольно простой: «it is» (это есть) звучит на нем почти так же, как «at ease» (то есть вольно, мол, разойдись), и потому с помощью нехитрого набора «йес ыт из» можно выразить практически любую мысль, способную посетить сержантскую голову.

Обучение, как и везде в руководстве страны, сплошь профильтрованное армией, шло по обычному солдатскому разговорнику. Наш солдат предполагал воевать на чужой территории, малой кровью и довольно простым набором фраз: «Стой, руки

вверх, где прячутся полицейские?», «Какая дорога ведет на Берлин, Нью-Йорк, Вашингтон?», «Кто ваш командир?», «Где еда?», «Где банки, мосты, телеграф, телефон?»... Ну и еще так, по мелочи, — «thanks» (спасибо), «it is a boy» (это мальчик), «I want to eat» (я хочу есть) и «show me please where is the Soviet embassy» — «покажите, пожалуйста, где тут советское посольство».

Ну и, конечно, Миша выучил по-английски все команды, принятые в Советской армии. В армиях вероятного противника такой команды, как «правое плечо вперед», и близко нет, а ходить одной «левой!» там вообще не умеют, потому что уделяют строевой подготовке не в пример меньше внимания, чем в странах победившего социализма. Зато «кругом» и «лечь-встать» выходило у Миши замечательно — любой капрал позавидовал бы ему.

В обязательный госплановский разговорник советских времен входили также рассказы на темы «Моя семья» («Я имею отец, мать, брат, сестра, все они работают на заводе») и «Коллективная ферма» (так переводился на язык вероятного противника обыкновенный колхоз). Миша мог свободно сказать по-английски «это конь», «это корова», «это поле еще не вспахано» и даже «решения съезда — в жизнь». С этим багажом его свободно можно было показывать иностранцам, но в последние годы советской империи они наезжали к нам все реже и реже, и поэтому бывший сержант многое презабыл.

Между тем карьера его стремительно шла вверх: строевой шаг и грудь колесом в советской экономике очень ценились. Тем более настали времена великих

перемен, Госплан упразднили, и новая власть стала поглядывать на рядовой и сержантский состав бывших, как говорится, министерств и ведомств: кого списать, а кто еще послужит. Все свое свободное время Миша отдавал физподготовке и строевому шагу, и потому его сначала произвели в руководители департамента Министерства финансов, а потом и в главные финансисты страны. Ошибкой было бы думать, что так называемая перестройка что-либо изменила в формировании правящего класса: чуть потеснили особистов, свердловский призыв крепко быканул против ставропольских, а в остальном обошлось.

Поначалу Миша процветал: его вне очереди произвели в лейтенанты. Новый генсек, называвшийся теперь президентом России, от дел постепенно отошел, перепоручив их семье, а в свободное от отдыха время обходил строй преданных ему экономистов:

— Ну что, есть денежки у народа?

— Есть!

— А экономический рост?

— Й-есть!

— А этого, как его... западные инвестиции?

— Ййй-есть!

— Хорошо, молодца... Возьмешь масла... Скажите там на кухне, чтобы масла дали ему... граммов пять...

— Служу!!!

Со временем Мишу за отличную службу передислоцировали в Жуковку, дали персональную казарму, лишнее одеяло, начали давать яйца не только по воскресеньям, а и по субботам, а самое главное — разрешили ослабить поясной ремень на два процента, вследствие чего он и заработал свою кличку Миша —

Два Процента, не содержащую в себе ничего оскорбительного. Прежде крепость натяжения ремня проверял лично генерал Лебедь, но теперь Мише, что называется, дали вздохнуть.

Особенным успехом пользовалась Мишина идея наладить выпуск ценных бумаг под честное слово главного органа в стране — Государственного Комитета Оборона, сокращенно ГКО. В Комитет Оборона России верили все — жизнь показала, что самые дубовые здесь всегда оказывались и самыми неггибаемыми, поэтому бумаги ГКО охотно покупали во всем мире.

Однако не все коту масленица. Экономика, совершенно вышедшая из-под контроля, рванулась и понесла, в результате чего в один прекрасный день рубль, доселе стоявший по стойке «смирно», упал и больше не отжался. Доллар же совершил подъем переворотом и поднялся за один день в три раза. Этот августовский день 1998 года Миша не забудет никогда. Лейтенанта Кириенко пропустили через роту кремлевских курсантов и сослали в трехмесячный наряд по роте, где его перестало быть видно и слышно. Мишу вызвали на самый верх и напрямую спросили:

- Разговорник у тебя есть?
- Есть!
- Кое-что помнишь по-ихнему?
- В пределах!

— Поедешь разбираться, чтобы с нас долг не требовали. Сам видишь — мы своим-то платить не можем. Администрация на урезанном довольствии сидит, гречка кончилась, в министерствах перешли на гороховый концентрат. Переводчика с тобой послать

не можем — еле наскребли на билет для одного. Что хочешь делай — умоляй, угрожай, — но только чтобы отсрочили платежи! Без договора не возвращайся — на очке сгноим. Кру...

На звуке «ом» Миша уже вылетел за дверь, поскольку ни гнить на очагах, ни умирать на тумбе, ни вешаться в сушилке ему совершенно не улыбалось. И пока все его министерство, завистливо глядя Мише вслед, зубными щетками отскребало кремлевский плац в отместку за свое легковерие, лейтенант Миша — Два Процента уже летел в страны хищного капитала — выпрашивать отсрочку по долгам. В самолете он лихорадочно припоминал содержимое разговорника: мать, отец... где тут у вас дорога на Берлин, штаб, полиция, водокачка... банки, мосты... вольно, отставить... караул! устал...

Казарма, в которой Мише предстояло вести переговоры, была оборудована по последнему слову техники. Пахло в ней не портянками и ружейной смазкой, как в Кремле, а дорогим парфюмом («Сволочи, чем сапоги смазывают!» — успел подумать Миша). Пайка, поданная к столу, была скромна, но все-таки больше кремлевской. Мишина попытка выполнить его фирменный «подход к начальнику, сняв головной убор в полуприсяде», который всегда так умилял президента России, была в корне пресечена: его похлопали по плечу и предложили садиться.

«Подкупают», — мелькнуло в Мишиной голове.

Он решил держаться до конца.

— Кто ваш командир? — напряженно спросил он у соседа по переговорному столу.

Сосед кивком показал на Мишиного визави — судя по виду, типичную американскую воротилу.

— Чем вы объясняете происшедшее в российской экономике? Почему премьер Кириенко отказался продолжать выплаты по внешним долгам? — спросил доброжелательный, но строгий старик в золотых очках.

Под его взглядом Миша совершенно смешался и в ужасе осознал, что не помнит по-английски почти ни слова, а те немногие фразы, что еще остались в его сознании, совершенно утратили смысл. Устав в таких случаях рекомендовал проявлять разумную инициативу, то есть действовать наугад, методом научного тыка.

— Так чем вы объясните решение премьера Кириенко? — строго повторил очкастый.

Миша с трудом понял его слова, уловив только «почему» и «Кириенко».

— It is a boy, — испуганно пролепетал лейтенант.

Очкастый удовлетворенно кивнул. Похоже, он ждал именно такого ответа.

— Говорят, всем в России заправляет кремлевская семья? — спросил он суровее прежнего.

Миша уловил знакомое слово «семья».

— Я имею семья, имею мать, все работаем на заводе! — воскликнул Миша.

— Всем трудно, голубчик, — улыбнулся очкастый.

Ободренный его улыбкой, Миша зачастил:

— Вот конь, вот корова, а я голоден! Где еда? Я хочу пить!

— Угощайтесь. — Очкастый придвинул к Мише еще одну тарелку, чем ободрил его окончательно. — А все-таки: будет ли рубль когда-нибудь расти?

— Лечь-встать! — скомандовал Миша сам себе и тут же выполнил скомандованное.

— Н-да, — скептически вздохнул очкастый. — А как вы оцениваете нынешнее состояние российской экономики?

— Это поле еще не вспахано, — пискнул Миша.

Старик снова кивнул, словно получив подтверждение своих мыслей.

— И как вы думаете выходить из кризиса?

Вопроса Миша не понял и потому счел за лучшее на всякий случай скомандовать «Правое плечо вперед!», что почему-то обрадовало очкастого больше всего. «Я так и думал, что Россия не откажется от правого курса!» — бросил он через плечо кому-то из коллег и продолжил расспросы.

— А все-таки, когда вы думаете возобновить платежи? — уставился он на Мишу, но тот уже расхрабрился и чувствовал себя вполне свободно.

— Где у вас тут банки, мосты, телеграф! — кричал он. — Полиция!

«Полиция собирается национализировать „Мост-банк“», — догадались вездесущие журналисты и побежали в свои информационные агентства.

— Равняйся, смирно! — кричал Миша. — Руки вверх, сдавайтесь! Вы окружены, мы всем гарантируем жизнь! — Мозг его под действием съеденного работал с небывалой активностью и выдавал весь разговорник практически подряд. — Бросайте оружие, мир, дружба! Млеко, курка, яйца, — вспомнил он в совершенной уже прострации и отключился, но и отключившись продолжал говорить.

— Они угрожают, — прошептал на ухо очкастому его ближайший советник. — С голодными и злыми русскими лучше не шутить!

Миша тем временем выскочил из кресла и уже принялся ходить по залу заседаний строевым шагом, да так, что фужеры на столе и подвески на люстре исполнили марш «Прощание славянки».

— Где тут советское посольство?! — выкрикнул он и в изнеможении рухнул в кресло. Его словарный запас был исчерпан.

— Ну зачем же сразу посольство, — с некоторой дрожью в голосе произнес очкастый. — Давайте обсудим условия... А то что же это так сразу — смирно, руки вверх... Значит, внутренний долг мы вам, так и быть, зачтем по прежнему курсу. Согласны?

— Йес! — воскликнул Миша, чей словарный запас был исчерпан.

— Вот и отлично. Очередной кредит получите через месяц, но под хороший процент. Процентом под сорок, я думаю... Только платежи возобновите, пожалуйста, к концу осени, а то мы будем вынуждены применить санкции...

— Й-йес!

— И, конечно, нам необходимы гарантии, что в условиях экономического кризиса в России не произойдет коммунистического переворота и к власти не придут коммунисты.

— Ййес! — рывкнул Миша так, что три фужера рухнули на паркет.

— Видите, голубчик! Всегда можно договориться! — подытожил очкастый. — Главное только — правильная ориентация вашей экономики. Вы каким курсом намерены следовать?

— Где тут дорога на Берлин, Нью-Йорк, Вашингтон? — крикнул Миша.

Очкастый был им совершенно очарован.

— А это — лично от меня, вашей семье, — произнес он прочувствованно и протянул Мише пакет, наполненный, судя по запаху, продуктами. — Матка, млеко, курка, яйца... хо-хо!

С блеском выполнив поручение, Миша вернулся на родину триумфатором. Его зачислили в образцовые переговорщики. Деньги хлынули в Россию бурным потоком, выпуск ценных бумаг Государственного Комитета Оборона возобновился, Миша получил еще одну звездочку на погоны, а идея насчет национализации «Мост-банка» с помощью полиции, озвученная западной прессой, так понравилась Мишиному начальству, что вскоре была осуществлена. Мишу же торжественно перевели в деды: он получил положенное число ударов пряжкой по филе и целый ряд небывалых прежде привилегий. Теперь ему подчиняется весь совет министров, то есть весь ефрейторский состав. В обязанности Миши, как и прежде, входит бодро выкрикивать на парадах свое любимое слово.

— Что, орлы, есть ли у нас план? — спрашивает подполковник из бывших особистов, обходя строй и проверяя начищенность блях.

— Есть! — рапортует Миша.

— А промышленный подъем?

— Й-есть!

— А экономический рост?

— Ййй-есть! — вытягивается премьер в струнку.

— Это дело, — снисходительно говорит подполковник, поглаживая впалый живот. — Эй, кто там... как тебя... старший прапорщик Волошин! Скажете ему там, чтобы на ужин выписали лишнюю банку килек в томате... Ладно, ладно, не благодари...

В некотором царстве, в некотором государстве была обильная земля и совсем не было порядку, как то заметил остроумнейший из ее летописцев. Земля исправно родила из года в год, народ же, ее населявший, был голоден, бос и малокультурен. Правители правили, бунтовщики бунтовали, народ безмолвствовал, но ничего не менялось. Лучшие умы государства затупились, пытаясь постичь такой порядок вещей, что дало повод тишайшему из поэтов той земли сочинить тезис об ее умонепостигаемости.

Причина умонепостигаемости лежала в том, что земля сия была в общем мироустройстве контрольной делянкою, на которой, в отличие от других делянок (называемых опытными), дикая растительная, животная и социальная жизнь происходила сама по себе. Никто ею не управлял, никто не направлял и не ставил над нею экспериментов, что само по себе уже было грандиознейшим экспериментом мироздания, ибо все то, чего с дикой жизнью не делали извне, она проделывала над собою сама. А потому всякий пра-

витель сей земли, заступая в должность, получал знамение.

Каждый из правителей перед упомянутым заступлением отлично знал, чего он хочет и что сделает. Но, заступив, совершенно терялся и начинал делать вовсе не то, что собирался, и не то, что ему советовали, и не то, что следовало бы, и уж совсем не то, что можно вообразить в рамках здравого смысла.

Все дело в том, что после коронации, или заседания Боярской думы, или Президиума Верховного Совета, или инаугурации, когда новоиспеченный правитель приходил в себя и взволнованно, как новобрачная, пытался осознать, что же с ним такое случилось, на стене его спальни проступали горящие буквы. Одни правители звали охрану, другие крестились, в ужасе вспоминая «мене, такел, фарес», третьи пытались сбить пламя одеялом. Невзирая на эти мероприятия, пламя не угасало, а только расползлось на всю стену грозным предостережением:

«НИЧЕГО СДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ».

Правители по-разному воспринимали его. Иные игнорировали, как самый решительный из ее государей, именем Петр, иные соглашались, как самый нерешительный, именем Николай, но кончалось это обычно одинаково: большой кровью. Правители продолжали править, земля — родить, народ — голодать и безмолвствовать, и ничего не менялось. Пока наконец хитрейший из правителей той земли, именем Владимир, не догадался, что вся беда оттого, что земля родит. Ибо землю надо пахать, сеять, орошать и снимать урожай, который в итоге обходится гораздо дороже, чем закуп-

ки оного в других землях. То град, то засуха, то саранча, то заморозки, техника ломается, живая сила пьет по-черному, стало быть, надо просто покупать все за границей. Землю взять измором, а привычку к ее обработке искоренить. Деньги же следует брать в долг, отдавать со следующего займа, а еще лучше — объявить дефолт и не отдавать совсем ничего.

С тех пор землю стали морить, а земледельца отучать от его вредной привычки. С урожаями боролись: в этой земле издавна всякий аграрный труд воспринимался как страдание, «страда», борьба, война и прочая неприятность. Запевая: «Это есть наш последний и решительный бой», люди выходили на поле брани. При хитрейшем правителе отняли у земледельца борону и лошадь. Аграрии, однако, продолжали пахать, а земля — родить. Тогда землю отняли, поделили, а поделенное снова отняли. Земля не поняла и продолжала свое. Тогда взялись за земледельцев: частью расстреляли, частью сослали, а прочих посадили. Однако все ж родит земля, и ничего ей не делается.

При свирепейшем правителе отнимать было уже нечего. Потому стали бороться с земледельцами, усиленно сажая их, стреляя и моря голодом. Оставшимся дали по рукам и строго-настрого приказали сидеть, не рыпаться, а еще лучше — сдохнуть. Многие послушались. Земля тем не менее продолжала родить. Тогда настроили на сей земле вонючих и вредных производств, для коих стали из нее выкапывать все что можно. Замусорили ее, раскопали и бросили, закоптили и отравили, залили кровью на три локтя. Земля стонала, но продолжала родить. Может, и перестала бы наконец, но тут скончался свирепейший.

За ним воцарился простодушнейший. Землей он распорядился просто: на негодных землях посадить нужное, на хороших — невозможное, причем и то и другое обильно залить ядохимикатами. Это был самый простой и умный план из всех: негодные земли давали чрезвычайно тощую пшеницу, на хороших росли южные культуры, чахлые, изнемогающие и грустные, как выпускница университета, приехавшая учительствовать в деревню. Выжившие земледельцы сбегали от этих нововведений в города, а те, что остались, запили втрое против прежнего. Земля, однако, продолжала родить.

Благостнейший правитель стал решать эту проблему просто: он не стал ее решать. Получив откровение, что ничего сделать нельзя, он и не стал ничего делать. Главное для него было, чтоб не было войны. При нем все пошло именно так, как должно идти на контрольной делянке: все делалось само по себе. Вонючие и вредные производства задымили небо, завоняли леса, загадили реки и озера. Ядохимикаты отравили почву. Земледельцы спились. Войны, правда, не было, и земля по-прежнему родила.

Цивилизованнейший из правителей, получив знамение, поразился. Земля все еще родила, как ни боролась с нею, и родила не только хлеб, почти уже изведенный, но и смородину, и яблоки, и сливы, и виноград. А земледелец был по-прежнему жив, гнал себе из этих плодов земных самогон, благодумствовал и не собирался исчезать как класс. Вознегодовал цивилизованнейший, и в одночасье исчезли с лица земли и виноградники, и яблоневые сады, и вишневые, и сливовые, и черноплодные кусты, и даже ни в чем не

повинные крыжовенные посадки. И стало лицо земли старым, некрасивым и морщинистым. Земледелец же махнул рукою и стал гнать самогон из подручного, ни на что уже не пригодного сельхозинвентаря: лопатовку, мотыговку и граблевку. Земля повздыхала, но продолжала родить. Тогда над нею бабахнул взрыв, отчего родить она стала двухголовые грибы и ядовитую землянику размером с тыкву. Впрочем, родить не переставала, и даже вдвое противу прежнего.

Предпоследний правитель, непредсказуемый, почти довел дело до конца, полностью воплотив в жизнь давно придуманную схему: сами не работаем, еду покупаем, деньги берем в долг, долгов не отдаем. Земледельцы наконец перевелись: иные умерли от старости, иные от пьянства, иные переквалифицировались в коммерсанты. Земля, брошенная без попечения, покрытая мазутом, ржавым железом и радиоактивными отходами, шлаком, пылью, битым стеклом и смятым пластиком, бытовым мусором и просто матом, отчего-то по-прежнему продолжала родить. На борьбу с катастрофически высокими урожаями были брошены все силы. То есть все, кто имел хоть какие-то силы убрать этот урожай, были брошены без техники, денег и горючего. Газеты из года в год с надеждой предполагали, что зимой будет голод, но большого голода так и не было.

Тогда создали Аграрную партию в надежде таким образом отвлечь немногочисленных уцелевших аграриев от земли. Аграрии дрались между собою и с другими за влияние в парламенте, кресла, столы и таблички на дверях, затем собрались восстанавливать каких-то железных истуканов, не столь давно повер-

женных, всеми силами оттаскивая земледельцев от земли. Она, вздохнув с облегчением, произвела на свет очередной урожай. Прожженнейшие предлагали всю землю продать, чтобы было на что покупать еду. Радикальнейшие — отдать ее всю под рекламную площадь. Угрюмейшие ни того ни другого не позволяли, а предлагали снова все отнять и поделить. Отнято и поделено же было столь многократно и безрезультатно, что всем эта процедура порядком надоела. Тем паче что ничего от этого не менялось и земля все так же родила.

Глядишь, еще два-три года, и она поняла бы, чего от нее хотят, и усохла бы, но тут непредсказуемейший подал в отставку. Он лучше всех понял, что сделать ничего нельзя, и многолетнее ничегонеделание страшно утомило его.

За ним пришел долгожданнейший, облеченный народным доверием и сгибающийся под тяжестью возложенных на него надежд. «Ничего сделать нельзя», — прочел он огненные буквы на своей стене и задумался. «Не может быть, чтоб нельзя, — сказал он сам себе. — Это все оттого, что был хаос. Должен быть порядок». С тех пор долгожданнейший стал сам ездить по полям и половину повытоптал. Подстригал пшеницу и подравнивал рожь, калибровал картофель, проводил совещания и давал указания. Стоило же ему только воротиться домой, как все зарастало. На другой день, едва выехав за черту столицы, он снова видел тот же хаос: порядок был порушен, картошка была неодинаковая, земледелец валялся хмельной и пел похабные песни, земля же исходила избытком.

«Надо что-то с этим делать», — сказал долгожданнейший себе под нос.

— Премьера бы ко мне. Порядок будем наводить.

Не успел он это произнести, а соответствующие службы — вызвать премьера, как прямо из пола у ног долгожданнейшего выросла огромная спелая фига и сунулась ему под нос, раскачиваясь для ясности. Вождь сорвал фигу и задумчиво вкусил. В нем совершалась внутренняя работа.

— Приятного аппетита, — пожелал премьер, сохраняя на лице выражение деловитой независимости. — Станем упорядочивать?

— Накося выкуси, — дружелюбно предложил долгожданнейший, протягивая ему спелую фигу.

В это время потолок кабинета разверзся, и в трещины свесилась гирлянда винограда «дамские пальчики».

Премьер откусил от фиги, потом доел ее до конца, и лицо его озарилось. Оставив папки с важными бумагами, он стремительно направился к шкафам вишневого дерева, быстро покрывавшимся листвой, кружевными цветами и рубиновыми ягодами. В коридоре охрана кидалась спелыми манго.

Спустя неделю всякий подъезжающий к столице был бы потрясен, но к ней попросту никто не подъезжал. Народ лежал в огородах под раскидистыми малосольными огурцами, распевая песни. В рот лежащим валились помидоры, зеленый лук и молоденький чесночок. В полях стеной стояли пшеница, рожь и ячмень. В густых овсах сидел депутат парламента, известный непримиримостью, бровями и рабочим происхождением, хватал медвежьими лапами овес и высасывал сладкое овсяное молочко. Вице-спикер Думы с визгом обтрясала мощную сливу, увешанную плодами и остальными вице-спикерами. Над гречихой весело жужжала Аграрная партия.

Столицу скрывали заросли фруктовых садов, над башнями Кремля вился усатый горох. Золотистое облако пчел колыхалось над городом. Долгожданнейший бродил по древним палатам, околичивая груши. Правительство объедалось малиной. Фракции Госдумы разделились по интересам: яблочники объедали белый налив, красные — смородину, либеральные демократы — клубничку. В министерствах обрывали гуаву, апельсины, ананасы и папайю. На потолке Андреевского зала горела надпись:

«ТЕПЕРЬ НИШТЯК».

Ее никто не видел, ибо она была скрыта густыми зарослями банана и авокадо.

Путину все надоело. Сидит хмурый, с документами не работает, от еды отказывается. Дзюдо забросил, властной вертикалью не интересуется, об олигархах слышать не хочет. Строев ему предлагал свои полномочия и Орловскую область в придачу, Илюмжинов уговорил сыграть с ним в шахматы и дал себе поставить детский мат, Селезнев принес коллективное письмо от Думы с предложением самораспуститься, олигархи сложили у ног все богатства мира, только по чуть-чуть себе в оффшорах оставили, — не радуется Путин.

— Ну вас, — говорит, — всех. Надоели вы мне совершенно. Еще вчера я был ваша надежда и кумир нации, а теперь связали вы меня по рукам и ногам. Направо пойдешь — слева взвоят, генералы обидятся. Налево пойдешь — олигархи Западом пугают, пресса о зажиме кричит. Вам и порядок надо, и свободу, и чтоб было все. Не знаю я, что с вами делать. Отвяжитесь все от меня.

В Кремле воцарилось уныние, а Путин с тоски другим президентам СНГ звонит, летучку проводит:

— Что, Гейдар Алиев, и у тебя те же проблемы?

— Не говори, — отец всех азербайджанцев отвечает. — Порядок-то порядок, но говорят, что я оппозицию зажимаю... Слушай, какая оппозиция, зачем оппозиция? Нет, им надо оппозиция...

— И у меня до сих пор не пойми что делается, — Шеварднадзе сетует.

— И у меня! И у меня! И у меня! — это Казахстан с Молдовой подключились, и бацька Лукашенко громче всех жалуется.

Он столько дубинок излохматил об оппозицию, в стране каучука столько нет, сколько ему надо на разъяснительную работу с этой оппозицией, — а им все чего-то неймется. Ходят маршем по проспекту Франциска Скорины туда-обратно, расходиться не хотят. У одного Ниязова все хорошо — уже и к лику святых причислен, и бесноватых взглядом исцеляет, но и ему снятся сны о чем-то большем. Мавзолей хочет, как у Тимура, а какой мавзолей, пока он жив? Неувязочка. Плов не греет, манты не радуют.

— Неблагодарные у нас народы! — резюмирует Путин.

— Золотые твои слова, Владимир Владимирович!

— Но я, братцы, знаю выход!

— Какой?! — хором заинтересовались президенты СНГ.

— А вот погодите.

Ободрился Путин. На работу вышел. Вызвал в Кремль Михаила Сергеевича Горбачева.

Долго гадала пресса: с чего бы это устроили ту встречу десятого августа? Горбачев девять лет в Кремле не был, бородинского ремонта не видел, по вертуш-

ке не звонил, — забыл уж, где что. Провели его к самому Путину. Что ж он хочет, думает Горбачев, чего они тут еще удумали? То ли Фонд отнимут? То ли в правительство зовут? То ли, чем черт не шутит, хочет он мне передать бразды?

— Ну вот что, Михал Сергеевич, — Путин говорит. — Мы с вами оба люди советской закалки, нам друг перед другом нечего экивоки разводить. Рассказывайте, как вы в девяносто первом власть сбагрили и руки умыли.

— Что такое, ничего не знаю, — отвечает первый и последний президент СССР и еще полчаса развивает эту тему.

— Ладно, ладно, — Путин перебивает. — Вы это все рассказывайте съезду народных депутатов восьмидесят девятого года. А я тогда в органах работал, мне не надо.

— А, — Горбачев говорит. — Я и забыл совсем. Ладно, поговорим как серьезные люди.

— А если как серьезные, то давай рассказывай.

— А чего рассказывать-то? — Горби отвечает. Сразу суховатый стал, подобранный — не узнать его. — Ситуация ровно как сейчас — ты не маленький, сам помнить должен. И порядку хотят, и свободы. Тут я и дотумкал: а вылезайте вы сами как хотите! Вызвал к себе этих... Янаева — он мой вице был, ежели помнишь... Пуго, Крючкова... Все на одно лицо, и у всех руки трясутся. Только один выделялся — ну этот-то, премьер-то... На ежа гигантского похож, говорящего...

— Павлов, — кивнул Путин. — Его так и звали: толстый ежик вынул ножик.

— Ага. Вызвал и говорю: вы меня к порядку подталкиваете? Очень прекрасно. Вот вам вся власть советам, делайте что хотите, я с удовольствием самоустраняюсь. Меня замучил радикулит. Я в Форос лечу. Ты хоть знаешь, как Форос расшифровывается-то?

— Нет, — удивился Путин. — Борис мне ничего такого не говорил...

— Да откуда ему знать, — Горбачев усмехается. — Он же там и не был никогда. А ФОРОС, ежели хочешь знать, — это Федеральный Округ Российских Отвергнутых Спасителей. Это я его так назвал. — И он гордо подбоченился.

— И что ты там делать собирался?

— Как что? Жить себе в свое удовольствие... Пусть народ решает, верно? Захотят диктатуры — пожалуйста, мне же спокойнее. А не захотят — опять же неплохо, еще и вспоминать потом будут, как при мне все духом воспряли... В общем, плюнул и уехал. Но они, м...ки, — употребил прежнее словцо бывший президент СССР, — не удержали страну. Вот и получилось, как получилось...

— Ничего, — сказал Путин. — Мои удержат. А то нашли себе, понимаешь, козла отпущения...

— Я знал, что ты так и сделаешь, — кивнул Горбачев. — Я только не думал, что в Форосе. Мне показалось, тебе Корея больше понравилась...

— Голодно в Корее, — признался Путин. — И телевидения одна программа всего.

— В Форосе пять, — гордо сказал Горбачев. — Одна — украинская. А НТВ не берет.

— Отлично! — восхитился Путин. — Знаешь, я и повод нашел достойный. Саммит СНГ. Этим же,

в бывших республиках, тоже все надоело. Оппозиция замучила, террористы, вторжения... Пусть народ решает, правильно я говорю?

— И то, — кивнул Михаил Сергеевич. — Только ты не думай — они теперь, девять лет спустя, вряд ли свободу выберут.

— Так я о чем и говорю! — радостно воскликнул Путин. — Но тогда это будет уже их выбор, верно? Тут-то я всю эту говорильню и прикрою... Только ты уж расскажи мне, как там все устроено. Я ведь там не был никогда, у нас после тебя туда ездить не принято...

— Охотно, — согласился Горбачев. — Я там все помню как сейчас. Это ж не Кремль — место отличное, вспомнить приятно. Смотри. — Он начертил на листке с шапкой «Президент РФ» четкий и аккуратный план. — Тут пляж. Под четвертым волноломом от ограды найдешь кнопку. Нырять можешь? Отлично. Этой кнопкой отрубись всю связь. Здесь дом, в нем диван. Под диваном выступ. Нажмешь на выступ — отрубится вертушка. Тут кухня, там столовая, здесь один клозет, здесь другой...

— Это мне даже многовато, — усмехнулся Путин.

— Не бойсь, президенты СНГ как узнают — очередь выстроится, — добродушно усмехнулся Горби. За эту усмешку его обожал весь мир, и особенно Маргарет Тэтчер. — Они народ такой: нажми — и брызнет...

Горбачев не успел выйти из путинского кабинета, как Владимир Владимирович, мысленно уже называвший себя вторым и последним президентом России, нажал на кнопку звонка, приводящего в действие

силовики. Тут же перед ним, как лист перед травой, встали Рушайло, Патрушев и Сергеев. Все трое на всякий случай написали завещания. Руки у них заметно тряслись, как у Чекалинского и Янаева в сходных ситуациях.

— Отставить страх, — сказал Путин. — Слушай мою команду. Восемнадцатого числа, — дату он подчеркнул повышением голоса, — я улетаю в Форос. Радикулит замучил, и вообще. — Он встал и демонстративно закричал. — В это время в стране заявляет о себе заговор военных. Рушайло, остаешься за главного.

— А Касьянов? — привычно вспомнил о субординации министр внутренних дел.

— Касьянов отдыхает. Слаб в коленках, подвержен влияниям и вообще знает языки. Еще Селезнева возьмите, Лужкова с Примаковым обязательно, ну и из министров кого-нибудь... подубоватее... Приготовьте расстрельные списки.

— Давно готовы-с, — услужливо склонился Патрушев и раскрыл перед Путиным папку.

Путин пробежал ее глазами: Сергей Ковалев, Новодворская, Доренко, Черкизов, Шендерович, Немцов...

— Годится, — кивнул он. — Добавьте Николая Федорова, друга чувашей, и еще там парочку, которые в последнее время развизжались. Березовского можно, его всегда можно... Илларионова... Ну, в общем, на ваше усмотрение — чтоб не стыдно Западу показать.

— Гусинского?

— Гусинского нельзя, он гражданин Гибралтара. Ты что, с Гибралтаром хочешь воевать? Ты, Рушайло, тут же штампанешь указ о закрытии ряда изданий. «Красную звезду» оставишь, естественно... Первым

журнал «Фас» закроешь, небритого этого возьмешь и незаметно вышлешь, чтоб не очень разлаялся. В общем, сообразишь — полагаюсь на твою интуицию.

— «Эхо Москвы» прикрываем? — поинтересовался Рушайло.

— Ты что! — воскликнул Путин. — Я тебе прикрою! Откуда ты будешь свежую информацию получать?

Рушайло склонил голову в знак преклонения перед прозорливостью босса.

— Теперь запоминайте: план действий — простой и решительный. Чеченские горы срыть, сровнять с землей, а землю выжечь. Дальнейшую координацию возьму на себя. В Москве — чрезвычайное положение, пока я не сочту нужным вернуться. С Биллом и Тонькой договорюсь по возвращении, до этого они ничего не сделают... Телепрограмму — на усмотрение Сергеева, три канала оставить, остальные отрубить. Танки по Москве пускать ограниченно, у нас солжарки мало, не мне вам объяснять. И смотрите у меня: удержите власть — я с вами. Еще и возглавлю Большой Закрут. Но не удержите — пеняйте на себя: выпорю как щенят, посажу и только через полгода амнистирую! Мемуары будете писать.

— А ва-ва-ва-ва-ва... — залепетали силовики. — А ва-ва-ваше превосходительство! Мы тут с Чечней-то справиться не можем, а вы нам целую Родину!

— А кому сейчас легко? — парировал Путин. — Вас много, а я один. Кру-гом!

Силовики развернулись и на подгибающихся ногах вышли.

— Евгения Максимовича хочу, — сказал Путин в селектор.

Примаков прибыл незамедлительно. В последнее время он выглядел все бодрей, ибо чувствовал, что климат в стране заметно улучшился.

— Евгений Максимович, — просто сказал Путин, крепко пожимая руку бывшему коллеге, — я хочу, чтоб все было как было.

— Я никогда в вас не сомневался, — тепло откликнулся Примаков.

— Пришло время расплатиться за былые унижения, травлю и программу Сергея Доренко, — сказал Путин. — Вы готовы взять дело в свои руки?

Один раз, в августе прошлого года, Примаков уже был готов, и ничем хорошим для него это не кончилось. Но тут, кажется, дело было верное.

— В принципе... — начал он.

— Ну вот и прекрасно, — кивнул Путин. — Я уезжаю восемнадцатого августа. Надеюсь, пост премьер-ера вас устроит?

— А Касьянов? — осторожно спросил Примаков.

— На ваше усмотрение, — поморщился Путин. — Почему это мы с вами должны думать о всякой ерунде? Вам ведь понадобится секретарь-референт? Он юноша резвый и представительный... Прозит! — И Путин налил Примакову несколько капель доброго французского коньяка.

Утро девятнадцатого августа в Форосе выдалось на диво ясным и теплым. Вечер президенты провели за прекрасно накрытым столом и поняли, что им друг с другом скучно не будет. Рано утром, пока все еще спали, Путин бросился в воду с четвертого волноло-

ма, глубоко нырнул и нащупал кнопку. Форос оказался отрезан от мира.

За завтраком второй и, как он надеялся, последний президент России слегка надавил своей задней частью на диван, и вертушка послушно вырубилась.

— А не посмотреть ли нам, ребята, телевизор? — весело предложил Путин, ерзая на диване, чтобы отключить спецсвязь уже наверняка. — Александр Рыгорович, не сочти за труд, передай пульттик...

Президенты с надеждой уставились в экран.

— Так что ты задумал, Владимир Владимирович? — радуясь возможности поговорить по-русски, спросил Кучма.

— Фейфас увнаеф, — процитировал Путин любимый анекдот.

По всем каналам передавали «Лебединое озеро».

— Что ли, умер кто или что? — спросил наивный бацька Лукаш и подозрительно, как на призрак, посмотрел на Путина.

— Много будешь знать — перевыберут, — хохотнул Путин. — Лучше музыку хорошую послушай. Или ты русскую классику не любишь?

Лукашенко любил русскую классику, в особенности марш Черномора, и почел за лучшее промолчать.

— Па-ам! па-па-па-па-па-ам! Па-па-па-па-па-пам! — зазвучала главная тема, и на экране возник Евгений Болдин, специально отозванный из отпуска. Лицо его чуть подергивалось.

— Передаем последние известия, — начал он. — Сегодня в Москве образован Государственный комитет по чрезвычайному положению. Наш корреспондент побывал на его пресс-конференции.

На пресс-конференции, где вместо журналистов на всякий случай сидели переодетые в штатское курсанты Высшей школы КГБ, в любой момент готовые крикнуть: «Давно пора», Примаков выглядел спокойнее всех. Остальные не могли удержать дрожи. Рушайло, впрочем, довольно прилично — хоть и без выражения — зачитал обращение к народу, сочиненное Павловским при соавторстве Кургиняна. Кургинян, как всегда, увлекся наукообразной лексикой, но в целом все звучало внушительно. Путин с радостью узнал о том, что тяжело болен и вернется к исполнению своих обязанностей, как только разрешат врачи.

— Здоровья вам, дорогой Владимир Владимирович! — не удержался после этого абзаца Рушайло и умоляюще поглядел в объектив.

Болдин зачитал прогноз погоды, добавив, что над всей Россией безоблачное небо, — и лучший балет Петра Чайковского возобновился с самого интересного места.

Повисло тягостное молчание.

— Ну, каков я? — Путин победоносно обвел глазами собрание. — Как вам это понравится? Сейчас и у вас начнется нечто подобное — они же знают, что мы все в Форосе... Пусть, пусть оппозиция порулит. А мы отдохнем. И увидим небо в алмазах.

Президенты СНГ недоумевающе переглянулись. Они поняли, что всё всерьез.

— Сейчас, сейчас... я только в туалет, — засуетился Рахмонов, и его сдуло.

— Эк его разобрало! — усмехнулся Путин.

Он вспомнил горбачевское предсказание и подивился мудрости предшественника своего предшественника.

Следом за Рахмоновым в туалет отпросился Лукашенко, за ним — Кучма, и скоро Путин остался перед телевизором один. Он посмеялся трусости коллег, но вскоре, будучи разведчиком-профессионалом, почувствовал неладное. Они слишком долго не возвращались.

— Эй, — позвал он, — вы что там, смылись?

— Так точно, — доложил офицер охраны, сходя и щелкая каблуками. — Смылись все до единого.

— Каким образом? — не понял Путин.

— На личных самолетах, — объяснил офицер. — Один за другим. Вы разве звука не слышали?

— Не слышал, — недоуменно ответил Путин и сделал потише «Лебединое озеро». Одетта почти беззвучно махала крыльями. К настроению Путина сейчас больше подошел бы «Умирующий лебедь». — Что, так все и улетели?

— Конечно. Кучма просил вам передать, что жаловаться — одно, а терять власть — совсем другое.

— Можете идти, — безглаголиво отрубил Путин и переключился на украинское телевидение.

Там все было спокойно — как раз шел выпуск новостей. Сообщали об очередной заварушке в парламенте, об успехах местных хлеборобов, о зарубежных гастролях Театра имени Леси Украинки — и только в самом конце, перед новостями спорта, бегло упомянули о том, что президент Путин интернирован и находится на территории Крыма, а в Москве установилась власть силовиков.

— Совершенно не уважают, черти, — поморщился Путин. — Ну ничего, мы их живо к ногтю... дайте только свои гаечки подзакрутить — будет вам союзный договор...

Он переключился обратно на Первый канал. Балет закончился, добро восторжествовало, и начался очередной выпуск новостей. Он Путина не обрадовал: перед Белым домом всюду строились баррикады, и Евгений Евтушенко с трибуны читал спешно сочиненное стихотворение. Снизу рвался Вознесенский, но Евтушенко отпихивал его ногой.

— Что ж они бездействуют, — впиваясь ногтями в ладони, повторял Путин. — Жахнуть один раз по всему этому благородному собранию... как в девяносто третьем году...

Но ничего подобного не было. На площади царило праздничное оживление. Многие разводили костры, несмотря на белый день. Ветераны чеченской войны набирали отряды и отдавали приказания. Молодежь брэнчала на гитарах. Черкизов, целый и невредимый, грязно ругался в микрофон. Пироманка Новодворская сладострастно поджигала чучело Рушайло — Путин мельком отметил несоответствие количества звездочек на погонах. Шевчук орал с трибуны: «Прогривистело, чуть поело...»

— Бред какой-то, — шептал Путин. — Тоже мне, легенда русского рока...

Журнал «Фас» в полном составе, во главе с Бруни, лаял в микрофон, изображая пресс-конференцию ГКЧП.

— Собаки, — тряс головой Путин, — собаки...

В следующую секунду он отшатнулся от экрана и закусил кулак, чтобы не закричать. На танк поднимался Ельцин.

— Россияне, — сказал он по складам. — Я ввваш президент!

Площадь взорвалась приветственным ором. Из динамиков грянуло: «Борис, ты прав!»

— Йййя нникому не дам! — воскликнул он. — Шта-а-а, понимаешь...

— Вау! — взревела толпа.

Ельцин пошатнулся. Его поддержал Абрамович, стоявший, как всегда, в тени.

— И мы их всех! — раздельно закончил Борис.

Его спустили с танка и отвели в первый подъезд. Там его уже ждал Бурбулис, живо приехавший из своего фонда.

— Предупреждали меня, — шлепнул себя по лбу Путин. — Говорили мне, что вся эта передача власти — только бесплатный цирк... Вот тебе и третий срок! Ах я дурья башка! Главного-то и не просчитал!

Он кинулся к вертушке, но вспомнил, что спецсвязь отключена. Всей тяжестью он шлепнулся на диван и заерзал, как бешеный, — но вертушка включалась другой кнопкой, а про нее Горбачев ничего не сказал. В отчаянии бросился он к волнорезу, но понял, что сейчас не до ныряний, — кнопка включения прочих средств связи наверняка находилась в другом месте, а он позабыл спросить и о ней! Он побежал к самолету — но самолета, конечно, не было. На нем улетел Кучма, который приехал в Крым поездом, благо недалеко.

Путин упал на взлетную полосу и стиснул голову руками.

«Ну все, — обреченно подумал он. — Теперь он наворотит...»

Жальче всех ему было Лужкова с Примаковым.

В декабре 2000 года Ельцин с губернаторами поехал в Беловежскую Пущу и распустил Российскую Федерацию, после чего отнял у Путина фонд.

В октябре 2002 года Белый дом снова расстреляли из танков, на этот раз окончательно.

В июне 2004 года Зюганов проиграл выборы.

В августе 2006 года разразился кризис. Примакова выпустили и сделали премьером.

В марте 2008 года президентом России стал Патрушев.

В августе 2008 года ему захотелось в Форос.

Дела троянцев были плохи. Никто уже не останавливал Кассандру, носившуюся по стогнам с криком: «Ясно вижу Трою павшей в прах». Ахейцы стояли под самыми стенами и улюлюкали.

Парису все это надоело. Он терпел-терпел и воззвал:

— Да что же это такое делается! Афродита, ваше превосходительство! Слети сюда, ременнообутая, зря, что ли, я тебя яблоками кормил!

В ту же секунду с Олимпа молнией слетела пенорожденная.

— Ну? — с важностью спросила она.

— Лук гну! Ты посмотри, что делается! Менелай скоро совсем взъярится, Ахилл зовет Гектора биться один на один, в городе паника! Живем в осажденной крепости, а она спрашивает — чего!

— Ладно уж, — произнесла златовласая. — Выручу я вас... мученики Эроса! Из-за любви страдаете. По осажденным крепостям — такой специалист у нас имеется. Пришлю вам из далекой Скифии Киселя,

Алексеева сына! — Топнула ременнообутой ножкой и пропала.

А перед Парисом вырос вместо богини довольно плотный мужчина в расцвете зрелости, в темной тунике, усыпанной зелеными горошинами.

— Туда-сюда дергают, — забормотал он недовольно, — ни минуты покоя... Где я, собственно, нахожусь? Это что, Испания? Володя, э-э, что за шутки?!

— Троя это, — буркнул Парис, в душе браня покровительницу.

Он не верил, что этот мужчина, хотя бы и столь корпулентный, способен был бы обратить в бегство ахейские войска. Он и говорил-то с эканьями и промедленьями, что троянский красавец объяснил себе непривычкою к древнегреческому.

— Ну ладно, — недовольно произнес сановный гость. — Рассказывайте, чем могу.

— Как обращаться к тебе, телеснообильный? — учтиво осведомился Парис.

— Евгеник, по-вашему Алексид. Валяй, излагай.

Некоторое время, переходя с гексаметра на разговорную речь и обратно, частично сократив перечень кораблей, но зато в ярких красках расписывая прелести Елены, Парис в пышной древнегреческой манере пересказывал Алексиду «Илиаду»:

Вот и сидим, как кроты, у ахейского войска в осаде.

Просят обратно Елену, однако получают не больше,

Нежели мертвого уши осла, что издох с голодухи!

Наш шлемоблещущий Гектор со братцем своим

Деифобом

Жалкого сына Фетиды погонит метлою поганой

И Одиссея пошлет хитроумного так, что брадатый

Муж итакийский покатится к бабе своей колбасою!

— Э, э! — остановил его Алексид. — Это все эмоции. Ничего, отпиаримся, бывал я в переделках и похуже. Значит, для начала: подготовьте, пожалуйста, базу данных на этих, как их... вот черт, с первого курса не перечитывал! Агамемнона, Ахилла, Одиссея и прочих так называемых вождей ахейского кровавого режима. Второе: что у вас с финансированием?

— Деньги еще не изобретены, — понурился Парис.

— Так натуру обеспечьте! Маслины там, козий сыр, оливковое масло... Поймите, без финансирования пиар не делается! Как я найму деятелей культуры? Аэдов, бардов? Далее: как обстоят дела с верховным покровительством?

— С ним практически никак, — еще грустнее признался троянец. — В последнее время мы в немилости. С Олимпа к нам слетает исключительно Афродита, и то в память о том яблоке...

— Негусто, — кивнул Алексид. — Но тоже дело. Создайте партию «Яблоко», Афродита пусть возглавит... ну, это я решу. Теперь мне хотелось бы видеть Елену.

— Зачем это? — подозрительно прищурился Парис.

— Да ладно вам, — потрепал его по плечу новый помощник. — Смешно, ей-богу... Я люблю только свободу! А с Еленой надо кое-что обговорить.

Елена приняла Алексида во дворце. Против ожиданий, восторга он не выказал.

— Да, фактура не ахти. Не Новодворская. Борец за свободу из вас, конечно, как из Немцова народолобец... но ничего, будем работать. Значит, запоминайте: вы покинули Менелая потому, что он зажимал вашу свободу слова. Бежали из его репрессивного государства к вольнолюбивым троянцам.

— Свобода слова? — переспросила Елена. — Но я дала Парису... отнюдь не слово!

— Слушайте! — не выдержал телеснообильный. — Вам победа нужна или буквоедская точность в деталях?

— Но в Трое отродясь не было никакой свободы слова! Здесь как Приам скажет, так все и думают!

— И прекрасно, Приам плохого не скажет. Он истинный отец города, крепкий хозяйственник, своего рода троянский Лужков... Если уже есть одно мнение, зачем же другое? Это и есть истинная свобода — свобода разделить убеждения мужа совета. В общем, Менелай вас тиранил, не давал слова сказать, унижал всячески...

— Вот еще! — пожала плечиком Елена. — Попробовал бы он! Он просто противный...

— Противный — это аргумент для нас с вами, — терпеливо разъяснял Алексид. — Завтра же выступите со стен Трои с текстом обращения, который я за это время подготовлю. Теперь пойдете покушаем, а вы, как вас, Парисий, разошлите куда гонцов за бардами и аэдами. Велите передать: свобода в опасности. Если Ахилл возьмет Троию — вообще запретит рот открывать.

Парис побежал отдавать распоряжения и готовить упитанного тельца. Он уже успел смекнуть, что с этим человеком можно иметь дело.

— Э, э, кстати! — крикнул ему вслед негаданный спаситель. — Будьте добры... у вас там, я помню, бежала какая-то Кассандра...

— Да она сумасшедшая, — виновато признался Парис. — С чокнутой какой спрос?

— Сумасшедшие, если хотите знать, наш главный резерв, — назидательно поднял палец Алексид. — Давайте ее ко мне, побеседуем.

— Ясно вижу Троию павшей в прах! — привычно заныла Кассандра, внимательно оглядывая пришельца сквозь спутанные волосы.

— Хорошо, хорошо, голубушка, — одобрительно кивнул телеснообильный. — Вы, кажется, единственная в этом городе, с кем можно иметь дело. Мне нравится ваш стиль. Только вместо «Троя» кричите «Ахайя». Ясно вижу Ахайю павшей в прах.

— Но я же вижу Троию, — недоуменно отвечала Кассандра.

Алексид поморщился:

— Ну милая моя! Ну что вы своему-то впиариваете? Сколько вам платит Агамемнон?

— Я правда вижу! — заплакала Кассандра.

— Ну если не платит, так вам тем более должно быть все равно. Вам же главное — кричать, так какая разница — о чем? Давайте вместе попробуем: «Ясно вижу Ахайю павшей в прах!»

— Ясно вижу Троию... Ахайю павшей в прах!

— Ну и вот. Вы мне даже Альбац напомнили, в смысле пафоса. Только потренируйтесь, а то ведь опозоримся в эфире.

Утром следующего дня на ахейских кораблях проснулись от звона щитов, доносившегося со стен Трои. Неизвестный воин тяжело ударял в медный щит и возглашал:

— В прямом эфире НТВ — Новое Троянское Вещание! Последний оплот свободы слова на территории Древней Греции обращается ко всем, в ком еще

не умерла совесть! Слушайте эхо Трои, остальное — видимость!

Поколотивши в щит, Алексид (а это был именно он) сделал шаг вперед, к самому краю крепостной стены, и заговорил:

— От Троянского информбюро. Пользуясь верховным покровительством, без которого ни хваленый Ахилл, ни пресловутый Агамемнон не смогли бы даже натянуть лука, преступный, кровавый режим ахейцев пытается удушить последнего гаранта греческой демократии! Выдвигая несообразные требования, ахейские тираны осадили нас в четырех крепостных стенах! В городе страдают старики и дети! — За стеной раздался дружный, хорошо отрететированный вой.

— Слушай, ты! — не вытерпел Менелай. — Что значит — необоснованные требования? Они у меня жену умыкнули, или я чего-то не понимаю? Жену надо возвращать!

— Под надуманным предлогом возвращения жены, бежавшей от бессердечного тирана, — нимало не смущаясь, продолжал вещать Алексид, — ахейцы пытаются обратить троянцев в рабство и вернуть Грецию в додемократическую эпоху! Мало ли кто кому должен! Со Спарты спросите, с Микен... Почему надо начинать именно с Трои, с единственного города, где научились как следует обжигать горшки?! А теперь, дорогие слушатели, прослушайте скромный концерт лучших бардов Средиземноморья, приехавших поддержать отважных борцов! Конечно, ни в Микены, ни на Итаку их теперь не позовут, но они не смутились и все равно поддерживают осажденный Илион!

Со стен на все лады заголосили аэды и барды, которых и так не взяли бы ни в какие Микены. Все они как следует накачались даровым фалернским и хорошо закусили оливками. Солдаты ахейской армии побросали оружие и побежали смотреть. Со стен Трои щедро спускали бочки с дешевым местным вином.

— Хватит дезорганизовывать армию! — зычно крикнул Ахилл, заглушая бардов. — Не хотите отдавать жену Менелая, давайте биться один на один! Только в таких поединках решаются судьбы великих сражений!

— Ищите дурака! — показал язык Алексид. — Встречаться в прямом эфире с человеком, которому напрямую покровительствует Афина, — политическое самоубийство! Наши спорные вопросы мы будем решать с вами только через суд! Если понадобится — Верховный!

За спиной Алексида тут же нарисовался суд — три троянских старца в длинных, до земли, туниках.

— Так они три года будут думать! — крикнул кто-то из ахейян.

— А мы у себя дома, мы никуда не торопимся! — крикнул из-за спины Алексида невысокий бородатый мужчина с быстрыми хитрыми глазками и несколькими глиняными куклами в смуглых руках. — У нас отличная команда!

— Мы — команда! — хором взвыли троянцы.

— А теперь вы услышите обращение Прекрасной Елены, символа троянской вольности! — возгласил Алексид. — Попросим!

— Просим, просим! — заплодировали ахейские воины. Всем хотелось посмотреть на Елену.

Елена в лучшем наряде, тщательно запудренная для бледности, вышла на городскую стену.

— Простые жители Ахайи! — чуть задыхаясь от волнения, с достоинством начала она. — Пять долгих лет томилась я в заточении у жестокого Менелая, на хлебе и воде, лишенная избирательских прав... ни тебе в цирк, ни тебе в театр...

— Опомнись, Лена! — заорал Менелай. — Все я терпел, все, но хоть не ври! Где ты видела в Древней Греции, чтобы женщина ходила в театр и имела избирательские права?!

— Защитники свободы слова игнорируют трусливые шакальи выкрики прозевсковских армий, — комментировал Алексид. — Кровавая Зевсова шайка вооружила против нас сомнительного авантюриста Агамемнона, у которого что-то там было с дочерьями жреца Хриса, а также бездарного пиарщика Одиссея и патологического садиста Менелая! Я молчу уже про Ахилла с его немьгыми пятками...

— Вы бы не очень про Зевса-то, — умоляюще прошептал Парис. — Разразит, на месте разразит...

— Как это он меня разразит? — презрительно отвечал телеснообильный специалист по осажденным крепостям. — Он должен демонстрировать олимпийское спокойствие. Если меня разразить, такая вонь подымется, что на Олимпе мало не покажется!

— Ясно вижу Ахайю павшей в прах! — завизжала Кассандра, бегая по городской стене. — Горит, горит Ахайя, красивая такая!

— Слышите голос пророчицы? — возгласил Алексид. — Пророчица просто так ничего не скажет!

— Ну если это журналистика, — раздался глуховатый голос на городской стене, — то мне надо ме-

нять профессию. Вот наемдни, я помню... Прощайте, троянцы, я ухожу в никуда.

— Это кто еще такое? — презрительно поинтересовался пиарщик.

— Это местный журналист, Леонид Парфянин, — зашептал Парис, — большой стилист...

— Ну и пусть катится, — пожал плечами Алексид. — Крепче сплотимся.

— Ты прикрываешься пацанами, — оборотился Парфянин к Алкиду.

— Предатель, предатель! — заорал хор пацанов, вытягивая вибрирующие от гнева указательные пальцы в сторону несчастного Леонида.

— Ты предаешь свободу слова! — грозно выступил вперед Деметриус Тибров, что родом с берегов полноводного Тибра. — Иди и не оглядывайся!

Леонид Парфянин подумал-подумал и присоединился к ахейскому войску. Его «никуда» оказалось подозрительно близко.

— А теперь, — грозно возгласил Алексид, — отважно спустившаяся к нам с политического Олимпа предводительница партии «Яблоко раздора» исполнит для вас свой новый хит «Погрязшие»!

Афродита во всем блеске своей красоты спланировала на городскую стену с золотым яблоком в руках.

— Ахейцы! — начала она. Уже при первых звуках ее божественного голоса ахеяне пали в прах. — Ваши вожди погрязли в коррупции и разврате! Они посылают вас на жестокую, кровопролитную, никому не нужную войну ради своих сомнительных интересов!

— Правильно! — выкрикнул из ахейских рядов горбатый Терсит. — Чеши, мать, режь правду!

— Ахейцы! — продолжала Афродита. — Разве вы не хотите смотреть такое каждый день!

— Знамо хотим! — заплодировали воины.

— Так не дайте же удушить Народное Троянское Вещание! — закончила Афродита и под рукоплескания вознеслась на Олимп.

Там ее уже ждал с пучком розог нахмуренный Зевс.

— Ты что делаешь? — напустился он на дочь. — Ты кого привела?! Разражу, ей-ей, разражу! Клянусь мамой Геей, папой Ураном, дядей Кроном... — И он набрал воздуха, чтобы произнести длинную и заковыристую клятву.

— Спокойно, папа, — вклинилась Афродита в возникшую паузу. — Ни меня, ни его тебе трогать нельзя. Люди смотрят.

— Что мне люди! — завопил Зевс. — С какой стати я должен считаться со смертными!

— Вот и не считайся, — ласково промурлыкала Афродита. — Что тебе людские дела! Храни нейтралитет. И помни: смертные — это наш электорат.

— Электра... что?! — вскинулся Громовержец.

— Избирательный материал, — пояснила Афродита. — И если ты начнешь уничтожать независимую прессу, лишая народ зрелищ, — жертвенники могут и опустеть...

— Тьфу, — выругался Зевс и пошел выпивать с Посейдоном.

Три дня и три ночи продолжалась осада ахейского войска со стороны осажденного Независимого (Народного, Нашего) Троянского Вещания. Несколько раз за это время солдаты принимались привычно биться, но Алексид то и дело останавливал их, преры-

вая боевые действия непонятными рекламными паузами. То он среди боя вдруг принимался нахваливать оливки, то ни с того ни с сего запевал: «Пьяной горечью фа-а-але-е-ерна...», то умолял ахейцев, чем попусту драться, написать родителям. Ежевечерне он на троянской стене ругал Зевса, рассказывая такие факты из его биографии, что ахейцы недоверчиво качали головами:

— Откуда только берет?

— Если говорит — стало быть, знает...

Ахейцам было невдомек, что основные сведения о гулянках, пьянках и опрометчивых поступках Зевса Алексид Кисель почерпнул главным образом из книги «Легенды и мифы Древней Греции», да и вообще большая часть его информации относилась к области легенд и мифов, — но излагал он так гладко и убедительно, что не поверить не было никакой возможности. К тому же Терсит все чаще заговаривал о том, что война противозаконна и бесчеловечна, в окопах надоело и вообще глобализм давно упразднил необходимость противостояний. Послушать его, так выходило, что ахейцам лучше всего сдаться и наняться к троянцам в рабы. Попытка подsunуть в Трою деревянного коня не удалась, поскольку Алексид запер все городские ворота, да и троянцам на всякий случай запретил покидать дома, не разрешая даже выйти на двор.

— Терпите, — приговаривал он. — Мы в осажденной крепости или где?

На четвертый день Агамемнон и Менелай, бешено ругаясь, стали поднимать паруса на своих кораблях.

— Нет, я понимаю, когда война, — бурчал про себя Агамемнон. — Когда война — я могу. Но когда

так... Такими средствами я не умею. Пусть Ахилл воюет.

— Да-а? — хором отвечали Ахилл и Патрокл. — С таким воевать — себе дороже.

— Ничего, — утешал Одиссей. — Они с этой бабой еще наплачутся.

— Она теперь не баба, — язвительно напомнил Менелай. — Она теперь свобода.

— Значит, они еще наплачутся с этой свободой, — резонно резюмировал Одиссей.

Торжествующий Алексид между тем принимал поздравления.

— А все почему? — объяснял он снисходительно. — А все потому, что мы команда!

Парис на радостях пытался обнять Елену.

— Лапы убери! — взвизгнула та. — Я неприкосновенна. Слышал, я кто?

— Жена моя, — недоуменно отвечал Парис.

— Я свобода прессы! Меня никому трогать нельзя!

Парис плюнул с досады, но промолчал. За победу надо было платить. С тоски он взобрался на Кассандру, которой действительно было теперь все равно, что кричать и под кем извиваться.

— Гомера позвать, — распорядился Алексид. — Наша победа должна быть увековечена.

Двое дюжих троянцев приволокли слепого старца с кифарой.

— Значит, так, — начал Алексид. — Запоминай, старик. Э-э-э... Гнев, богиня, воспой Киселя, Алексева сына... Грозный, который ахеянам тысячи бедствий содейл...

Путин обвел зал сочувственным и вместе требовательным взглядом. В Кремлевском дворце съездов сидели все депутаты Государственной думы, администрация президента и в полном составе Совмин.

— Братья и сестры, — сказал президент, как обычно, усиленно артикулируя губные согласные, словно целуя всех согласных с собою. — К вам обращаюсь я, друзья мои. Летних каникул и отпусков в обычном смысле слова в текущем сезоне не будет. Сдайте путевки, откажитесь от курортов, пустите на свои дачи крестьянских детей. Они ничего подобного не видели и вряд ли когда увидят. А вам я рекомендую окунуться в жизнь. Страшно далеки мы от народа, страшно... Лучший отдых, как известно, — смена занятий. Займитесь, наконец, тем, чему вас учили. Вспомните себя молодыми, работающими по специальности... Вот наш общий друг Сергей Кириенко уже отослан на место своих первых трудовых успехов, в Поволжье... Клянусь, осенью вы вернетесь в Думу и правительство загорелыми, отдохнувшими и с отличным знанием жизни на местах!

На сцене сидел Волошин и раздавал конвертики с назначениями. Администрации пришлось немало потрудиться при знакомстве с личными делами депутатов и министров, но база данных была создана — и теперь каждый получал путевку в родную стихию.

Кому-то это было некстати, потому что за политической деятельностью и законотворчеством изрядная часть депутатов совершенно разучилась держать не то что рубанок, но и перо, и лом — все, чем народные избранники были славны до своего народного избрания. Большинство вообще способно было удержать только деньги, причем нерусские, — все остальное загадочным образом валилось из рук. Новая президентская инициатива касалась не только депутатов и министров, но и олигархов, и главных приближенных президента, чьих должностей никто не знал, но имена произносились с трепетом. Тем самым вводилось равенство и предупреждались обиды. Проследить за исполнением должны были президентские представители в округах, которых предполагалось окунуть в жизнь позже. Нельзя же, чтобы все руководство страны сразу уходило в отпуск! (Исключение, как всегда, составлял Кириенко, на котором проводили контрольный эксперимент.)

— Все разъехались? — спросил утомленный, но довольный Путин у взмокшего Волошина, которому поручено было проследить за исполнением директивы.

— До одного! — рапортовал Волошин и отбыл слесарем в паровозное депо.

— Вот и славненько! — произнес президент и с наслаждением придвинул к себе папку с надписью «Донесения личной агентуры». Сил нет, как он истоско-

вался по шпионско-вербовочным временам, да и материала скопилось предостаточно. Если Шандыбин о своей бывшей работе сохранил самые мрачные воспоминания, то Путин всегда любил оперативную деятельность.

...Кириенко на родном заводе чувствовал себя как рыба в воде: почти все было по-прежнему, только мощности устарели да работяг убавилось. Впрочем, и контингент был почти прежний — новые не шли, а старые не уходили, потому что не могли прожить на пенсию. Смущало только отсутствие комитета комсомола, в который Сергей Владиленович думал перейти из цеха — о, не сразу, конечно, а где-нибудь на третий день, чтобы не вызывать подозрений в лени. Но комсомол — отличная школа: если чего-нибудь нет — создадим! На третий день, как и планировалось, Сергей Владиленович создал комитет по досугу, на четвертый возглавил его, а на пятый у завода начался культурный отдых. Тут только Кириенко оценил все преимущества новой реальности, в которой никакой комсомол уже не стеснял его инициатив. Через неделю после создания комитета по досугу завод полностью прекратил свою убыточную работу по производству никому не нужных вещей — отчего все только выиграло, — а помещение его целиком занял кириенковский комитет. Сергей Владиленович с подручными организовал в городе несколько стильных клубов, создал штаб СПС, три интернет-салона и четыре новых банка. Местные нюски выкрасили соломенные кудри в зеленый цвет и стали называться модной молодежью, местные васьки перестали ходить в десятый класс, пошили себе костюмы и прозвались «яппи».

Деньги текли к Кириенко рекой — он отправлял бывших работяг в Турцию, организовал небольшую пирамиду, причем в функции ГКО выступали акции упраздненного завода, — а бывший цех горячей штамповки сдал под скромный подпольный бордель под вывеской фирмы «Кучерявая жизнь». Популярность Сергея Владиленовича в городе была колоссальна, на его пирамиде играло все начальство, работяги оттягивались в клубах, в «Кучерявую жизнь» был конкурс по три пятиклассницы на место, и до дефолта оставалось еще как минимум года полтора. Некоторые нашептывали Сергею Владиленовичу, что пора бы подумать и об упразднении в области сельского хозяйства, потому что с самого начала виртуальной эпохи еда в стране непостижимым образом получается сама собою — что ж людям мучиться на полях? Бывший лидер Союза правых сил наслаждался славой и все чаще сомневался, что ему стоит возвращаться на государственную службу.

...Валя Юмашев был брошен на печать, но как лицо, приближенное к президенту, получил право лично выбирать — на какую именно. Он выбрал «Самую Честную Газету», в которой его и президентскую семью поливали с особенным сладострастием. Тем более что во времена Валиного алопарусного процветания в «Комсомолке» нынешний редактор «Самой Честной» внештатничал там же — присылал пылкие репортажи о бесчинствах местных властей.

— Ну и каковы мои обязанности? — спросил Валя у редактора политического отдела, куда он был приписан по собственной просьбе.

— Да все просто, старик, — пояснил бывший коллега. — Берешь «тассовку», вместо «президент» вписываешь «гнусный режим», в конце приписываешь «Это все Березовский» и сдаешь на первую полосу.

— Ну хорошо, а расследования?

— Еще проще, старичок. Слава богу, Филипп Денисыч кое-что умеет. Набираешь на компьютере «Navi.ru» или «Nas.ru», скачиваешь любые разговоры, потом я даю тебе в глаз — якобы ты пострадал при добыче текста, — мы это вздуваем до небес, и материал выходит в лидеры.

Валя зашел на сайт «Nas.ru», прочитал свой пейджер, сличил с оригиналом и пришел в восторг.

— Ну ладно, а аналитика? — спросил он напоследок.

— С аналитикой совсем легко, старый, — успокоил его редактор. — У нас в аналитическом центре мэрии работает один бывший комсомольский секретарь... Пишет — зачитаешься. Просто соловей. И про травлю оппозиции, и про зажим свободы... Ну поправишь там пару слов, когда его уж совсем понесет: вместо «гениальный московский мэр» поставишь «честный», вместо «потоки клеветы» впишешь «сомнительные домыслы»... Просто чтобы не повторяться. Потом обнуляешь жесткий диск — якобы это диверсия, — мы на неделю задерживаем номер, и твой материал в топе.

— Где? — уточнил Юмашев.

— Ну, в топе, на первых позициях, — объяснил начальник. — Потом иногда, опять же для разнообразия, съездишь к Женьке Абзац — на виллу, там, или на Канары, — она тебе покричит минут десять на диктофон, как у нас притесняют честную журнали-

стику, а ты размажешь на разворот. Ты же умеешь, я знаю... В общем, приступай. Зарплату получишь вон в том кабинете, а поощрительный конвертик от наших друзей — вот в этом. Только смотри не болтай потом наверху! — И, заговорщицки подмигнув, побежал по своим делам.

Валя по старой журналистской привычке забросил ноги на стол, отпил глоток «Балтики» и решил, что при его способностях он быстро сделает себе репутацию самого честного журналиста и соответствующие деньги, а в государственной власти одна головная боль, урон репутации и куда более сложные задачи. Он и не предполагал, что журналистика, особенно оппозиционная, стала в наши дни таким простым делом. Опять же, внештатницы в современной прессе были отменно хороши и на все готовы «ради нескольких строчек в газете». Надо было очень, очень подумать, прежде чем возвращаться на пост главного теневого консультанта.

...Березовский пошел в среднюю школу преподавать математику, поскольку за время реформ его НИИ был упразднен, здание сдано в аренду, а большинство коллег давно процветало в мелком и среднем бизнесе. Специально для него одну из московских школ перевели на летний режим работы, пообещав каникулы на всю зиму. Дети согласились охотно — кому приятно просыпаться зимой, когда еще темно? Лучше поучиться летом — по крайней мере предки не заставят горбатиться на даче. Педагогов никто не спросил.

Преподавание давалось Борису Абрамовичу легко. Дети, правда, сетовали на его слишком быструю

речь, но олигарх, мастерски оптимизирующий любой процесс и защитивший на этом докторскую, легко нашел выход из положения. Он выбрал из класса одного, самого понятливого, за десять минут объяснял ему материал, потом оставлял его за себя, а сам бежал в школьную радиорубку обдумывать комбинации. Через неделю, реализовав свою первую схему, он сместил завуча. Через две недели, искусно играя на вражде учителя труда и преподавательницы черчения, выгнал заместителя директора по внешкольной работе. На оба поста он продвинул своих людей, знакомых ему еще по «ЛогоВАЗу», не имевших к педагогике никакого отношения, но потрясающе руководивших все равно чем. Вскоре школу обнесли новым забором, наняли охранника за три рубля в час (в качестве охранника выступал приодетый бомж из соседнего двора дядя Вася), собрали с родителей по три сотни на того же охранника, вырученные деньги прокрутили в одном скромном банке на Кипре, и через три недели Березовский купил директора. Директор пошел в ту же школу уборщицей на три свои ставки, а в новые директора Березовский провел бывшего однокашника по Институту управления. Тот быстро довел доходность школы до ста пятидесяти процентов ежемесячно (как ему это удалось — никто не знает, но деньги так к нему и липли). Главного правдолюбца, учителя пения, который утверждал, что Березовский растлил коллектив, — хитрый олигарх сделал главным редактором местной стенной газеты, в которой позволял мочить себя как душа пожелает. К осени всем детям, включая первоклассников, были куплены отличные аттестаты, десятиклассники без

экзаменов поступили в престижные вузы, родители не могли нарадоваться на нового математика, а сам Березовский, оставив за себя того самого смышленного старшеклассника и приобретя ему диплом физмата МГУ, перепрыгнул на должность делопроизводителя в Министерство просвещения, чтобы навести порядок и там. О возвращении в большую политику он не думал, обладая свойством всецело отдаваться новой задаче.

...Волошин процветал в депо. Должность помощника машиниста была далеко не так хлопотна, как должность помощника машиниста более громоздкого и менее управляемого локомотива, занимавшего шестую часть суши. За время руководства президентской администрацией Волошин успел хорошо понять, что большинство машинистов имеют превратное представление о природе своей должности. Им кажется, что паровоз должен куда-то ехать и что-то везти. В прошлом веке это, может быть, и было верно, но в новые времена никуда не годилось. В виртуальную эпоху главная задача паровоза — маневрировать, создавая видимость движения и не мешая вагонам постепенно расхищаться теми, кому они действительно нужны. В силу этого Волошин так подбирал маршруты движения паровозов, что они регулярно приходили в тупик, откуда он потом с присущей только ему ловкостью их по три дня вытаскивал. Каждый такой вывод локомотива из тупика представлялся начальству и машинистам огромной победой Волошина. Тот факт, что он сам же загнал паровоз в тупик, при этом совершенно ускользал от их внимания — Волошин на это и рассчитывал, будучи прирожденным психологом, и скоро попал на Доску

почета. Его собирались даже перевести в машинисты, но от этого он наотрез отказался. Ему гораздо больше нравилось загонять паровозы в тупики и выгонять их оттуда. Скоро работа депо, как и работа президентской администрации, всецело замкнулась сама на себе. Пассажирские и грузовые перевозки заглохли, и слава богу. Пассажиры — в зависимости от своего финансового положения — стали ходить пешком или летать самолетами Аэрофлота, вследствие чего бедные закаляли здоровье, а богатые способствовали развитию главной отечественной авиакомпании. Товары же стали попадать к кому надо, минуя громоздкую перевозку. Начальство не могло нарадоваться на Волошина. Каждое его появление на работе приветствовалось восторженным ревом гудков. Это было гораздо лучше, чем труд в президентской администрации, где его никто толком не ценил.

Бывший прораб Лесин и на строительстве не мог избавиться от навыков министра печати. Первым делом он прикрыл стенную газету — на том основании, что работать надо, а не языком трепать. Всех строителей он быстро поделил на две категории: одни матерились в адрес прораба Шанцева, другие — в адрес президента Путина и всей кремлевской власти вообще. Тех, кто ругал Путина, Лесин предупреждал и после третьего предупреждения лишал премии. Тех, кто ругал Шанцева, Лесин тоже предупреждал, но ласково, и после третьего предупреждения премией награждал. А с ядреным народным словом и работа идет легче, так что объекты стали сдавать значительно быстрее — Лесин обязательно заработал бы поощрение от московского мэра, если бы московская мэрия не

была в полном составе (кроме прораба Шанцева) отослана на овощебазу, где Юрий Михайлович когда-то начинал свою бурную деятельность на благо Москвы. Отослали туда, правда, одного Юрия Михайловича, но клеветы, давно не мысля себя отдельно от дорогого начальства, метнулись вслед за ним из солидарности. Впрочем, на овощебазе у них теперь не очень ладилось, потому что все южные фрукты они по распоряжению Лужкова тут же отделили от наших отечественных овощей и принялись гноить в специальных загонах, называемых обезьянниками, — а свои, подмосковные, огурцы, помидоры и картошку окружили особенной заботой. Бананы, апельсины и черешня — эти нерегистрированные иногородние изгои плодового мира — злонамеренно воняли и разлагали остальных, здоровых членов овощного коллектива, пытаясь заразить их своей гнилью. Но их регулярно вычищали. Лужков вошел в азарт и стал подумывать о том, что на овощебазе, пожалуй, вычищать иногородних легче, чем в мэрии, да и Доренко не беспокоит. Тем более что Доренко теперь работал в Испании в качестве одного из информаторов Путина, наслаждался каталонским вином и думал на досуге попробовать себя в корриде, но его смущало то, что матадор выходит против быка без всякого прикрытия. Вот если бы рядом был Боря...

Оппозиционер Григорий Явлинский, начинавший карьеру почтальоном во Львове, с толстой сумкой на ремне топал по дворам и внимательно выслушивал жалобы пенсионеров на свою нищую жизнь. «Да, я скажу Владимиру Владимировичу, — говорил он сочувственно. — Я потребую от Владимира Владимиро-

вича!» — хотя требовать надо было вовсе даже от Леонида Макаровича, но заставить себя переучиться он не мог. Правда, проработал он всего неделю — ему стало казаться, что его подсаживают, что весь Львов хочет занять должность почтальона и отнять у него эту синекуру, и вскоре, томимый манией преследования, он бежал в Москву, где создал новую партию из жертв психотропного оружия.

Первого сентября 2000 года Путин явился на работу. Коридоры Кремля были пусты, Государственная дума в полном составе делала деньги на местах — Жириновский преуспевал в качестве лохотронщика, Абрамович торговал чукотскими сувенирами и продал в Америку уже несколько тонн хрена моржового, попутно подыскивая покупателей и на саму Чукотку. Американцы уже чесались. Буратаева процветала на должности старшей пионервожатой одного из калмыцких пионерлагерей и крутила роман с физруком, Примаков писал стихи на даче, Чубайс — прозу в Петербурге. Карелин с облегчением выбросил депутатское удостоверение и боролся с кем попало, восстанавливая форму. Немцов вернулся к физике, получил грант и уехал в Штаты, в благословенный Лос-Анджелес, где можно хоть весь год ходить в белых штанах и никто тебе слова не скажет. Зюганов наконец вернулся в Орел, где играл с пенсионерами в домино, хлебал пиво и ругал нашу сборную. Бомбардировщик Руцкой «бомбил» на губернаторской «Волге», а семья в составе двух сыновей и молодой жены отпугивала частников-конкурентов. Правительство тоже рассеялось кто куда. Администрация и олигархи дружно грабили государство на своих ранних должностях:

наваривать бабки в стране вообще оказалось гораздо проще, нежели чем-либо руководить. И ответственности меньше, и денег, как ни странно, больше. Казна была давно расхищена, а здесь, на местах, в карманах у населения, таился главный ресурс.

— Волошин! — позвал Путин. — Валя! Борис Абрамович!

Только гулкое эхо ответило ему.

— Ну вас к черту! — с некоторым даже удовлетворением выругался Путин и радостно вернулся на Лубянку, где ему предстояло применить допрос третьей степени к депутату Ковалеву, тоже вспомнившему свое диссидентское прошлое и выпустившему чеченский номер «Хроники текущих событий».

Посадил Путин репку. Некоторые до сих пор гадают — почему. А на самом деле это не начало, а конец длинной истории.

...Третий день волновалась толпа под кремлевской стеной. Мелькали красные, трехцветные, зеленые и черные с черепом флаги. Народ в едином порыве скандировал:

— Путин! Посади олигарха! Путин! Посади!

Только что приезжавший Клинтон на прощание тоже сказал по-английски: «Dorogoy drug! Ya, konechno, za svobodu i vse takoe, no parochku oligarhov mozhno i togo... posadit'!» — и широко улыбнулся, как улыбался, вероятно, Монике, предлагая ей сигару.

И даже Волошин, заглядывая иногда в кабинет начальника, тактично намекал:

— Володя, ну что они все говорят, что ты заложник семьи! Посади олигарха, ей-богу. И тебе хорошо, и сокамерникам облегчение.

— Господи! — вздыхал Путин. — Да я хоть сейчас, честное слово! Но кто мне объяснит, что такое олигарх?!

— Олигарх, — почтительно шелестел ему энциклопедический словарь, который пережил в Кремле многих хозяев, — это крупный представитель финансового капитала, обладающий влиянием на вла...

— Да ты по-русски объясни! — вскидывался Путин. — Разные слова я и сам знаю, нас в Высшей школе знаешь как дрючили! «Дневальным называется военный солдат, стоящий на тумбочке и имеющий обязанности...» Но ты мне пальцем покажи: вот это — олигарх! Чтобы я мог его посадить и тем исполнить народные чаяния!

Показывать пальцем словарь не умел и понуро закрывался.

Нельзя сказать, чтобы Путин не пытался исполнить народные чаяния. Он посадил собственные голосовые связки, объясняя населению, как хорошо все обстоит в Чечне. Он посадил военный самолет. Он посадил к себе на колени девочку и, почесывая ее, поговорил с избирателями о нашем светлом будущем. Он посадил дерево в центре Татарстана. Но все это — и связки, и девочка, и самолет, и даже дерево — были, как выяснилось, не олигархи.

— Боже мой! — стонал Путин. — Да чего же им надобно?!

Долго думал новоизбранный президент всех россиян и наконец объявил своей администрации:

— Управляйте покамест без меня. Пойду я, как национальный герой Иван-дурак, искать правду по белу свету. Авось кто научит меня, какие такие бывают олигархи.

Взял в котомку хлеба, сала, луковицу, любимую книгу «Отчизны верные сыны. Биографии рыцарей

плаща и кинжала»... Хотел было захватить мобильный телефон, да подумавши, отказался: все равно в России ни до кого дозвониться нельзя. Перекрестился на собор Василия Блаженного, потом на Лубянскую площадь. И пошел.

Долго ли, коротко ли шел Путин, а только уперся в избушку с надписью «Сибнефть».

«Что за слово такое? — думает. — Вроде и не порусски. Заклинание, наверное».

Да как гаркнет на весь лес:

— Сибнефть, откройся!

Тут же выбежали отовсюду гурии, фурии, гарпии — открывают ему дверь, оказывают всякое уважение и ведут напрямиком на верхний этаж. Смотрит Путин — никого, только столы от яств ломаются. Дивится президент, берет с каждого блюда по щепоти и головой качает:

— А говорят, мои подданные бедно живут! Вон рыбка белая и красная, икорка красная и черная, ассорти мясное, телятина жареная, сыр бри! Откликнись, хозяин ласковый!

Никого вокруг. Только ухает да гукает кто-то по углам.

— Да ты не гукай, — говорит Путин, поедая пирожное бланманже — красное, синее и полосатое. — Ты нормально покажись, чтоб я видел, кто ты есть. Меня ж учили только внешнего врага от внутреннего отличать, а невидимого разоблачать я не умею... Стоп! А может, ты боец невидимого фронта?

— Нет! — хихикает эхо. — Я Роман Абрамович!

— Какой такой Роман Абрамович? Почему не знаю?

— Да потому что никто не знает! — смеется эхо. — Я есть самое главное чудо твоей державы: То, Не Знаю Что! Про меня ничего достоверно не известно. Никто меня не видывал, и сам я себе не показываюсь, даже в зеркале. Говорят, кто меня увидит — тот дня не проживет. Оно мне надо?

— Нет, конечно! А откуда ж у тебя богатство такое? — спрашивает Путин.

— Сам удивляюсь, — кобенится эхо. — Похаживаю по Руси, беру что плохо лежит... Никто ж не видит! Ну и промышляю помаленьку... опять же консалтинг...

— Слышь, друг! — восхитился Путин. — Так, может, ты самый олигарх и есть?

Последовала долгая пауза. Яства со столов исчезли.

— А что? — подозрительно спросило эхо.

— Да понимаешь, — потупился Путин, — посадить мне надо кого-нито из них... Ты не скажешь, случаем, какие они из себя?

— Олигархи-то? — задумалось эхо. — Ну они... такие... как бы тебе сказать... Эх, черт, был бы тут Боря — он бы тебе живо объяснил! Ну короче, они круглые такие бывают. Такие, чтобы не ухватить ни с какой стороны. А подробнее я не умею, я тебе лучше дам волшебный клубочек — он тебя к самому что ни на есть олигарху и приведет.

Смотрит Путин — а ему под ноги волшебный клубочек катится и разматывается на ходу. Оглядел молодец с сожалением опустевшие столы и побежал за клубочком.

Непростой путь указал ему Абрамович: долго ломился президент через дебри непролазные, кусты ко-

лючие, травы ползучие, покуда не выкатился клубочек к мосту. Глянул Путин — а под кустом сидит кикимора болотная и на все наводит разочарованный лорнет. На что ни наведет — всюду краски выцветают и трава никнет. Посмотрит на зайчика — и повесит ушки веселый лесной житель, и забудет веселые прыжки, и побредет, опираясь на палочку. Посмотрит на речку — глядь, на месте речки дымится торфяное болото без признаков жизни.

А сама-то скрипит:

— Все это дела кровавой клики!

— Ты пошто лес поганишь! — возмутился Путин.

— А ты кто такой — затыкать мне тут свободу слова! — рывкнула кикимора. — Проваливай своей дорогой! Я всю правду знаю, а кто не согласен, тот наймит! Признавайся, сволочь, ты в двенадцатом году Москву поджег, чтобы в девяносто девятом рейтинг себе нарастить?

— Он, он! — донеслось из осоки, и страшный Осокин зашебуршился в ней. — Он самый и есть!

В воздухе повисла надпись: «Независимое расследование» и запахло серой.

— Ты не пужай меня, мил человек! — крикнул Путин, морщась от запаха. — Я сам такого духу напустить могу, что живо у меня вспомнишь Генриха по прозвищу Волчья Ягода! У нас на Руси так принято: пришел гость — сперва попотчуй, а потом наезжай! — Он вспомнил Сибнефть и облизнулся.

— Попотчевать тебя? — хихикнуло чудище. — Хочешь фирменного моего блюда — каши-малаши?

— Нет, — покачал Путин головой. — Мне бы гусятинки!

Но при этих словах болото так забулькало и забурбулило, что он в ужасе отступил на шаг:

— Да ладно, ладно, не потчуй! Объясни мне лучше, да попонятнее: ты, часом, не олигарх?

Кикимора испуганно замерла и тут же зачастила с утроенной яростью:

— Я олигарх? Это я олигарх? Да я весь кикиморский конгресс на тебя напущу! Да ты мне за антикикиморские настроения... Да в тебя ни один инвестор не вложит... Да я вообще... ты знаешь, я кто?

— Да я этого от тебя и добиваюсь битый час! — воскликнул Путин. — Кто ты есть-то? Слыхивал я, что под мостами они самые и водятся... олигархи-то!

— Под мостами-и-и? — взвизгнула кикимора, и страшное Эхо Москвы подхватило ее вопль. — Не-ет, дружок, не выйдет! Олигархи — они толстые, вот! И вообще: на тебе дурман-траву, она тебя ужо выведет куда надо!

Только нюхнул Путин дурман-травы из-под моста, как ноги сами понесли его неведомо куда, и очнулся он только на лесной полянке, посреди которой стоял кованный ларец.

«Эва нечисти-то в моих лесах! — задумался Путин. — Что ж они меня все друг к другу перепасовывают? И никто про олигарха толком не скажет... Круглый, толстый...»

— Может, ты самый олигарх и есть? — спросил он катившегося мимо ежа, но еж только фыркнул, кивнул на ларец и побежал дальше — верно, к ежихе.

Путин, с детства страдавший заниженным чувством опасности, подошел к ларцу и бесстрашно откинул крышку:

— Эй, кто тут есть? Олигархов не водится?

И тотчас же прянули ему навстречу двое ладных молодцев, только отчего-то все черные, ровно арапы.

— Что — прикажешь — новый — хозяин? — гаркнули они, синхронно отдавая честь.

— Э, э! — осадил Путин не в меру ретивых слуг. — Вы кто будете?

— Мы братья Черные, — отвечали двое из ларца. — Одинаковы с лица. То есть мы только с виду черные. Внутри мы белые, пушистые.

— То-то я и гляжу, — пробурчал Путин, колукая ногтем ларец. — Алюминием оковано... Ненадежный материал!

— Базовый элемент российской экономики, — непонятно ответили братья. — Если б не Дерипаска — и теперь весь наш был бы...

— Так, может, вы олигархи? — с надеждой спросил Путин. — Я б вас посадил ненадолго, вам же не привыкать, сидючи в ларце-то...

— Ты что, ты что! — хором заорали братья Черные, одинаковы с лица. — Да разве олигархи черные бывают? Они эти, как их... Они желтые! — лягнули братья первый пришедший в голову цвет.

Путин задумался.

— А кто они такие, на самом-то деле? — обратился он наконец к новым приятелям.

— А ты не изволь беспокоиться, мы тебя сейчас прямо к самому главному олигарху и доставим! — крикнули братаны, подхватили сопротивляющегося президента на руки и ринулись в чашу. Следом сам собою, юрко повиливая меж стволов и кочек, пополз ларец.

Ветки царапали лицо президента и хлестали братьев, которые знай побрякивали. Путин перевел дух только перед просторной двухэтажной избой, на вершине которой было написано «Интеррос», а понизу — «Норникель». Эти заклинания были посложнее Сибнефти, и только набрал Путин воздуху, чтобы их произнести, как дверь открылась сама собой, и перед ним выросли другие двое — один с желтой, даже скорее рыжей головой, а другой — совсем нормальный с виду, только с костяною ногой.

— Олигарх! — радостно крикнул Путин, тыча пальцем в желтоголового. — И по цвету совпадаешь!

— Я-то? — печально усмехнулся рыжеватый. — Впрочем, меня как только не называли... И кровопийца я был, и вурдалак, и упырь...

— А чего у этого нога костяная? — подозрительно спросил Путин, переключая внимание на второго, как его учили в разведке.

Второй стыдливо задвинул костяную ногу за косяк.

— Да не стыдись, Потаня, — устало сказал рыжий. — С фирмой «НОГА» у нас все чисто. Проходи, путник, гостем будешь. Мы тебе не враги. Чай, намаялся в пути-то?

— Намаялся я или нет — то мое дело, — хмуро отрезал Путин. — Вы мне лучше сказывайте, олигархи вы или нет. И какие они вообще из себя, олигархи эти.

— Да ты на кого прешь-то! — ожил вдруг Потаня с костяной ногой. — Мы ведь тебя сами, своими руками на трон посадили!

— Меня? — осклабился Путин. — Меня народ избрал! Я могу очень даже запросто у тебя твой «Норникель» отобрать, и ничего мне за это не будет! За-

конно ты себе такие хоромы в густом лесу отгрохал? Отвечай — законно или нет?

— Не дам! — Потаня уперся костяной ногой в дверь, другой — в окно.

— Успокойся, — кивнул рыжий. — Наш президент шутит. Это так, для виду... Так чего ты хочешь, мил дружок? Олигархов тебе? Олигархов здесь нет. Мы люди государевы, вот хоть прежнего царя спроси. Если б не мы, не видать бы ему второго царствования. — Рыжий покосился на стоящую в углу коробку из-под непонятной импортной оргтехники. — Олигархи — они, брат, такие... как бы пояснить-то тебе? В общем, они с хвостом.

— С хвосто-ом... — протянул Путин. — Круглые, желтые, с хвостом... Не встречал я таких!

— Еще встретишь, — успокаивающе кивнул рыжий. — На вот тебе золотое яблочко на серебряном блюдечке. Оно тебе дорогу покажет к самому что ни на есть распроолигарху.

— Спасибо, золотая ты голова! — воскликнул Путин и устремился вслед за яблочком. Яблочко катилось по блюдечку, рисуя страшный терем под тройною охраной и одновременно указывая путь к нему. Тропа кружила и петляла.

Путин продирался к страшному олигархическому дворцу не менее часа, покуда не уперся в толстую дубовую стену без признаков двери. Путин стал вспоминать все известные ему противоолигархические заклинания.

— АвтоВАЗ! — крикнул он. — ЛогоВАЗ! ОРТ!

Стена молчала, только змеи шуршали под вековыми елями с той стороны забора.

— БАБ! — завопил Путин. — Андава!

Стена безмолвствовала.

— Я от Тани и Вали! — догадался наконец Путин. Раздался скрип, похожий на старческий смех, и взгляду Путина предстал дворец. Тем же паролем открылась и дворцовая дверь, и в зале приемов взору Путина открылся Кощей, чахнувший над золотом. Ему прислуживал бурый волк с горящими глазами. Путин узнал его — по субботам этот волк вел аналитическую программу на любимом канале президента.

— Чем обязан? — прохрипел Кощей, перебирая дукаты.

— Здорово, коллега, — осторожно начал Путин, памятуя о царском чине собеседника. — Дело до тебя. Сказывают, ты олигарх.

— Ой, вейзмир, не смешите меня, — залился Кощей дробным старческим смешком. — И вы имеете сказать на эти жалкие дублоны, что это олигархия? Это тьфу и одно огорчение, вот что я вам скажу! Я таки каждый раз, когда хочу сундук свой отпереть, смотрю и думаю: это же слезы, горькие слезы! Нашел олигарха... Я шлимазл, а не олигарх! Какой олигарх может получиться из человека, смерть которого в яйце?

— И где же это яйцо? — экивоками, как учили в разведке, поинтересовался Путин.

— Эхе-хе! — погрозил Кощей скрюченным пальцем. — Все хотят обхитрить Бориса Абрамовича! Каждый хочет узнать, где у Бориса Абрамовича яйцо! Нет, дружок, яйцо это в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, а сундук в Горках-девять, и ключ от него на груди у Тани! Так что с яйцом придется подождать.

— Но, может, ты мне сдашь хоть одного олигарха, чтобы я мог его посадить? — дипломатично спросил

Путин. — Тебя я не трону, Бог с тобою, на тебе весь лес держится. Но скажи ты мне, кого б мне посадить, чтобы это был чистый олигарх собою — круглый, толстый, желтый и с хвостом?

— С хвостом, говоришь? — тонко улыбнулся Кощей. — Эту ситуацию мы сейчас разрулим... Если подумать, таки все можно разрулить, но для этого надо шевелить вот тут, — он стукнул себя по лбу костлявым пальцем, — очень шевелить вот тут...

Воцарилось почтительное молчание. Через минуту Кощей осенило.

— Эврика! — воскликнул он. — Сережа! Принеси мне, милый, репу!

Волк метнулся в погреб, и в ту же секунду перед обалдевшим Путиным оказался поднос, а на нем — маленькая, круглая, желтая репка с зеленым хвостом.

— Вот ее, милый, ты и посади, — ласково сказал Кощей. — Это лучшее вложение. Она скоро такая вырастет — утомишься тащить!

— Гениально! — выдохнул Путин. — Побегу я! — И ринулся к дверям, поставив путеводное яблочко на блюдечко, но Кощей остановил его жестом.

— В твои хоромы от меня прямая дорога, — проскрипел он. — Через погреб. А яблочко ты таки давай сюда. Я хоть яблочко и не люблю, а все-таки оно золотое. И блюдечко, да, и блюдечко...

— Это государева собственность! — попытался возразить Путин.

— А за консалтинг мне разве не причитается? — хитро прищурился Кощей. — Если б не моя репка, ты бы долго еще по лесам-то шлялся...

Путин тяжело вздохнул и протянул яблочко с блю-дечком. Верный волк провел его в погреб, лапой указал на какую-то дыру — и Путин, нырнув в нее, очнулся уже на Красной площади.

Тут же со всех сторон набежали телохранители и челядь:

— Где ж ты пропадал, друг милый, и чего теперь от нас потребуешь?

— Нигде не пропадал, — пожал плечами Путин. — На секунду отъехать нельзя, вы уж на уши встаετε. Когда я научу народ жить самостоятельно?.. Ну да ладно. Займитесь-ка вы, ребята, делом: вскопайте на Красной площади, на самом Лобном месте, небольшую грядку...

На праздник торжественной посадки олигарха со всей Москвы и окрестных лесов сбежались толпы народу. Снова развернули многоцветные флаги, расстелили скатерти-самобранки, выпили на радостях — ждали чуда.

Путин вышел к народу суровый, сдержанный, в новых лаптях.

— Здравствуйте, братцы! — крикнул он бодро. — Вот он самый олигарх и есть! — И показал толпе репку.

Площадь замерла.

— К посадке репы стоять смирно! — рявкнул командир роты кремлевских курсантов, и рота взяла на караул. Путин своими руками вырыл в земле ямку и бережно опустил туда репку.

Грянул артиллерийский салют.

Олигархи Березовский, Потанин, Абрамович, Гусинский и прочая лесная нечисть радостно переглянулись.

— Умный, черт! — умилился Потанин.

— Это все я его научил, — усмехнулся Березовский.

Народ на площади ликовал.

— Мы будем жить теперь по-новому! — провозгласил Путин.

Посаженный олигарх приподнял ботву, словно подтверждая слова нового президента.

И выросла репка большая-пребольшая. Жучки из «Новой газеты» и дедки из «Общей газеты» пытались, конечно, ее вытаскивать... Но это так, скорее для виду. Ведь если бы ее вытащили — пришлось бы сажать что-то другое. А оно кому-нибудь надо?

Вот так-то, наши маленькие друзья.

ВСЕ НЕМНОГО ВОЛХВЫ

Подошел к концу нелегкий год, началась веселая рождественская неделя — время пиршеств, каникул и распродаж. Правда, про повод многие забывали. Помнят, что день рождения, а чей — не уточняется. Да и какая разница: лишь бы праздник.

— Владимир Владимирович, — сказал Путину главный имиджмейкер, он же политтехнолог. — Надо бы вам народ поздравить.

— Да я и сам думаю...

— Только не вам одному, а вместе с Патриархом и Зюгановым. Все конструктивные силы страны чтобы коллективно выступили. В целях консолидации. Вон у вас с символикой как хорошо получилось — и орлы сыты, и овцы целы...

— Это идея, — Путин говорит. — Но чье Рождество-то? У меня ведь, сам понимаешь, свое, у Зюганова — свое. Патриарх, наверное, еще чье-то празднует...

— Так и отлично! Вы коллективно выступите, и народ поймет, что у нас полный медведь... то есть полное единство, я хотел сказать.

— Какой ты умный! — Путин говорит. — Прямо не Павловский, а какой-то Островский, такой у тебя ум острый. Соедините-ка меня с Патриархом!

— Слушаю, товарищ полковник... то есть сын мой, — быстро поправился Патриарх.

— Товарищ Ридигер, то есть ваше преосвященство, — быстро поправился Путин. — Тут, понимаете, имеется такая задумка... Скоро ведь Рождество.

— Воистину, — подтвердил Патриарх.

— Мы, чекисты, этот день двадцатого декабря празднуем. Но это ничего, у каждого свой календарь, я разве против? Католики, например, двадцать пятого отдыхают...

— А мы — седьмого, — подтвердил Патриарх.

— Ну вот! Зюганов, наверное, в другой какой-нибудь день... Надо бы нам всем перед народом выступить, в порядке национального согласия.

— С краткой рождественской проповедью? — уточнил Святейший.

— Ну да, только у нас это называется торжественное обращение, а у Зюганова, я думаю, рождественские призывы... Какая разница? Вы текстик подготовьте, а потом мы в прямом эфире и засядем. Числа двадцать пятого, чтобы католики тоже послушали.

— Есть, — говорит Святейший. — Я набросаю и представлю.

— Да зачем эта волокита, я же не против свободы слова! Как Бог на душу положит, так и говорите. Ну, хоп! Зюганова мне!

— Да, товарищ Путин! — Зюганов басит, и слышно, как у него на том конце провода Государственный гимн играет, — он все никак послушаться не

может и ушам своим не верит, что дожил до такого светлого дня.

— Тут, понимаете, Рождество намечается...

— А как же! — Зюганов радостно отвечает. Очень ему лестно, что вспомнили про грядущий день рождения Отца народов.

— Надо бы по телевизору выступить...

— Охотно!

— Вместе со мной и Патриархом...

— Да конечно! Православная церковь, насколько я знаю, давно благословляет имя этого человека...

— Этой организации, — поправил Путин. — Ну да ладно. В общем, вы подготовьтесь, и мы двадцать пятого числа в прямом эфире обратимся к нации. Хорошо?

— Ррааады старрраться! — прорычал Зюганов и побежал писать обращение.

Двадцать пятого декабря, в самый прайм-тайм, вместо программы «Вести», выходящей обычно в одиннадцать вечера, в главной телестудии страны собрались все три символа национального согласия — президент, Патриарх и вождь пролетариата. Павловский поначалу предлагал, чтоб они все еще и одеждой обменялись, для единства, — Путин в церковном облачении, Патриарх в кожанке пролетарской, Зюганов в президентском кресле и со скипетром, но тут уж президент не согласился. Остальных бы, конечно, легко уговорили.

— Дорогие друзья! — начал Путин по праву главного.

— Возлюбленные братья и сестры! — возгласил Патриарх.

— Уважаемые товарищи! — вступил Зюганов, как из бочки.

— Стоял холод, мела метель, когда много лет назад произошло величайшее событие в истории человечества, — с интонацией доброго сказочника заговорил президент.

— Именно благодаря этому событию все мы с вами спасены, — вторил Патриарх.

— Конечно, мы нередко отступаем от учения этого величайшего из людей, — скорбно поджав губы, признал Зюганов. — Но мы пронесли его, как знамя, сквозь годы рыночных реформ и позорных отступлений... и сегодня он, как прежде, осеняет наш путь!

— Многие, конечно, не хотели этого события. — Путин посерьезнел. — У нового начинания было много могущественных врагов. Они теснились вокруг железным кольцом...

— В результате величайшее из событий мировой истории произошло в хлеву, — сказал Патриарх.

— Ну, батенька, это уж вы загнули, — прошептал Путин. Ему стало обидно, что молодую республику Советов, в которой была создана Чрезвычайная комиссия, обозвали хлевом.

— Так написано, — прошептал в ответ Патриарх.

— Мало ли что у нас писали в последнее время... Очерняли как хотели...

— Рождение величайшего человека в нашей истории, — веско рассказывал тем временем Зюганов, — всеми ожидалось с надеждой, имело как объективные, так и субъективные предпосылки...

— Знаменья, — подсказал Патриарх. — Над миром воссияла новая звезда...

— Красная, — уточнил Путин.

— Гений всех времен и народов вырос без отца, — продолжал Зюганов. — Точнее, отец его был простой сапожник...

— Плотник, — поправил Патриарх.

«Что они несут?! — подумал Путин. — Отцом ВЧК был Дзержинский, это все знают! Никакой не плотник и не сапожник! Совершенно забыли отечественную историю...»

— Восприемника великого младенца звали Иосиф, — объяснил Патриарх.

«А-а, — понял Путин. — Вон он куда клонит... Ну что ж, это тоже справедливо».

— Точнее будет сказать, — пояснил он, — что Иосиф как бы стоял у истоков... он не был, конечно, непосредственно отцом, но много способствовал росту, укреплению, возмужанию...

— Великому младенцу суждено было стать провозвестником новой веры! — радостно воскликнул Патриарх.

— Он призван был уничтожить старую империю и построить новую! — в тон ему отозвался Зюганов. С этим согласились все.

— Величайший гений всех времен любил и уважал свою мать, — гнул свое Зюганов.

«Кого он имеет в виду? — опять не понял Путин. — А, вероятно, Родину...»

— И детей, — заметил Святейший. — «Будьте как дети, — учил он, — и войдете в Царствие Небесное!»

— И многие дети вошли в это царствие именно благодаря усилиям нашей организации, — продолжил Путин. — Приемники для беспризорных, бес-

платные школы, коммуны... Положение страны было серьезным. Ее раздирали противоречия. В муках рождала она свое будущее... Не всем пришлось по нраву новое учение, — деликатно заметил президент. — Религиозные фанатики и деятели прежнего государства стояли на пути нововведений. Некоторые отметили перегибы...

— Косность застилала глаза невежественным и жестоким людям, — поддержал его Патриарх. — Они требовали чуда...

— И чудо свершилось! — возликовал Зюганов. — Слепые прозрели! Великому сыну нашей эпохи удалось накормить народ...

— Пятью хлебами, — уточнил Патриарх.

— Основатель великого учения жил в крайней бедности, — прослезился Зюганов. — Его преследовали, бросали в тюрьму...

— Но он не отступался, — твердо поддержал его Путин. — Он всегда утверждал, что главное — горячее сердце, чистые руки и холодная голова.

— Держи пиво в холоде, а ноги в тепле! — сказала рекламная пауза, и три вождя продолжили проповедь.

— Триумфально шествовали по стране адепты нового учения! — не умолкал Зюганов.

— Разумеется, основатель величайшей организации на планете действовал не в одиночку, — вставил коллективист Путин.

— Конечно, — кивнул Святейший. — С ним было несколько вернейших — Андрей, Иаков...

«Молодец! — подумал Путин. — И Вышинского вспомнил, и Блюмкина...»

— Больше всего мешали ему всякие иуды! — не утерпел Зюганов. — Их еще предтеча нашего героя так называл!

«Молодец! — подумал Патриарх. — Иоанна Предтечу вспомнил!»

— Но новая организация стремительно набирала силу и вскоре заставила считаться с собой всех паразитов! — победительно воскликнул президент.

«Молодец! — умилился Зюганов. — Вона что вспомнил! А паразиты никогда!»

— Расправившись с врагами трудового народа...

— Осуществив индустриализацию и коллективизацию...

— Торжественно въехав в Иерусалим, — хором заговорили вожди.

«Что они несут? — подумал Патриарх. — Какая коллективизация? Или имеется в виду эпизод в Кане Галилейской?»

«Какой Иерусалим? — не понял Зюганов. — Или они имеют в виду основание Израиля? Это был вполне дальновидный шаг, но...»

— К сожалению, исторические условия сложились так, что новое учение было жестоко скомпрометировано и оболгано, — мрачно сказал Путин. — Настало время, когда две гордые буквы — ГБ — стали синонимом злодейства и обмана...

«Господь Бог, — расшифровал Патриарх и умиленно улыбнулся. — Как хорошо сказано!»

— Однако свет истины было уже не затмить! — воскликнул он. — Никакая инквизиция — тоже, кстати, неоднородное и сложное явление, — не могла скомпрометировать величайшего учения!

— И Отец народов восстал, чтобы вновь вести свой народ к светлому будущему... — гудел Зюганов.

— Как Феликс из пекла!* — подхватил Путин. — Но не только свой народ, а все народы. Мы — интернационалисты.

— Конечно, пришлось пройти через поругание, — продолжал Патриарх. — Храмы рушились, святыни осквернялись...

— Памятники свергались взбесившейся толпой, — играя желваками, сказал Путин.

— Сионистское засилье! — кричал Зюганов. — Это они, они во всем виноваты!

— Но сейчас, во времена небывалого идеологического подъема и национальной консолидации...

— Когда даже наукой доказано, что историческая критика нашей веры несостоятельна... — ввернул Патриарх.

— Когда наша главная святыня, святой гроб, может вздохнуть спокойно, — продолжал Зюганов.

— Мы мощным, единым потоком двинемся в будущее, помня заветы нашего общего отца! — закончил Путин эту длинную фразу.

— Истинных борцов мало, — вздохнул Зюганов.

— Много примазавшихся, не имеющих искренней веры, — кивнул Патриарх.

— Спекуляции в прессе, — поддержал Путин. — Все врут, все врут...

— Но сегодня, в радостный день Рождества, — не умолкал Святейший, — в наш всеобщий праздник,

* Строчку про «Феликса из пекла» еще пятнадцать лет назад придумала Новелла Матвеева.

когда мы устанавливаем в своих домах неувыдающее древо...

— Древо... — хором поправили Зюганов и Путин.

— Мы веселимся, радуемся и говорим: с днем рождения!

— С днем рождения! — хором произнесли Зюганов и Путин.

— Спокойной ночи, девочки и мальчики, — машинально добавил президент.

— Отлично ! Отлично! — выбежал к ним главный политтехнолог, следивший за приветствием из специальной потайной комнатки тут же поблизости, в телецентре. — Вы никогда еще не выступали так слаженно!

— Да и повод-то какой! — умиленно отвечал Патриарх. — Христос родился!

— Позвольте, — не понял Зюганов. — Какой Христос? Я поздравлял сограждан с днем рождения Иосифа Виссарионовича Сталина!

— А я — с созданием Всероссийской чрезвычайной комиссии! — обиженно произнес Путин.

— Боже мой, какие непонятливые! — воскликнул кремлевский политтехнолог. — Да какая разница, кто родился! Главное, что все мы теперь едины, что окончился долгий период разброда и шатаний, что кончилась великая смута и народ преодолел раскол.

— А может, это и вправду главное? — спросили наши герои друг у друга.

А может, действительно?

О ТОМ, КАК БУРЯ СНЕСЛА БАШНЮ

То есть ее снесла не буря. Это версия была такая. Просто она стояла-стояла и вдруг упала. Вся.

Объективных причин было множество. Она стояла очень давно; ее страшно перегрузили — одних тарелок пятьдесят штук, а попробуйте вы на всю Россию транслировать НТВ! Их смотреть-то тяжело, с их праведными гневными глазами, в которых при каждой новой катастрофе появляется злорадный блеск, — а транслировать... И потом, в то время и в той стране все почему-то падало. Сначала стояло — так, что весь мир боялся. А потом падало — так, что мир окончательно уже обдeldывался.

Собственно, кренилась она уже давно. Об этом ходили разные слухи: например, что у Москвы во время итальянской поездки Лужкова появился город-по-братим с полуприличным названием, от которого происходит старый русский глагол, — и вот мы решили... ко Дню города... Или еще — о том, что это диверсия Березовского. Он ушел с ОРТ, а тут и башня накренилась. Вернуть Березовского! Жители окрестных

домов стояли вокруг башни тесным живым кольцом и гадали, на кого бог пошлет. Действовал тотализатор. Пили пиво и слушали «Эхо Москвы», подробно рассказывавшее, как именно она падает: от изображения без звука давно отвыкли. «Эхо» создавало необходимый фон.

Когда она накренилась до опасного градуса, публика неохотно расползлась, отгоняемая милицией, и наблюдала за процессом уже по телевизору. До тех самых пор, пока телевизор не перестал показывать.

Тут-то и началось.

Ранним августовским утром старая, но еще крепкая домохозяйка Дарья Степановна включила свой телеприемник в надежде узнать, выгонят ли Люсию с ее полузаконным сыном из дома сеньора Басареса или оставят. От этого зависела вся жизнь Дарьи Степановны. Люсия препиралась с женой дона Басареса вот уже пятую серию. Все это время они стояли на лестнице, а сеньор Басарес от греха подальше лежал в коме, чтобы не растревлять себе душу. Он знал, что ребенок был его, но не был уверен в том, что его мать именно Люсия.

Дарья Степановна включила телевизор и увидела метель.

— Снег пошел, должно быть, — рассудила она. — Пока они спорили, как раз зима наступила...

Но снег все шел и шел, а Люсии не было. Дарья Степановна переключила, постучала по телевизору, плюнула на него, вызвала мастера, но мастер сказал, что это надолго. На неделю уж точно.

— Господи! — воскликнула Дарья Степановна. — Да как же я без нее! без них!

Некоторое время она в тупом оцепенении смотрела в пустой экран, а потом разбудила мужа.

— Эй, Паша! — воскликнула она. — Становись сюда!

— Куда, дура?!

— Вот сюда, к дверям! Становись и кричи: «Люсия, нам надо поговорить!»

— Ты что, ополоумела?

— Кричи, сказано!

— Может, я все-таки останусь собой? — не очень уверенно спросил Паша.

— Тебе что, трудно?!

— Ну, «Люсия, нам надо поговорить!».

— Нам не о чем говорить, Базилио! — воскликнула Дарья Степановна.

— И что?

— А ты еще раз: «Люсия, нам надо поговорить!»

— Нам не о чем говорить, Базилио!

Так они препирались минут сорок, пока не пришла пора идти в магазин, и утро было проведено с пользой и удовольствием.

Семья Петровых с нижнего этажа между тем чувствовала себя совершенно незащищенной. Она положительно не знала, кто теперь будет защищать ее зубы с утра до вечера и как ей спастись от перхоти. Младшая дочь совершенно измучилась с пятнами, которые оставались повсюду, на что бы она ни садилась. Обычно семья руководствовалась теми средствами защиты от чудовищного внешнего мира, о которых ей рассказывали по телевизору. Названия этих чудесных вещей они помнили ровно столько времени, сколько нужно было на дорогу от дома до магазина: потом по телеви-

зору все равно повторяют. У Петровых, так сказать, совершенно не было долгосрочной памяти — жизнь в режиме беспрерывных повторений приучила их не запоминать ничего. Теперь они не понимали, как облегчить понимание, каким образом заставить главу семейства поехать к маме и чем отчистить раковину. Петровы тупо пялились в экран, а раковина между тем ржавела и гнила, перхоть сыпалась на воротники, простыни желтели, домашний любимец Василий исходил криком, не находя в миске корма для энергичных кошек, а сын Иван в отчаянии смотрел на прыщи, с неотвратимостью психической атаки покрывавшие его красное лицо. Он забыл, как называется это чертово мыло.

Пятнадцатилетний Миша Гнедых из соседней квартиры вообще не понимал происходящего. Сейчас перед ним должны были появиться два его лучших друга, два крутых чувака, единственные люди на свете, которые его понимали и которых вполне понимал он. Они были ему ближе Родины, ближе отца с матерью, ближе даже Земфиры, в песнях которой встречалось слишком много незнакомых слов. Он обошел телевизор со всех сторон и позвал:

— Эй, перцы! Приколись, баклан!

Телевизор молчал. Друзья не показывались.

— Вы че, в натуре? — спросил Миша. — Круто, круто!

Ответа не было.

— Би-и-ивис! Ба-а-аттхед! — в отчаянии взвыл подросток.

Результат оставался тем же. Гнедых в ярости выбежал из дому и пошел искать, кого бы ему убить.

В кухне соседней квартиры сидели диссиденты. На кухне они собирались потому, что там находилась еда. В отсутствии других развлечений они вспомнили молодые годы, купили водки и сели обсуждать создавшееся положение.

— Ты сомневаешься? — спросил один, борода-тый, в прошлом сотрудник котельной, составитель рукописного альманаха «Дайте дышать!».

— Для меня все ясно, — пожал плечами другой, в прошлом отказник. — Полковник наш постепенно забирает власть. Я говорил, что он с этого начнет.

— То есть ты не допускаешь, что это...

— Конечно нет! Это идеальный предлог, чтобы отрубить НТВ! Потом они взорвут «Эхо Москвы» и скажут, что это из-за курения в здании. Потом заглушат «Свободу». Потом прикроют «Честную газету». И все — никто ничего не скажет...

— Так что же делать?

— Что делать! — взорвался отказник. — Что делать! Все уже сделали! Просрали Россию! — И он показал, как именно просрали. Тем временем пельмени сварились, и на некоторое время диссиденты прекратили полемику.

НТВ между тем продолжало вещание на милицейских частотах. Оно чудом успело перекупить эти частоты за несколько дней до катастрофы, готовясь к переходу на подпольное вещание. Их, правда, не прикрыли, но частоты остались. Теперь Киселев, заглушая милицейские переговоры, рассказывал об эксклюзивных подробностях падения башни.

— Наш корреспондент, — рассказывал он, — стоял у самого подножия, и его чуть не убило. Ближе его не

подпустили. Ближе стоял только корреспондент государственного телевидения. — Даже по радию слышно было, как Киселев злорадствует. — Корреспондентов государственного телевидения, конечно, пускают везде! В самые теплые места! Но это ничего... это ничего, товарищи! Мы не злопамятны! Корпоративная этика для нас превыше всего! И мы предлагаем наши миллионские частоты всем, кто хочет вещать для вас! Даже каналу ОРТ, чье место на свалке истории! Даже государственному телевидению, сплюснутый корреспондент которого живым примером подтверждает, что тягаться с нами опасно! За чисто символическую плату каждый может выходить на этих часто...

— Да пошел ты! — взорвался опер, которому надоело все это слушать.

— Видите! — счастливым голосом закричал Киселев. — Началось, началось!

Тем временем в Кремле проснулся Путин. Он сделал зарядку, несколько раз бросил через плечо пресс-секретаря, которого за этим и держали, принял ледяной душ и включил телевизор. Ему нужно было срочно узнать, куда он сегодня едет. Телевизор помогал ему соответствовать народным чаяниям. Если канал РТР передавал, что, по слухам, Путин едет в Самару, — он туда и ехал. Если же канал НТВ передавал, что, по сведениям информированных источников, Путин собирается на Ближний Восток, — Путин тут же ехал на Дальний, чтобы лишний раз облажать оппонентов. Эта игра очень его увлекала. По утрам он никогда не знал, где будет вечером. Телевизор, однако, молчал.

— НТВ, что ли, закрыли? — подумал он вслух. — Так я ж вроде еще не распорядился...

На ОРТ также несся снег по черному зимнему небу.

— Переворот, что ли? — спросил Путин сам у себя. — Да нет, вроде я в Кремле...

Он выглянул в окно. Пели птички. Никакого переворота не было.

— Волошин! — позвал он. — Что с телевизором? Неужели мой личный телевизор сломался? Это наглядно показывает, в каком положении страна...

— Никак нет, — отвечал Волошин, — снесло башню.

Путин снова выглянул в окно. Спасская стояла, Кутафья тоже.

— У тебя? — догадался он.

— Никак нет, — рапортовал Волошин, — у всех нас.

— Это я знаю, — кивнул Путин.

С трудом разобрались. До Путина смысл происшедшего доходил с трудом.

— И что мне теперь прикажешь делать? — воскликнул он. — Откуда я теперь узнаю, куда я еду?

— Ну... — не очень уверенно произнес Волошин. — Есть же президентская как бы администрация...

— Администрация! — передразнил Путин, скривившись. — Борису Николаичу такую администрацию предлагай. А мне не надо, мне нужны ребята мобильные. Как Ревенко. Вот он всегда знает, куда я еду, а ты никогда...

— Так, может, мы ему позвоним? — с надеждой спросил Волошин и тут же кинулся звонить на РТР.

— Але! Девушка! Волошин беспокоит. Ревенко прошу... Женя! Але! Вы не знаете, где Владимир Владимирович? На совещании? А у вас точные сведения? Большое вам спасибо!

— Ну? — нетерпеливо спросил Путин.

— Проводите оперативное совещание с Сергеем Шойгу...

— Надо все-таки собирать всю информацию, чтобы объективно, — сказал Путин. — Позвони на НТВ, узнай. Мне самому неудобно.

Волошин позвонил на НТВ.

— Але, девушка! Дайте Максимовскую! Марианна, здравствуйте! Волошин. Да, спасибо, сатрапствуем по-маленьку... Вы не знаете, где Владимир Владимирович? Не знаете? Ну позвоните Венедиктову. Самому мне неудобно, я ему столько раз интервью обещал... Але! Ну что? Говорит, сидит в Кремле в полной прострации? А откуда он зна... я хочу сказать, откуда такие сведения? — Волошин даже заглянул под кровать, не выпуская мобильника. Венедиктова нигде не было. — А, ну хорошо. Привет ему передавайте, большой-большой.

— Я им покажу прострацию, — рывкнул Путин, отлично все слышавший. — Шойгу ко мне! Я с ним буду обсуждать, как сделать так, чтобы «Эхо» упало! А то мне совершенно уже надоело это шпионство!

В течение ближайшей недели Путин узнавал обо всех своих передвижениях напрямую от Ревенко и Максимовской, семья Петровых запаршивела окончательно, диссиденты спились, а Миша Гнедых выучил несколько новых слов — «книга», «кино», «кретин». Дарья Степановна на шестой день наконец согласилась поговорить с мужем и два оставшихся дня повторяла: «Это твой ребенок, твой, твой!» — хотя Паша и так не сомневался в этом, потому что все трое были вылитый он. Евгений Киселев во избежание скандала с милицией перешел на вещательные часто-

ты «Скорой помощи». Так что когда через неделю телевидение наконец заработало, все уже убедились, что можно жить и без него.

Облегчение почувствовал только Волошин, чье ухо совершенно распухло от мобильного, да орда телекритиков, которые в отсутствие главного предмета для критики переключились на ресторанные обзоры и начали потихоньку разоряться. Ничего. Теперь им снова будет на ком оттягиваться и радостно убеждаться, что есть на свете и более глупые люди, чем они.

ПАДЕНИЕ

Как известно, в пятнадцатом катрене шестой центурии Нострадамуса содержится предсказание, которое после некоторых умственных усилий можно дословно перевести на русский язык так:

На земле скифов в исходе каменного века
Старик, преданный Бахусу, передаст власть.
Воссядет молодой, друг Меркурия, Марса и северного
градоначальника,
Будет боевая удача, в марте падение, крутой поворот.

Обычно в толковании этой строфы не возникает никаких затруднений, в особенности после 31 декабря 1999 года. Друг Меркурия, Марса и северного градоначальника триумфально воссел во власть и одержал целый ряд боевых удач. Подобно Кутузову, он героически сдал Бородину и способствовал разорению Москвы, которая стала много на себя брать; подобно Суворову, освоил горные лыжи; подобно Потемкину, пленял женщин, из которых самой заметной оказалась Анна Политковская.

Поскольку пророчества Нострадамуса всегда становятся понятны только задним числом, расхождения возникали исключительно на почве четвертой строки: что за таинственное падение в марте и крутой поворот вследствие него? Политологи всей страны, которые давно уже руководствовались в своих прогнозах исключительно Нострадамусом при периодическом участии кофейной гущи (все прочие прогнозистические методы в России не работали), собрались на тайное совещание.

— Я полагаю, речь идет о падении кровавого режима Путина, — с порога заявил Евгений Киселев.

— Коллега, вы не в эфире, — мягко осадил его Свицидзе. — Я думаю, речь идет о национальной валюте.

— А по-моему, снега очень много напало, — неуверенно предположил Мигранян, который как человек южный терпеть не мог зиму.

Никакого консенсуса в итоге достигнуто не было, и каждый покинул тайное совещание с твердым намерением внедрять в массы именно свою версию.

Через три дня стало известно, что в последних числах марта упадет станция «Мир». Несмотря на многократные и пылкие уверения в том, что упадет она в безлюднейшей части Мирового океана между Австралией и Антарктидой, среди населения воцарилась паника.

— Уж ежели она упадет, то беспрерывно на нас! — уверяли представители Приморья. — На нас в последнее время все падает...

— Дураки вы, не понимаете стратегического замысла! На Чечню она упадет, чтоб совсем ничего не осталось...

(Одноногий Басаев и однорукий Хаттаб на всякий случай переместились в Иорданию.)

— На Москву она упадет, чтоб Лужкову насолить!

— Так ведь Кремль тоже в Москве?

— За этих не беспокойся, у их бункер! — переговаривались в очередях.

Перепуганное население собирало деньги и ценности, паковало чемоданы с убогим скарбом, но с места не трогалось, поскольку непонятно было, куда все-таки рухнет станция.

— Да сказали ж, что на людей не упадет, — недоумевали отдельные старики и дети.

— Ага, Ельцин вон в августе три года назад тоже говорил, что ничего не упадет. Тут все и упало.

В ресторанах и казино не знали, куда деваться от прибыли: новые русские спешно прожигали остаток жизни.

Пока население паниковало, Госдума привычно искала себе другие развлечения:

— Ребята, может, это и совсем не про «Мир»? Вдруг это что-нибудь политическое?

— Ну а что у нас может упасть политического? Что у нас политического стоит?

— Властная вертикаль...

— Ой, не смешите меня.

— Я так думаю, — вступил рассудительный Зюганов, вне парламентских слушаний — милейший человек, — что это у нас упадет правительство.

Воцарилось молчание. Каждый обдумывал перспективу.

— Ну упадет, — неуверенно (он все делал не очень уверенно) сказал Грызлов. — И что?

— Ну как... все-таки интересно, — пожала плечами Хакамада.

— Ну а ежели не упадет? Ежели мы его попрем, правительство-то, а Путин возьмет да нас разгонит? Ему других таких набрать — как два факса отослать, при таком-то рейтинге, а мы куда? Опять, что ли, работать? Нет, я совершенно не согласен, — отмахивался Боос.

— Дурилка, — ласково заметил Немцов, — пользы ты своей не понимаешь! Он нас разгонит, а мы опять изберемся. Денег нам дадут, предвыборная кампания, все дела... Тебе что, избираться не понравилось?

— А вдруг по второму разу не выберут?

— Как же, не выберут! Кого ж они тогда выберут!

— Ну ладно, — пожал плечами Грызлов. — Давайте повалим... А вы уверены, что оно упадет?

— Глупый, у Нострадамуса же написано! — вступил Селезнев. — У него все пока сбывается.

На следующий день коммунисты запустили идею о вотуме недоверия правительству, а партия «Единство», зажмурившись от страха и втянув голову в плечи, этот вотум поддержала. Грызлов ничего не имел против Касьянова, но ведь убрать Касьянова рекомендовал Нострадамус. А Грызлов всегда слушался старших.

Спустя три дня Зюганов пулей влетел на заседание Госдумы и отобрал у Селезнева микрофон. Лидер КПРФ был даже более красен, чем обычно.

— Сворачиваем вотум, братва! — возбужденно закричал он. — Правительство устоит! У Нострадамуса было не про правительство!

— А про что? про что? — возбужденно переспрашивали депутаты.

— Индекс упал!

— Какой, какой индекс-то? Говори путем! — зашумела Дума.

— Откуда я знаю какой! Их там три, и все с басурманскими названиями.

— Доу-Джонса! — подсказал Лукин с места.

— Ага! — возбужденно кивнул Зюганов. — И еще какой-то, вообще уже непроизносимый!

На следующий день партия «Единство», еще крепче зажмурившись и окончательно втянув головы, сообщила, что никакого вотума недоверия не будет, а все это был исключительно тактический ход с целью продемонстрировать, что «Медведь», вопреки злословию оппонентов, может слушаться не только Кремля, но и коммунистов. Паника в обществе усилилась.

Но апогея своего она достигла в тот день, когда все центральные издания вышли с шапкой «Доллар падает!». В Америке, похоже, все раскручивалось не на шутку. Сперва Джордж Буш-младший, желая ущучить предыдущую администрацию, сообщил, что американская экономика готовится пережить небывалый спад. Потом Хиллари Клинтон подала на развод, выяснив, что ее седовласый плейбой состоял в многолетней связи, перед которой интрижка с Моникой поблекла, как перед новой царицей порфиноносная вдова. Оказывается, Моника была нужна только для отвода глаз. Все это время Клинтон любил какую-то старую кобылу, подругу своих школьных лет; в качестве прощального подарка в последний день своего правления он помиловал ее мужа, который оказался 177-м по счету помилованным преступником за время клинтоновского правления. Кеннет Стар поспешно

прошерстил биографии всех помилованных на предмет связи президента с их женами и мужьями. Большинство помилованных, которым после освобождения надо же было на что-то жить, дружно признались, что да, было. В такой развратной стране доллар не мог устоять по определению. Масла в огонь подлил председатель российского Центробанка Геращенко, на редкость своевременно заявивший, что нормальная цена доллара — пятнадцать рублей, и пусть еще скажут спасибо, что не пять.

Население, собравшее было свои чулочные и тюфячные сбережения в переносные кубышки на случай падения «Мира», срочно вынуло все зеленые и побежало покупать недвижимость. Правда, на полпути оно остановилось, сообразив, что недвижимость после падения «Мира» погибнет все равно, причем на всей территории страны. Но поскольку в живых все равно никого не останется и крах недвижимости будет уже безразличен ее владельцам, население здраво рассудило, что погибать на собственной расширенной жилплощади по крайней мере приятнее. Многомиллионные долларовые сбережения спускались в один день. Те новые русские, у которых уже была недвижимость, прожигали жизнь в увеселительных заведениях. Фотомодельные агентства не успевали подмывать своих наложниц. Новые русские, которым не досталось моделей, требовали модельеров, утверждая, что стилистам все равно.

Посреди всей этой оргии некоторым отрезвляющим голосом прозвучало сообщение ОРТ и РТР о том, что в Западной Европе начался массовый падеж скота. В последнее время, с тех пор как Михаил Лесин

призвал организовать наконец грамотный пиар России, на этих телеканалах изо всех сил пиарили Родину — но поскольку отыскать на ней повод для положительного пиара становилось все трудней, ее поднимали за счет опускания прогнившего Запада. Всякая новостная программа строилась теперь так: сначала кратко сообщалось об очередных перемещениях президента (который за перелетами совершенно не слышал ни о каких пертурбациях на Родине), потом презентовался беглый репортаж об открытии в городе Свинограде большого драматического театра на пятьсот мест при населении города в триста пятьдесят человек, — после чего чередой шли сообщения о катастрофах на Западе. Катастрофы там отчего-то пошли сплошной чередой, совсем как у нас в начале перестройки: ураган сменялся снегопадом, сход лавин — скандалом в правительстве, и триумфально разыгранный на российском телевидении падеж скота увенчал эту череду неприятностей. Сообщалось, что скот пал практически полностью, предварительно взбесившись и перекусав фермеров. Конечной целью акции была поддержка отечественного производителя, поскольку взбешенная западноевропейская колбаса была однозначно дискредитирована в глазах зрителя.

— Скот падает! — неслось по просторам России.

— Наш? Ихний?

— Ихний!

— Значит, окончательный конец! — решило население, и всероссийская оргия приняла угрожающие масштабы. Днем скупали недвижимость, ночами кутили в клубах, по утрам периодически включали новости, чтобы узнать, что еще упало. Падало и в самом деле

все: в Киеве на честном слове держался Кучма, в Китае упала цена на стройматериалы, в Барнауле выпало беспрецедентное количество осадков, у Барри Алибасова упала шляпа, у Билла Гейтса упала цена на акции, и даже таинственный Педигри после долгого сопротивления пал. Пал и не менее таинственный Секам, и Пал Палыч Бородин, очутившийся в больнице. «Как ты пал!» — кричала Леонтьеву «Новая газета». Леонтьев в ответ обзывался «падшей женщиной». Дмитрий Бирюков пал в объятия «Газпрома», газета «Сегодня» и журнал «Итоги» пали просто так. Семиклассница Маша Иванова сдалась мольбам восьмиклассника Пети Сидорова и с удовольствием пала. И даже у Билла Клинтона от всех этих неприятностей упало все, что ему эти неприятности причинило.

— Одна помирать! — ликовал народ. — Все как есть упало! Гуляй, душа!

И посреди этой тотальной оргии, когда фотомодели уже изнемогали, а стилисты только входили во вкус, — отдельные трезвые особи вдруг заметили, что март кончился.

Март кончился, а доллар по-прежнему стоил около тридцати и не думал никуда падать, Доу-Джонс выправился, «Мир» незаметно рухнул в Мировой океан, и даже корреспонденты ОРТ и РТР в Западной Европе уяснили для себя, что три коровы — это еще не весь скот. Кровавый режим Путина чувствовал себя великолепно, Кучма проводил отпуск в Крыму, и даже Клинтона видели с какой-то новенькой стажеркой, — стало быть, даже в его случае падение было неокончательным. Население очнулось от апокалиптической оргии в состоянии тяжелого похмелья, обремененное

страшным количеством недвижимости, с которой теперь непонятно было что делать, среди тотального бардака, но с потрясающими воспоминаниями.

— Что ж мы все так и поверили, что — кранты? — в некотором изумлении спрашивали друг у друга российские граждане.

— Так ведь оно привычнее — чтоб кранты, — оправдывались особо активные прожигатели жизни. — Непривычные мы, чтоб просто жить. Мы привычные, чтобы ап — и все... совсем... с концами...

Население обшаривало чулки и тьюфяки, проверяя, целы ли последние заначки, нехотя прибиралось на вверенной ему территории и с кряхтением принималось за повседневные труды.

— Так что же — Нострадамус ошибся?! — ехидно интересовался Сванидзе у Киселева.

— Нострадамус не может ошибаться! — назидательно говорил Киселев. — Что-нибудь упало, только мы не заметили...

В этом предсказании, как ни странно, Киселев был абсолютно прав. Дело в том, что президент России Владимир Путин, проводя отпуск в Хакасии, катался на горных лыжах и, выполняя предсказанный Нострадамусом крутой поворот, действительно упал, хотя и несильно. Он ехал, ехал и шлепнулся. К нему тут же бросились министр по чрезвычайным ситуациям, глава администрации и почему-то Сурков. Сурков всегда теперь бросался к президенту по поводу и без повода — ему очень хотелось власти.

— Да ладно вам, — с досадой произнес Путин. — Всполошились, тоже мне... Я ж не Суворов все-таки. Я только учусь. Ничего, отряхнемся и дальше поедем...

С третьего раза он съехал уже вполне прилично.

БЛЕСК И НИЩЕТА ТЕЛЕПУЗИКОВ

Генеральный продюсер канала номер один был вполне доволен собой. Начинал он как эстет, но во время оставил эстетские заморочки, переключившись на народное телевидение. Суперуспешный проект «Сладкие песни о страшном» принес ему всенародную любовь: откормленные звезды попсы с бутафорскими бинтами и медалями, в гимнастерках со складов «Мосфильма» исполняли фронтовой фольклор, а также прославленные военные песни; полковники в отставке рыдали как дети. Впоследствии генпродюсер несколько раз сделал политически верный выбор, что было в России девяностых годов ой как непросто, и мог полагать себя истинным выразителем новейших тенденций... как вдруг на стол ему легло предупреждение от Министерства прессы.

Сначала генпродюсер не поверил своим глазам. Он взял бумажку, посмотрел на свет и на всякий случай даже понюхал. Увы, органы чувств ему не ввали. На просвет отчетливо виднелся характерный знак минпечати — обаятельно улыбающийся череп и скрещен-

ные косточки, а пахла бумажка так же, как все предупреждения. Она пахла большими неприятностями.

«Министерство прессы, — прочел генпродюсер, — в первый и последний раз дружески предупреждает вас о том, что вы уделяете недостаточно внимания воспитанию деток. В последнее время президент наш очень озаботился детками, чего и вам желает. На наших экранах мы видим что? Мы видим там засилье отвратительных иностранных монстров, а патриотического воспитания деток отнюдь не видим. И если так пойдет дальше, то вы увидите, что мы умеем закрывать не только ТВ-6. С совершенным почтением и пожеланием приятного аппетита».

Насчет аппетита была шутка. Министр прессы был рубаха-парень и большой шутник. От его улыбки падали в обморок и более крепкие люди, чем генпродюсер канала один.

Первым делом генпродюсер выбрался из объятий кресла, подошел к портрету президента на стене и сказал умильным голосом:

— Да как же вы только все успеваете? И о детках подумали!

На самом деле о детках президент подумал по чистой случайности: однажды, когда все поздравления были разосланы, а скины обезврежены (других проблем в стране не осталось), он от скуки включил телевизор и увидел в нем телепузика. Программа предназначалась для двухлетних детей, но президент этого не знал, потому что смотрел с середины. Очень скоро ему стало скучно, и он капризно позвал министра культуры.

— Ну что это такое! — произнес он плаксиво. — Это разве интересно? Тинки-Винки, Ля-ля, По... Сол-

нышко какое-то... в виде младенца... Ребенку предстоит жить в динамичном, многополярном мире, где все время что-нибудь взрывается. Ему, возможно, на улице придется расти и клей нюхать, если правительство не решит проблему беспризорности... Это готовит его к жизни? Вот эти, толстые? Подготовьте указ, и чтобы я ерунды этой плюшевой больше не видел!

Министр культуры, чья фамилия переводилась как Шустрый, пулей вылетел из кабинета и помчался за-прещать. Не прошло и недели, как все руководители крупнейших каналов получили предупреждения за недостаток внимания к нашей главной надежде.

Вернувшись в кресло, генпродюсер глубоко задумался. Детских программ у него на примете не было, и негде было взять. Он развернул сетку вещания: 9.00 — сериал «Роковые секреты Полишинеля», 10.00 — сериал «Дикий ангел», 11.00 — «Ручной дьявол», дальше шли «Спасатели Сансет-бич», «Рабыня без ауры» и «Кровавые разводы» (история Хуаниты, в каждой серии разводившейся с очередным мужем, а серий уже было 225, и неизвестно, сколько осталось; за отсутствием в Аргентине такого числа актеров мужья уже начали повторяться). В 19.00 начиналась модифицированная версия «Поля чудес»: Якубович уже не задавал вопросов, а только принимал подарки — соленые грузди, сало, сахарные головы, свой портрет на горчичном зерне, расписные яйца с наклеенными усами, живых кур и тканые полотенца. После каждого второго подарка он кланялся, приговаривая: «Дай бог здоровычка вам, и деткам, и свекру, и деверю, и шурину, и золовухе, и куманьку с куманихой, и сватье бабе Бабарихе!», а после каждого третьего петухом

кричал: «Рекламная пауза!» Программа имела сумасшедший рейтинг. С 20.00 Евгений Петросян со своей женой Еленой Степаненко до упаду хохотали, глядя друг на друга. Время юмора на канале заканчивалось выпуском новостей, над которыми хохотала уже вся страна, включая дикторов. Даже самые вышколенные чтецы, еще старой школы, с трудом сдерживали радостный смех:

— А теперь новости экономики. За истекшую неделю... ой, мамочки... достигнут внушительный рост... хи-хи... на 0,003 процента... ой, я не могу... а президент России призвал министров быть смелей и амбициознее и планировать на май никак не меньше 0,004... Ай, держите меня! — И диктор закатывался на всю студию. Рейтинг новостей рос неудержимо.

После юмористического блока начиналось время отечественного и зарубежного кино: сериалы «Кровавый хруст-3», «Забойная сила-6», «Волки позорные-8», «Улица подбитых „фонарей“», все участники которой ходили с красно-синими фингалами, а также американская сага о похождениях техасского рейнджера, передвигавшегося верхом на дикой корове. Сюжет почти всех серий «Рейнджера» был одинаков: дав клятву никого не убивать без особенной необходимости и вообще облагородить свою карму, техасец терпел, пока по башке ему наносили тридцать три удара стулом, но на тридцать четвертом не выдерживал и с ужасным криком начинал давать сдачи, после чего очень быстро оставался один, взбирался на свою корову и в слезах отбывал к новым приключениям.

В три пополуночи, для истинных любителей культуры, изо дня в день показывали наше старое кино.

Пять дней в неделю по заявкам отставных военных демонстрировался блокбастер «Солдаты», а по выходным — «Офицеры». Все это было отличное, неполитическое, высокорейтинговое телевидение, и разбавить его чем-либо новым, кроме рекламы новых прокладок, не представлялось возможным. «Телепузики» уютно торчали в своей щели, никому не мешая, и заменить их было нечем — всех производителей программы «Усни, дитя» давно определили в элитный дом престарелых, а «Союзмультфильм» занимался исключительно дубляжом саги о покемонах. Кто такие покемоны, не знал никто, но это и считалось настоящей адекватностью нашему времени: кто такой президент, тоже до сих пор толком никто не знал, но все его ужасно любили — и чем меньше знали, тем всенароднее делалась любовь. В этом смысле между ним и Пикачу наблюдалось почти полное сходство — разве что Пикачу все время говорил «пика-пика-пика» и разил хвостом, а президент знал несколько больше слов и за отсутствием хвоста разил взглядом.

— И чего ему не понравилось в телепузиках? — мрачно спросил себя генпродюсер. — Вроде такая тихая программа, никакой политики... Плешь! — крикнул он своего заместителя по развлекательным программам.

Вадик Плешь, прозванный так за раннюю лысину, как раз репетировал в это время свою новую телеигру, призванную затмить устаревшее «Поле чудес». Суть игры была проста: всех участников ставили в круг, над головами их подвешивали ведра с дерьмом, а в центре круга стоял Плешь, весь в белом, и весело смеялся,

когда после очередного неправильного ответа на игрока опрокидывалось ведро. Зрелище в самом деле было гомерическое, особенную же пикантность придавало ему то, что в одном из ведер вместо дерьма был шоколад. Вопросы подбирались хитрые — где была битва при Фермопилах, как называлась столица Римской империи и в каком городе княжил Владимир Суздальский. Ответить не мог почти никто, так что скучать зрителям не приходилось — ассистенты едва успевали наполнять ведра.

— По вашему приказанию прибыл! — отрапортовал Плешь.

Генпродюсер принялся.

— Ты что, навоз по участку раскидывал? — поморщился он.

— Телевидение — грязная работа, — оправдывался заместитель.

— Ладно. Принеси мне последний эфир «телепузиков», а то нам тут, понимаешь, предупреждение пришло...

— Что-нибудь политически неграмотное? — насторожился Плешь.

— Откуда я знаю! — взорвался генпродюсер. — Я что, смотрю их? Тащи давай!

Скоро требуемая кассета была принесена, и начальник погрузился в созерцание. На экране всходило солнышко. Четыре пухленьких разноцветных существа весело резвились под его лучами.

— Как хорошо прыгать! — кричал один по прозвищу Тинки-Винки. Остальные радостно хихикали.

— Как весело ходить! — кричал другой, по имени Дипси, размахивая шляпой и маршируя на месте.

— Мне нравится ползать! — кричала нежно-салатовая Ля-ля, падая на свое телепузико и ползя на нем к зрителю.

— А я люблю сидеть! — заходила от хохота самая маленькая, которую звали По. Она была красненькая и дрыгала толстыми ножками. После этого всем героям программы раздавали пузи-блинчики и пузи-крем. По не хотела есть и ничего не получала, а остальные тыкали в нее пальцами и оглушительно хихикали. Это в принципе напоминало шоу Петросяна со Степаненко, но содержало несколько больше смысла.

— И чего ему не нравится? — задумался генпродюсер. Программа была аккуратной, политически выдержанной, не содержала политических намеков и за двадцать минут прерывалась рекламными паузами всего семь раз.

После получасового размышления он вызвал заместителя.

— Давай сюда живо бригаду, которая их озвучивает, — лаконично приказал он.

— Да ведь этот выпуск уже был в эфире...

— Ничего, покажем в правильном варианте. И мультипликатора зови.

Еще через полчаса вся команда, готовившая «Телепузиков» к выпуску, навытяжку стояла перед генпродюсером.

— Значит, так, — грозно произнес он. — Имена переделать. Что это за иностранщина? У нас что, русских имен нет? Оставить только Лялю. Остальные будут называться Витя, Митя и Петр, чтобы не слишком менять артикуляцию.

— Но По же девочка, — робко вставила актриса, озвучивавшая самую маленькую.

— Будет мальчик! — рявкнул генпродюсер. — Нам нужны защитники Родины! Солнышку поменять лицо. Там восходит никому не известный мальчик, а должен восходить всем известный известно кто! Моняли? У нас теперь одно солнышко, которое греет всех одинаково. Но главное — текст! Возьмите этот сценарий, и чтобы озвучивали точно по нему! Я больше предупреждений получать не намерен!

На следующее утро в эфир вышел переозвученный выпуск «Телепузиков».

— Наша экономика подпрыгнула вот так! Вот так! — повторял бывший Тинки-Винки, подскакивая.

— Мы пойдем в армию вот так, вот так! — приговаривал Витя-Дипси, маршируя.

— Мы любим нашего президента вот так, вот так! — приговаривала Ляля, ползая на пузе.

— А кто не будет ползать, будет сидеть вот так! — плюхалась на плюшевую задницу бывшая По, ныне Петр. С небес на все это одобрительно смотрело первое лицо государства.

— Ничего, — одобрительно заметил министр культуры Шустрый и побежал докладывать президенту о проделанной работе.

СКАЧКИ

(ИЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО)

Любезный читатель! Поскольку наше скромное перо не может адекватно описать новую российскую светскую забаву «Скачки на приз президента», мы решили воспользоваться главой из «Анны Карениной» о скачках на приз государя. Мы позволили себе заменить лишь некоторые слова, исключительно в видах соответствия моменту. Вы легко обнаружите эти замены. Весь остальной текст — чистый Толстой, в тем и могут убедиться любопытные, прогитав двадцать четвертую и двадцать пятую главы второй части «Анны Карениной».

В этот день была скачка на приз президента с барьерами. С самого начала Беговой видно было море машин с мигалками, окружавших гипподром, и кипящие народом трибуны. Подходя к конюшне, Алекперов встретился с белоногим рыжим РАО ЕЭС Чубайса, которого в огромной оранжевой попоне уже вели на дорожку. В открытом деннике Лукойл был уже оседлан. Алекперов окинул взглядом прелестные любимые формы компании, дрожавшей всем телом,

и, с трудом оторвавшись от этого зрелища, вышел из барака. Он умышленно избегал той избранной великосветской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась пред трибунами. Он знал, что там президент, и спикеры, и Матвиенко, и главы стран СНГ, но, не желая обратить на себя внимание, не подходил к ним.

Послышался крик из президентской ложи: «Садиться!» Олигархи вздрогнули. К каждому подвели его компанию. Все знали о призе, который победитель получит из рук президента. Это была свобода. Свободы желали все.

Лукойл дрожал как в лихорадке. Полный огня глаз его косился на подходившего Алекперова. Олигарх оглянулся в последний раз на своих соперников. Потанин, опасный конкурент и приятель Алекперова, вертелся вокруг вороного Онэксима, не дававшего садиться. Бендукидзе в узких рейтузах ехал галопом, джигитуюя по-грузински. Уралмаш с трудом выдерживал его. Прохоров и Хлопонин еле держались вдвоем на нервно переступавшем Норникеле. Пугачев сидел бледный на своем Межпромбанке и часто крестился. Все знали его особенность слабых нервов и страшного самолюбия. Вексельберг самоуверенно держался в седле, ощупывая что-то в карманах. Абрамович на сытой, раскормленной Сибнефти был, как всегда, почти невидим. Никто не знал, как это ему удавалось. Одного только не было заметно, главного соперника, Ходорковского на ЮКОСе. Вдруг Алекперов услышал сзади себя по грязи дороги звуки галопа, и Ходорковский на ЮКОСе, гнедом в «Яблоках», сам одетый в фирменные желто-зеленые цвета, обогнал его. Сиб-

нефть нахмурилась и сделала два прыжка, словно хотела с ним соединиться. Всех олигархов, с Чубайсом, скакало восемь. Больше никого не осталось. Позади всех плелся кто-то на темной лошадке, в длиннополой шинели и с маузером.

«Дерипаска? — подумал Алекперов. — Мамут? Евтушенков?» Но серую лужковского конезавода Систему Евтушенкова он узнал бы, а Мамут давно не скакал. Алекперов отвернулся, не желая отвлекаться.

На лугу устроены были семь препятствий: налоговая инспекция, проверка Счетной палаты, обыск, выемка документов, пересмотр итогов приватизации, изъятие сервера и благотворительное пожертвование. Конец скачки был прямо против президента, который во все время подготовки к старту беседовал о чем-то с Ивановыми и подчас благожелательно оборачивался к Кучме. Все были в шляпках — для особенной аристократичности. Олигархи казались нервны.

Президент встал в ложе, поправил шляпку и взмахнул платком с вензелем ВВП, вышитым дважды для удвоения.

— Пустили! Скачут! — послышалось со всех сторон после тишины ожидания. Над беговою дорожкой сплошную пеленой взвилась пыль. Олигархи замучились ее глотать.

РАО и Лукойл поднялись над налоговой инспекцией и незаметно, как бы летя, преодолели ее — но в то самое время как Алекперов почувствовал себя на воздухе, он увидел Вексельберга, барахтавшегося прямо под его копытами. Его Ренова рухнула при первом же препятствии.

— О мои яйца! — кричал Вексельберг, схватившись за голову. Яйца его раскатились по всему гип-

подрому. Президент брезгливо сморщился и что-то сказал Патрушеву, отчего тот засмеялся и чуть не потерял шляпку.

Проверка Счетной палаты располагалась пред самую президентскую беседкой. Алекперов увидел только, как взвился перед самым его лицом Чубайс. Шедший следом Бендукидзе увидел барьер, внезапно развернулся и стремительно поскакал в сторону Грузии. По гипподрому пронесся вздох неодобрения. Алекперов перемахнул через проверку, получив только в лицо ком грязи. Но к этому олигархам было не привыкать, и к ним не липло.

Не доезжая изъятия сервера, Хлопонин резко плюхнулся с Норникеля и стремительно пополз в Красноярск. Скоро он скрылся за пасмурным горизонтом.

— Куда ты, брат? — тоскливо крикнул Прохоров.

— В Сибирь! — донеслось издали. Прохоров некоторое время еще потоптался на месте, но вскоре спешился, передал поводья Норникеля подбежавшим жокеям из президентской ложи и осторожно пополз следом за Хлопониным. Президент сдержанно похлопал. Ему нравилось, что олигархи ползли в правильном направлении.

Приближался обыск. Ходорковский легко взял этот барьер, но поторопился, разогнался и неловким движением повалил ЮКОС. С трибуны послышался стон Явлинского.

— А-а-а! Что я сделал! Мы всё прос...али! — закричал Ходорковский. ЮКОС косил на него испуганным глазом. Хребет компании был переломлен, уши беспомощно прядали, акции падали, котировки лихора-

дочно вздымались и опускались. К ней с дефолтом наперевес уже бежали люди в масках, видимо, желая прикончить ее, чтобы она не мучилась. Самого Ходорковского уводили.

— Может быть, деятельное раскаяние? — полупшепотом спросил Кудрин, снимая шляпку и аристократически нагибаясь к президенту.

— Поздно, — ответил президент так, чтобы было слышно скачущим.

В правительственной ложе послышались глухие рыдания.

— Попрошу прекратить истерику! — произнес президент, глядя на еще бившийся ЮКОС, из которого прямо на поле изымали миллиарды долгу.

— Какое жестокое зрелище! Хуже римских цирков! — нервно говорил со своей трибуны Касьянов, стараясь, чтобы его не слышали.

— Если б я была римлянка, я бы ни одного цирка не пропускала! — с азартом говорила раскрасневшаяся Слиска.

— В конце концов скачут люди, которые сами избрали эту деятельность, — тяжело отдуваясь, говорил Генпрокурор Устинов в синей форменной шляпке. — Это прямо входит в обязанности олигарха. А то взяли моду. Еще с президентом хотят встречаться. Нет, ты поди-ка поскачи!

В это время Чубайс на своей РАО ЕЭС слегка поскользнулся и вступил правым копытом в СПС. По гипподрому пронесся недовольный шум, но Чубайс невозмутимо продолжал скакать.

— Верно, так нужно было, — прошептал в бороду Максим Соколов, наблюдавший за скачками из ложи

прессы. — Exegi monumentum über alles, á la guerre comme not to be!

Пугачев, набычившись, скакал прямо на обыск, но, не доезжая препятствия, соскочил с верного Межпромбанка и на коленях пополз к президентской ложе, широко крестясь и ударяя лысым лбом в жидкую грязь. Президент улыбнулся и отвел глаза. К Пугачеву подбежали, подняли его под руки и отвели в ложу Совета Федерации.

Лукойл легко преодолел пересмотр итогов приватизации, и Алекперов только мельком видел, как беспомощно повалился в грязь Потанин. На трибунах заплодировали. «Вот тебе Куршевель!» — крикнул звонкий голос (кажется, Миллера). Грызлов, гордо улыбаясь, говорил что-то американскому послу. Алекперов не разобрал всей фразы — ветер донес до него только обрывки: «Так что и русские тоже... как видите, у нас интернационализм...» Потанина уводили, отбирая прессу.

Оставалось одно, последнее, препятствие — благотворительность. Только по особенной быстроте и мягкости роста цен на нефть Алекперов чувствовал, как много прибавила в капитализации его компания. Президент мягко улыбался, шепча что-то Михаилу Фрадкову. Фрадков ехидно посмеивался, записывая указания в особую книжечку. До слуха присутствующих долетали слова: «И нечего церемониться... теперь пищать некому...»

Лукойл легко перелетел препятствие, даже не взглянув на него, но сам Алекперов сделал на лету непростительное, дурное движение. Он купил иракские прииски. Только на земле он понял, что делать этого

было ни в коем случае нельзя. Лукойл упал на землю, и Алекперов увидел, как от президентской ложи к нему бежит кто-то в синей шляпке. Он разглядел его оскаленные в улыбке зубы и выругался. Краем глаза он заметил, как Абрамович поскользнулся на Челси, а благополучно перелетевший все препятствия Чубайс вдруг споткнулся на ровном месте и замер, не доезжая до президентской трибуны. Было ясно, что его не хотят там видеть. РАО ЕЭС замерла как вкопанная, потом кругообразно двинула задом и сбросила Чубайса. Он полежал немного, чтобы никому не было обидно, потом встал и, ни на кого не глядя, медленно побрел с гипподрома на запад.

— Кто же победил? — прошептал Алекперов.

Он не мог оторвать глаз от странной фигуры на темной лошадке, которая с аристократическим поклоном принимала из рук президента приз — индульгенцию до следующих выборов.

«Кто бы это мог быть? — думал Алекперов. — Лужков? Мордашов? Дерипаска?»

Впрочем, по большому счету ему уже было все равно. Скачки, в которых победили не они, олигархов никогда не интересовали.

ПИСЬМО СЧАСТЬЯ

Ниже предлагается проект типового письма для представителей российских массмедиа, бизнеса и простого населения. Вырежьте его и разошлите по указанным адресам. Несколько олигархов уже послали такое письмо, и скоро им было Счастье, или во всяком случае не было такого Несчастья, какое случилось с одним из них. Другие олигархи отказались посылать такое письмо, и через некоторое время им пришлось отправлять его из гораздо менее комфортных условий. Это касается не только олигархов, но и обычных российских граждан, потому что, в конце концов, все мы жили в России в девяностые годы и уже поэтому вполне заслуживаем чего-нибудь.

Итак, письмо счастья. После того как вы его разошлете, вам вернут экземпляр, в котором главные адресаты сами подчеркнут все нужное. Вам останется только выполнить взятые на себя обязательства.

В редакцию газеты «Ведомости»

В Генеральную прокуратуру России

В Управление делами Президента России

Станиславу Белковскому (Институт национальных стратегий)

В Европейский суд по правам человека

Генеральному секретарю ООН

Нужное подчеркнуть

Я, имярек, олигарх (медиамагнат, политтехнолог, топ-менеджер, банкир, бизнесмен, подписчик «Огонька», слушатель «Эха Москвы», гражданин Российской Федерации, изменник Родины, тварь дрожащая, право имею), перед лицом своих товарищей торжественно заявляю, что:

— считаю русский либерализм позорным (грабительским, несостоявшимся, олигархическим, частнокапиталистическим, фальшивым, паршивым, хакамадическим);

— признаю восьмидесятые и девяностые годы гибельными для российской экономики (политики, науки, искусства, животноводства, ботаники, обороноспособности, географии, природоведения, русского языка, физкультуры, начальной военной подготовки);

— гордо отрекаюсь от сотрудничества и личного знакомства с Анатолием Чубайсом (Борисом Немцовым, Михаилом Горбачевым, Борисом Ельциным, Михаилом Ходорковским, Романом Абрамовичем, Борисом Березовским, Владимиром Гусинским, Александром Солженицыным, Александром Герценом,

Андреем Курбским, отцом, матерью, детьми, собакой, кошкой, мышкой, репкой);

— признаю, что вместо социальной политики и государственного мышления на протяжении всех этих лет только обогащался (грабил награбленное, подбирал плохо лежащее, хавал, хапал, тащил, коммуниздил, лямзил, чпокал, тяпал, тырил)

И КЛЯНУСЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ БУДУ!

В результате установления в России истинно народной и человеколюбивой власти (пребывания в Матросской Тишине, коренного переосмысления своей деятельности, вызова на допрос, получения черной метки) выражаю готовность:

— вступить в добровольное общество «Покаяние» им. Марии Магдалины (вступительный взнос — 1 млн долларов США по курсу Центробанка);

— приобрести команду по выбору топ-инвестора (футбольную, волейбольную, баскетбольную, журналистскую, правительственную, команду «Смирно») за отдельно оговоренную сумму;

— покинуть пределы Родины до особого распоряжения, подрывая в заграничной командировке все, что скажут (экономику Великобритании, политику США, автомобиль Зелимхана Яндарбиева);

— занять пост губернатора отдаленного северного региона с принятием на себя обязательств по выплате всех задолженностей за электричество (газ, свет, воздух, воду, солнце) и попутной выплатой причитающихся надбавок (северной, южной, восточной, западной, пенсионной, инвалидной, президентской);

— добровольно и заблаговременно, не утруждая Генеральную прокуратуру допросами и экстрадициями, взять на себя ответственность за троцкизм, бухаринский уклон, промышленный шпионаж в пользу Танзании, попытку прорыть туннель из Лондона в Барнаул, кормление Максима Горького кислым и отравление его сладким, злодейское убийство двадцати шести бакинских комиссаров и сотрудничество с чеченскими сепаратистами, выразившееся в захвате «Норд-Оста» и порывах зюйд-веста.

Я чистосердечно разоружаюсь и прошу сохранить мне жизнь для социальной и психологической реабилитации на стройках новой вавилонской вертикали.

Подтверждаю в присутствии своих адвокатов, что настоящее письмо написано мною добровольно, без какого-либо давления, включая артериальное.

С совершенным почтением,

*гражданин Российской Федерации,
твердо верящий в ее будущее
на основе хорошего знания прошлого
и быстрой адаптации к настоящему.*

Поскольку большинство реалий, упомянутых в сказках, отлично помнятся почти всем очевидцам российской истории, автор решил отказаться от подробного комментария. Ниже упоминаются только факты, без которых понимание сказок будет затруднено. И потом — дети. Дети ведь любят сказки, а поводы для них знают вряд ли. Так что все это ради них.

1. ГОМУНКУЛУС ГЕНА

Геннадий Зюганов (1944 г. р.) — бессменный (с 1993) глава КПРФ, воплощение аппаратного стиля. В 1996 году едва не выиграл выборы президента России, набрав в первом туре 32, а во втором — 40 процентов голосов избирателей. Он помахал кулаками после драки, утверждая, что выиграл, — но больше для порядку. Вопрос о том, насколько «ручной» оппозицией был Зюганов в 1996 году, остается открытым до сих пор. В настоящее время близок к статусу политического пенсионера. Впрочем, кто сейчас от него далек?

2. ПЛАМЕННАЯ ЛЕРА, или ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Валерия Новодворская (1950 г. р.) — самая радикальная демократка современной России, создатель и бессменный лидер партии «Демократический Союз», переводчица с французского, большая поклонница французских экзистенциалистов, яркая публицистка и несколько монотонный, но сильный оратор. Неоднократно сидела, в том числе в спецси-хушке. Автор этих строк долго уважал Новодворскую, и понадобилось много ее увлекательных статей, выступлений и устных бесед с автором, чтобы появилась эта сказка. Новодворская почему-то очень на нее оби-делась. А чего обижаться? Нечего обижаться... Если бы я обижался на все, что про меня пишут, у меня не осталось бы времени ни на какое другое хобби.

3. НЕВИННЫЙ ГРИША

Григорий Явлинский (1952 г. р.) — экономист, за-меститель председателя Совета министров СССР (1989–1990), автор программы «500 дней», содержа-ния которой толком никто не помнит, но многие ве-рят, что получилось бы лучше, чем после чубайсов-ской приватизации. В 1993 году создал блок «Яблоко» (Явлинский — Болдырев — Лукин). Баллотировался в президенты России в 1996 и 2000 годах, в 2004 году не прошел в Госдуму, на государственных должностях не состоял. В марте 2005 года заявил, что блокиро-ваться с Союзом правых сил по-прежнему не намерен, денег на аренду офиса пока хватает, путинским режи-мом недоволен, возвращения к олигархическому ре-жиму не хочет. То есть верен себе.

4. ХОМЯК АБРАМЫЧ

Борис Березовский (1946 г. р.) — один из самых знаменитых и, пожалуй, трагифарсовых персонажей российской политической жизни. Член, а по некоторым данным, основатель так называемой «Семьи» Бориса Ельцина, первый русский олигарх, создатель концерна «ЛогоВАЗ», прототип Платона Маковского («Большая пайка» Юлия Дубова и фильм «Олигарх» по ее мотивам), фактический владелец ОРТ в 1996–2000 годах, медиамагнат и многих жен супруг — он был причастен ко всему, что делалось в России при Ельцине. По крайней мере, так казалось — в том числе, наверное, и ему самому. Государственная должность Березовского называлась «заместитель секретаря Совета безопасности». Лично причастен к созданию партии «Единство» и операции «Преемник». С преемником не ужился. В настоящий момент, став единственным депутатом Госдумы, добровольно покинувшим ее ряды, проживает в Лондоне. Иногда летает в страны СНГ под псевдонимом Платон Еленин. Полагает, что московские взрывы организовали не чеченцы. Ему видней.

5. ДРАКОН БОРЯ

Борис Ельцин (1931 г. р.)... ну что тут скажешь. Первый президент России вызывал определенное уважение по двум причинам (за других не скажу, речь об авторе). Во-первых, налицо был масштаб личности, до известной степени соответствовавший масштабу страны. Во-вторых, Ельцин умел провоцировать неприятности, не давая им созреть; он как бы непрерывно вызывал огонь на себя, умея грамотно действо-

вать только в обстановке кризиса. Есть у него и несомненная историческая заслуга: в 1999 году, практически не имея вариантов, он выбрал далеко не худший. Думаю, Ельцин совершенно не понимал, что происходило с Россией в 1991–2000 годах. Но, в общем, он не был в этом смысле одинок. Зато теперь, кажется, понял, поэтому и молчит. По меркам страны, где роль личности в истории пренебрежимо мала и каждый является лишь орудием рока, Борис Николаевич вел себя еще довольно прилично. По любым другим меркам — неприлично.

6. СКИФЫ И ШМИДТЫ

В 1998–2000 годах Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) несколько раз принимала чрезвычайно жесткие решения по Чечне. Руководителем отечественной делегации был Дмитрий Рогозин (1964 г. р.), впоследствии один из лидеров движения «Родина». В апреле 2000 года делегация во главе с Рогозиным демонстративно покинула ПАСЕ, вызвав бурное одобрение патриотов. С этого момента Рогозин пошел в гору. Впрочем, он и до этого в нее шел, но тут ускорился.

7. БЕДНЫЙ ЮРА

Юрий Лужков (1936 г. р.) — мэр Москвы с 1992 года и, может быть, навсегда. На самом деле в Москве ему давно тесно. Пчеловод, изобретатель, писатель, покровитель искусств, муж одной из богатейших женщин мира Елены Батуриной, активный друг и помощник Бориса Ельцина до 1999 года и главный враг кремлевской Семьи в 1999–2000 годах, после чего смирился и несколько сдулся. Любимая передача —

«Программа Сергея Доренко», которую он смотрел каждую субботу с начала до конца. Выиграл у московской прессы 40 судов — все за оскорбление и клевету. В марте 2005 года заявил, что в России складывается революционная ситуация. То есть не исключено, что еще один лысый человек в кепке примет участие к крушению еще одного кровавого режима. В сказке упоминается также пресс-секретарь Юрия Лужкова Сергей Цой, муж известной певицы и большой друг московской прессы. Спаси меня, Господи, от друзей, а с врагами я уж как-нибудь сам.

8. СТЕПАНЫЧ И МЕДВЕДЬ

Виктор Черномырдин (1938 г. р.) — премьер России в 1992–1998 годах, глава «Газпрома», главный российский златоуст, автор незабываемых афоризмов вроде «Хотели как лучше, а получилось как всегда», «Дрожат, но лезут!» и «Шамиль Басаев, слушаю вас!». Лицо партии «Наш дом — Россия», задуманной в 1995 году как партия власти. В настоящее время — посол России в Украине. В свое время прославился охотой на медведицу с медвежатами, за что и был кармически наказан, когда от НДР была поглощена партией «Единство» («Медведь»).

9. КОЛОБОК

Если у Березовского была кличка БАБ — по первым буквам ФИО, — то Владимира Гусинского (1952 г. р.) иначе как Гусем, естественно, никто не звал. Отношения у них были, мягко говоря, сложные. Иногда они дрались не на жизнь, а на смерть. Иногда самым нежным образом дружили. Две журналистские

команды, возглавляемые и оплачиваемые ими, рассорились навеки, журналистское сообщество раскололось, половина электората перестала здороваться с другой половиной — но Гусь и БАБ, кажется, остались друзьями. В настоящее время равноудалены. БАБ живет в Лондоне, Гусинский — в Израиле. Его телекомпания RTVi весьма популярна у российских эмигрантов, а самого его все время обвиняют в отмывании каких-то денег. Но он уже, кажется, привык.

10. ТЕРЕМОК

Сегодня и поверить трудно, что когда-то в России было несколько сотен политических партий. И уж по крайней мере полтора-два десятка из них были весьма влиятельными. Не сказать, чтоб это было сильно лучше, но по крайней мере веселей, что и видно из сказки.

11. ПОЛНОЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Книга Бориса Ельцина «Президентский марафон» увидела свет в октябре 1999 года. Это третья часть трилогии («Исповедь на заданную тему» — «Записки президента» — «Марафон»). В создании книги участвовали дочь Б. Ельцина Т. Дьяченко и ее муж (тогда еще гражданский) В. Юмашев. Вообще за 1996–2000 годы в России было опубликовано не меньше сотни политических автобиографий. Время есть, голодных писателей хватает, что не писать-то? Дурное дело нехитрое.

12. КАК ПУТИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ США

В сказке написана неправда. Путин никогда не был президентом США и вряд ли будет. Джордж Буш-мл. (1946 г. р.) победил в 2000 году на президентских

выборах с минимальным отрывом, одолев кандидата от демократов Альберта Гора. Дело решил штат Флорида, где губернаторствовал брат Буша Джеб.

13. ТОЧКА ДЖИ

Владимир Путин (1952 г. р.) стал президентом России в 2000 году, победив в первом туре выборов и пробыв до этого исполняющим обязанности президента в течение трех месяцев — после добровольной отставки Бориса Ельцина 31 декабря 1999 года. Некоторые полагают, что Путин радикально изменил курс России. По-моему, он лишь четче обозначил два вектора, явственно видных уже и при Ельцине: полная интеллектуальная деградация в сочетании с социальным дарвинизмом. Не понимаю, почему его не любят либералы. Каждый из них на его месте делал бы то же самое, только хуже.

14. ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Партия власти «Единство», куда на вербовали Сергея Шойгу, Александра Карелина и Льва Гурова, а также львиную долю российских губернаторов, — была спешно создана в сентябре 1999 года как противовес лужковско-примаковскому «Отечеству». Примаков называл «Единство» политическими младенцами или как-то в этом роде, но сливаться с партией власти пришлось все равно. Образовавшийся гибрид «Единства» и «Отечества» в широких электоральных кругах получил название «Едиот».

15. МИША ЕСТЬ

Михаил Касьянов (1957 г. р.) был премьер-министром России в 2000–2004 годах. Прославился ре-

структуризацией российских долгов, знанием языков и заступничеством за Ходорковского. В феврале 2005 года заявил о своей готовности пойти на президентские выборы-2008. В молодости играл на барабанах в школьном ансамбле, в армии был кремлевским курсантом, отличается безупречной выправкой и командным голосом.

16. УРОЖАЙ-2000

2000 год был одним из самых урожайных за последние двадцать лет.

17. ФОРΟΣ-2

Михаил Горбачев (1931 г. р.) — первый и последний президент СССР. В первое время горячо поддерживал Владимира Путина, бывал у него в Кремле и давал советы. В 2004 году начал осуждать, а в 2005-м — совсем разлюбил второго президента России. Даже ездить к нему перестал.

18. ГОМЕРИЧЕСКИЙ ПИАР

Маленький смуглый человек с куклами, как легко догадаться, Виктор Шендерович (1958 г. р.), автор программы «Куклы», ведущий программы «Итого», лучший российский сатирик девяностых годов. Они с автором, как ни странно, умудрились не поссориться даже в 2000 году. Автор вообще очень любит Шендеровича. Пусть он будет счастлив.

19. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Сказка построена на фактах. Григорий Явлинский в молодости действительно подрабатывал почтальоном, Березовский был академиком, а Александр Воло-

шин (1956 г. р., глава президентской администрации в 1999–2003 годах) по образованию железнодорожник. Говорят, он даже водил паровоз и мастерски загонял его в тупики.

20. РЕПКА

Писано в 2000 году. До дела «ЮКОСа» оставалось 3 года, и многие верили, что обойдется. Впрочем, в марте 2005 года замглавы президентской администрации г-н Шувалов пообещал, что показательное, как он объяснил, дело «ЮКОСа» не повторится — если бизнесмены учтут преподанные им уроки.

21. ВСЕ НЕМНОГО ВОЛХВЫ

Патриарх Московский и всея Руси Алексей (1929 г. р.), в миру Алексей Ридигер, известен выдающейся преданностью нынешнему президенту России. Во время пасхального богослужения 2004 года он поздравил его не только с Воскресением Христовым, но также и с переизбранием на пост президента России.

22. О ТОМ, КАК БУРЯ СНЕСЛА БАШНЮ

Пожар на Останкинской телебашне случился 29 августа 2000 года вследствие замыкания. В полном объеме башня не восстановлена и по сию пору. Тогда же появились два первых политических анекдота путинской эпохи. Первый: «Что случилось с вашей подводной лодкой? — Она утонула. — А с вашей телебашней? — Она сгорела. — А со станцией „Мир“? — Она сгорела и утонула». Второй: «Отчего загорелась Останкинская телебашня?» — «Она столкнулась с другой телебашней».

23. ПАДЕНИЕ

А доллар все-таки упал, только не в марте 2001-го, а осенью 2004 года.

24. БЛЕСК И НИЩЕТА ТЕЛЕПУЗИКОВ

Программа «Телепузики» после многочисленных протестов православной, патриотической и всякой иной общественности исчезла с Российского телевидения в 2003 году.

25. СКАЧКИ

Скачки на приз Президента России состоялись 3 июля 2004 года.

26. ПИСЬМО СЧАСТЬЯ

Председатель правления компании «ЮКОС» Михаил Ходорковский (1963 г. р.) был арестован в октябре 2003 года. В день, когда эта книга сдается в издательство, прокурор попросил для него и главы «Менатепа» Платона Лебедева по 10 лет общего режима.

С 2004 года автор перешел со сказок на «Письма счастья» — так называется его колонка в журнале «Огонек». Письма счастья короче и в большинстве своем написаны в рифму. Автор надеется, что так они проще усваиваются и лучше запоминаются.

СОДЕРЖАНИЕ

Гомункулус Гена	5
Пламенная Лера, или Девочка со спичками	12
Невинный Гриша	24
Хомяк Абрамыч	31
Дракон Боря	43
Скифы и Шмидты	52
Бедный Юрий	65
Степаныч и медведь	77
Колобок	88
Теремок	100
«Полночные записки»	111
Как Путин стал президентом США	123
Точка джи	136
Тридцать три богатыря	148
Миша есть	160
Урожай-2000	171
Форос-2	179
Гомерический пиар	193
Путевка в жизнь	205
Репка	217

Все немного волхвы	230
О том, как буря снесла башню	239
Падение	248
Блеск и нищета телепузиков	257
Скачки	265
Письмо счастья	272
Примечания автора	276

Литературно-художественное издание

СОВРЕМЕННЫЕ И КЛАССИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

БЫКОВ
ДМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ

КАК ПУТИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ США

Ответственный редактор *Сергей Бережной*
Художественный редактор *Александр Яковлев*
Технический редактор *Елена Граг*
Корректор *Екатерина Волкова*
Верстка *Максима Залиева*

Права на оформление переплета
принадлежат ЗАО «АРИА-АиФ».

Подписано в печать 24.04.2012.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 15 057 экз.
Изд. № 12121. Заказ № 5911.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
194044, Санкт-Петербург, Менделеевская ул., д. 9.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

ISBN 978-5-367-02288-9

9 785367 022889

Что такое
политические сказки?

Давным-давно (еще до изобретения электрической лампочки) такие сказки писал Салтыков-Щедрин. Сказки у него получились так хорошо, что сейчас их даже в школах преподают.

Давно, но уже не настолько (вскоре после изобретения автомобиля), такие сказки писал Максим Горький. Сказки у него тоже получались хорошо, из-за чего через несколько лет Россия кончилась и начался СССР.

И наконец, совсем недавно (как раз в очередной раз изобрели что-то жутко секретное) такие сказки начал писать Дмитрий Быков. СССР к тому времени кончился и началась новая Россия.

А потому и сказки у него получились такие — новые русские.

Иллюстрация на обложке
Александра Яковлева

ISBN 978-5-699-37227-0

9 785699 372270

